

МОЛОДОСТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

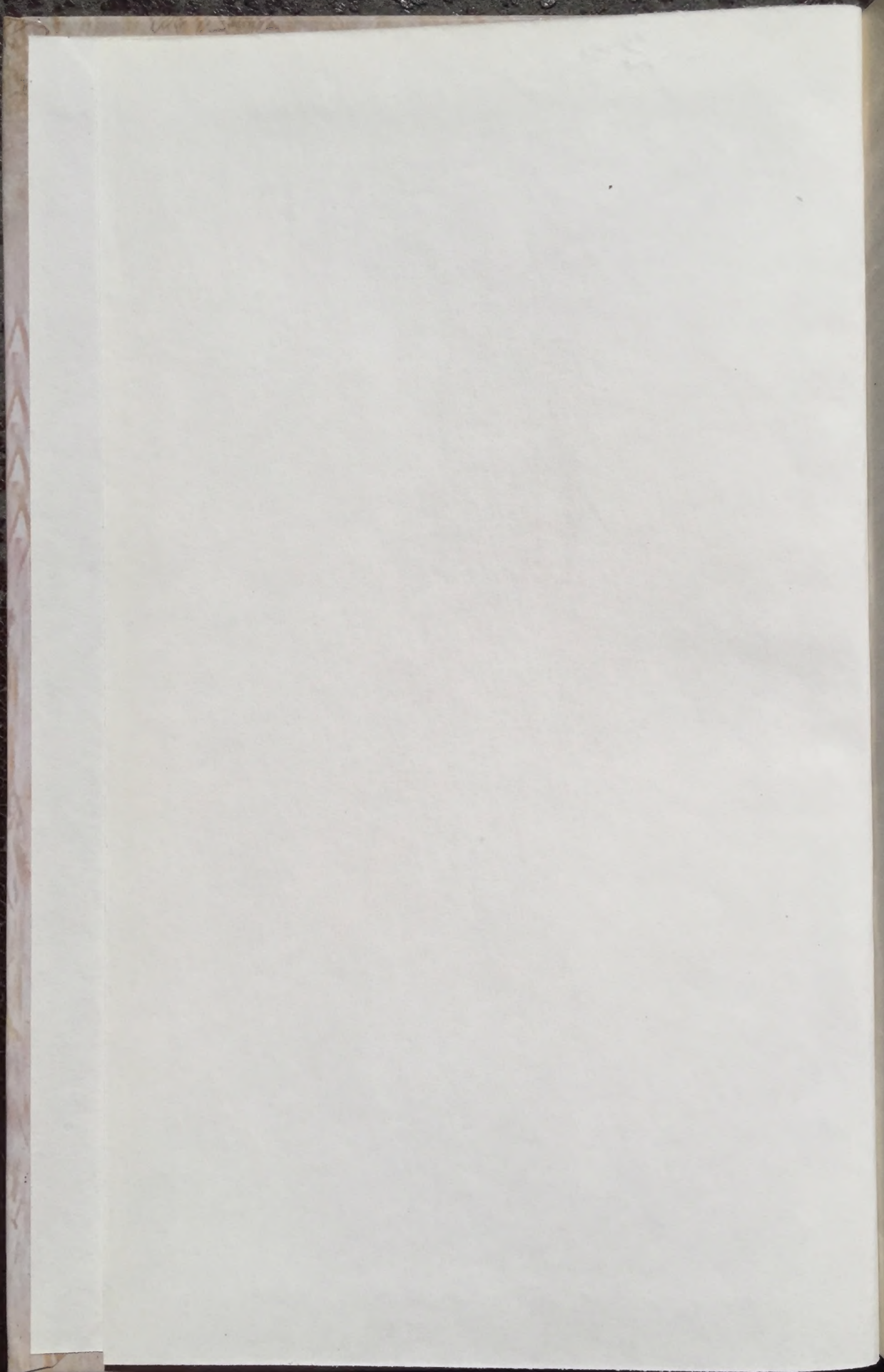
Понсон дю Террайль

Приключения
прекрасной Нанси

DIEU ET MON DROIT

ASCATVR VT ALTER

МОЛОДОСТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Цикл историко-приключенческих романов

Прекрасная ювелирша
Любовница короля Наваррского

Приключения прекрасной Нанси

Приключения Червонного валета
Любовные похождения Трефового валета

Варфоломеевская ночь
Королева баррикад. Сейм в Блуа

Королева баррикад. Цареубийца Жак Клеман

Красавец Галар
Вторая молодость Генриха IV

МОЛОДОСТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Понсон дю Террайль

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПРЕКРАСНОЙ
НАНСИ**

Перевод с французского

Лениздат 2006

ББК 47.2.1.1.1

Т 35

Оформление *Н. Гурковой*

ISBN 5-289-02376-3

© «Ленинград», 2006

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРЕКРАСНОЙ НАНСИ

В то врем
мучимый бес
в своей тюрьме

Когда кор
ился при мыс
с его дочери.

Он так гл
казалось нево
замуж за дво

Хотя Рен
ужасала его.

Ренэ был
так же сильно

Прошло н
его тюрьмы.

Наконец
куска хлеба и

Ренэ вспо
ховника».

— Друг м
тиней к тюрем

— Если
Ренэ...

— Я хоте

— Я не с

I

В то время как в Лувре происходили эти события, Ренэ, мучимый беспокойством и ужасом, лежал на сырой соломе в своей тюрьме.

Когда королева ушла, флорентинец на минуту успокоился при мысли, что королева Екатерина не спустит глаз с его дочери.

Он так глубоко верил в предсказание цыганки, что ему казалось невозможным умереть, если его дочь не выйдет замуж за дворянина.

Хотя Ренэ и начинал надеяться, тем не менее пытка ужасала его.

Ренэ был малодушен: он боялся физической боли почти так же сильно, как и смерти.

Прошло несколько часов, прежде чем отворили дверь его тюрьмы.

Наконец тюремщик принес ему ужин, состоявший из куска хлеба и кружки воды.

Ренэ вспомнил слова королевы: «Потребуй к себе духовника».

— Друг мой! — с мольбой в голосе обратился флорентинец к тюремщику. — Хочешь оказать мне услугу?

— Если мой долг не будет нарушен этим, господин Ренэ...

— Я хотел бы исповедаться.

— Я не священник, господин Ренэ.

— Но ты можешь привести ко мне священника.

— Я передам об этом господину де Фуронну, губернатору.

Тюремщик вышел.

Несколько минут спустя он воротился.

— Губернатора нет в Шатле.

— Где же он?

— В Лувре, у короля.

— Когда он вернется?

— Не знаю.

— Ну так... когда он вернется, ты передашь ему мою просьбу, не так ли?

— Будьте покойны.

Ренэ подождал еще несколько часов, наконец, когда часы пробили десять, де Фуронн, губернатор Шатле, воротился из Лувра.

Тюремщик передал ему просьбу заключенного.

— Черт возьми! — сказал губернатор. — Теперь поздно... в этот час все священники уже спят...

— Однако, — заметил тюремщик, — заключенный убедительно просит исполнить его просьбу и приходит в отчаяние... Он хочет немедленно покаяться в грехах.

— В таком случае приведите к нему монаха.

Тюремщик вышел, чтобы исполнить приказание губернатора.

Не успел он переступить порога тюрьмы, как к нему подошел монах-женевец, попросивший у него милостыню.

«Вот это как нельзя более кстати!» — подумал тюремщик и затем спросил монаха:

— Вы служите обедню?

— Да, брат мой, — ответил женевец.

— В таком случае вы имеете право исповедовать. Пойдемте со мной...

Монах последовал за тюремщиком, который провел его в подземелье к Ренэ и запер там.

— Вы останетесь в темноте, — сказал тюремщик монаху, — но не бойтесь ничего: заключенный закован...

— Я боюсь одного только Бога! — ответил на это монах.

— К тому же, — прибавил тюремщик, — грехи, в которых вам будет исповедоваться Ренэ, так черны, что вам лучше не видеть их.

Оставшись наедине с Ренэ, монах наклонился к нему и прошептал:

— Я пришел по поручению королевы.

— Я догадался, — также тихо ответил Ренэ.

— Королева хлопчет, чтобы спасти вас...

— Ах!

— Завтра вас будут пытаться.

Ренэ задрожал.

— От вашего мужества будет зависеть ваше спасение.

— Мне будут ломать кости!..

— Их сдавят, но не сломают. От пытки не умирают.

— Мне вобьют деревянные клинья между пальцами ног.

— Придется перенести и эту ужасную пытку и от всего отречься.

— Боже мой! Боже мой! — простонал Ренэ.

— Подумайте, — сказал монах, — если вы признаетесь, то заранее осудите себя на смерть.

— А мой кинжал и ключ, которые нашли...

— Вы скажете, что в тот вечер, когда было совершено преступление, вы оставили эти вещи дома в лавке на мосту

Святого Михаила и поручили Годольфину отнести кинжал к точильщику.

— Я так и скажу, — согласился Ренэ, догадавшийся, что королева хочет навлечь подозрение в совершенном преступлении на Годольфина.

— Что касается ключа, то ведь у Годольфина был совершенно такой же. Следовательно, нашли именно тот самый...

— А если у меня спросят, где я провел эту ночь?

— Вы скажете, что провели ее в Лувре, работая вместе с королевой...

— А королева?

— Королева подтвердит ваши слова... Прощайте, пока я ничего не могу более сказать вам. Берегитесь! Если попытка вырвет у вас признание, то вы погибните и королева будет не в силах спасти вас.

— Я отопрусь... — сказал Ренэ.

Монах постучал в дверь, и тюремщик отворил ему.

— Неправда ли, отец мой, он великий грешник?

Монах закрыл лицо руками, притворился сильно взволнованным и прошептал:

— Ах, несчастный!..

— Бьюсь об заклад, что этот негодяй убедил его в своей невинности. Он способен обмануть самого Господа Бога... — пробормотал тюремщик.

Ренэ провел ужасную ночь, ему все время мерещились орудия пыток и эшафот.

— Ах, если королева хочет спасти меня, отчего не избавила она меня также и от пытки?

Флорентинец слышал, как час за часом били часы, и всю ночь не сомкнул глаз.

Когда он увидел бледный луч рассвета, проникший к нему в отверстие, пробитое в стене, он задрожал всем телом.

Ужасный час приближался...

Он чуть не лишился чувств, услышав шаги, раздавшиеся в коридоре около его двери.

«Идут за мной», — подумал он. Действительно дверь открыли, и Ренэ увидел сначала тюремщика, а за ним губернатора и двух солдат.

— Ренэ, — обратился к нему де Фуронн, — вас отведут в церковь, где вы прослушаете обедню...

Ренэ вздохнул свободнее, однако он успокоился ненадолго.

— После обедни вы будете подвергнуты пытке, если откажетесь добровольно сознаться в своем преступлении.

— Я невиновен, — сказал Ренэ.

Губернатор пожал плечами и ничего не ответил.

С ног Ренэ сняли цепи и повели его в церковь, где он прослушал обедню.

Ренэ был далеко не набожен, хотя и ненавидел кальвинистов, однако он с большим усердием молился за обедней и хотел бы, чтобы она продолжалась бесконечно, так сильно его пугала предстоящая ужасная минута...

Но обедня кончилась, как кончается все на свете.

Ренэ, слушавший обедню на коленях, встал и пошел, так слабо держась на ногах, что провожавшие его солдаты должны были поддерживать его.

Зала пытки находилась на одном этаже с церковью. Когда дверь открыли перед Ренэ, он почувствовал, как у него подогнулись колени, и он побледнел как смерть при виде человека в красной одежде, раздувавшего жаровню.

Это был палач. Два помощника, тоже в красном одеянии, но без лестницы, нарисованной черной краской на спи-

не, служащей отличительным признаком палача, — стояли около жаровни.

Ренэ заметил деревянную кобылу, к которой привязывали того, кого хотели пытать посредством воды. С нее он перевел глаза на жаровню, над которой ему будут жечь руки, и на испанский сапог, который должен был давить ему ногу и постепенно раздробить кости.

В глубине залы отворилась дверь и вошел человек, при взгляде на которого Ренэ отчаянно вскрикнул.

В это утро, на рассвете, король Карл IX, проснувшись, позвал своего пажу Рауля.

Рауль явился на зов.

— Позови ко мне Пибрака, — приказал ему король.

Пи́брак немедленно явился.

— Друг мой Пибрак, вы отказались третьего дня арестовать Ренэ.

— Ах, Ваше Величество... королева-мать...

— Хорошо! Я знаю... я и не настаивал, чтобы вы исполнили мое приказание.

— Если Вашему Величеству угодно приказать мне сегодня арестовать кого-нибудь другого, я готов... даже если бы дело шло о принце крови.

— Вы оказываете большую честь Ренэ, друг мой Пибрак, страшись его более чем моих родных.

— Принцы крови не отравители, Ваше Величество.

— Положим. Успокойтесь, однако, Пибрак. Я просто хочу пригласить вас на маленький праздник.

— Вот как! — сказал гасконец.

— Я предупредил вчера Крильона... Рауль!

— Что прикажете, Ваше Величество? — спросил подошедший паж.

— Од
Карл
— М
— Куд
— В Ш
Пибрак
— Сего
вы присутст
— Ах,
— Боит
— Коро
при пытке, т
— Бедни
ком будущем
— Я буд
шего Велико
— Кто ж
— Не зн
Король за
— Подит
Пибрак, я не
роты.
— Ваше В
— Но кля
казни Ренэ.
— О, с ве
питан с недовер
Король оде
Крильон уж
на лошади.
— Герцог,
пытать Ренэ?

— Одень меня, мой милый.

Карл IX соскочил с постели и говорил, одеваясь:

— Мы перейдем Сену.

— Куда же мы отправимся, Ваше Величество?

— В Шатле.

Пибрак встревожился.

— Сегодня утром будут пытаться Ренэ, и я хочу, чтобы вы присутствовали при этом.

— Ах, Ваше Величество, я все еще боюсь.

— Боитесь, чего же?

— Королевы Екатерины. Если я буду присутствовать при пытке, то она вообразит, что я радуюсь...

— Бедный Пибрак, вы, кажется, не верете, что в близком будущем Ренэ будет казнен. Сознайтесь откровенно.

— Я буду откровенен, если даже лишусь милости Вашего Величества. Нет, я не верю, государь.

— Кто же спасет его?

— Не знаю... Ренэ вступил в союз с дьяволом.

Король засмеялся.

— Подите! Я вижу, что вы совсем потеряли голову, Пибрак, я не возьму вас с собой в Шатле только из доброты.

— Ваше Величество слишком милостивы.

— Но клянусь вам, что вы будете присутствовать при казни Ренэ.

— О, с великим удовольствием... — пробормотал капитан с недоверчивой улыбкой.

Король оделся и приказал подать носилки.

Крильон уже ждал короля во дворе Лувра, сидя верхом на лошади.

— Герцог, знаете ли, почему я хочу видеть, как будут пытаться Ренэ?

— Нет, Ваше Величество.

— Для того, чтобы собственными ушами услышать, как он сознается в совершенных преступлениях, и тем лишиться себя всякой возможности уступить просьбам королевы.

— Мне будет чрезвычайно приятно посмотреть, как этот негодяй захлебнется водой, — проговорил герцог.

Человек, вошедший в залу пытки, при взгляде на которого Ренэ пришел в ужас, был сам король.

За королем шли Крильон, губернатор и паж, который должен был записывать на пергаменте признания пытаемого.

Королю пододвинули кресло, он сел, сопровождавшие его и паж стояли с непокрытыми головами.

— Приступайте к исполнению ваших обязанностей, Ренэ, — обратился король к судье.

Судья строго посмотрел на флорентинца.

— Ренэ, — сказал он, — признаете вы себя виновным?

Ренэ колебался, но он вспомнил слова монаха: «Если вы сознаетесь, вы погибли!» и ответил довольно твердо:

— Я не совершал преступления, в котором меня обвиняют.

Судья подал знак.

Палач подошел к Ренэ и положил его на застенок, его немедленно привязали и поднесли к его рту страшную воронку. Сначала ему влили одну кружку воды, потом другую, третью...

Ренэ сопротивлялся, пытался разорвать связывавшие его веревки, но не признавался.

После десятой кружки палач сказал:

— Пытку нельзя продолжать, иначе мы убьем его.

Ренэ отвязали и посадили у стены. У несчастного глаза

вылезли из орбит, он смотрел бессмысленно и его рвало водой.

— Подайте сапог, — приказал судья после того, как преступнику дали четверть часа передышки.

Палач снова повалил Ренэ, отбивавшегося изо всех сил, и привязал его, ногу заключили в страшный сапог.

Когда винт повернули в первый раз, Ренэ страшно вскрикнул, затем замолк на минуту, после чего крики возобновились...

— Сознайтесь, Ренэ, сознайтесь!... — уговаривал его судья.

Палач все заворачивал винт, и Ренэ чувствовал, как кости у него трещат под давлением винта.

Одну минуту боль была так велика, что он чуть не сознался, но страшное видение промелькнуло перед ним: он увидел воздвигнутый эшафот, колесо, железные полосы, отрывавшие члены его тела, он услышал ржание лошадей, которые разрывали его на части по четырем направлениям.

— Я невиновен! — рычал он. — Я... невиновен!

С флорентинца сняли сапог и он увидел свою окровавленную ногу.

Когда его отвязали, он попробовал встать, но страшно вскрикнул и упал почти без чувств.

— У него сломана нога? — спросил король.

— Нет, Ваше Величество, но он долго будет хромать.

— Значит, будет хромать всю жизнь, — возразил Карл IX, — потому что жить ему остается недолго.

Ренэ посмотрел вокруг себя бессмысленным взглядом, взглядом зверя, попавшего в западню, когда он, растерзанный, бессильный, вперяет свои налившиеся кровью глаза в окружающие предметы.

— Ваше Величество, негодяй надеется спасти себя, не сознаваясь ни в чем, — сказал герцог Крильон.

— Да, — ответил король, — но есть пытка, перед которой все это пустяки... мы увидим тогда...

Король указал на жаровню, стоявшую посреди залы, уголья в которой один из помощников палача раздувал мехами.

Ренэ взглянул на жаровню и почувствовал, как у него исчезает остаток мужества.

«Я предпочитаю сознаться, — подумал он, — лучше умереть...»

В эту минуту на него посмотрел судья, флорентинец вздрогнул, ему показалось, что в то время, как последний уговаривал его сознаться в преступлении, лицо его умоляло отрицать все.

Реноден решил наконец сделать ему знак.

Помощники палача подняли Ренэ, просунули руки ему под мышки и подвели его к жаровне.

Палач поднял руку флорентинца над угольями на такое расстояние, чтобы не сгорело тело, но чтобы огонь все же достаточно обжигал ее.

Ренэ начал рычать.

— Пощадите! Пощадите! Ваше Величество, пощадите!.. — вопил он.

Судья многозначительно смотрел на него, как бы магнетизируя его взглядом, точно говорившим:

— Молчи, несчастный!.. Если хочешь жить, то молчи!

Под действием этого взгляда Ренэ рычал, но не сознавался.

— Я невиновен, — говорил он. — Я был в Лувре в ночь убийства... я работал с королевой... это Годольфин... Ваше Величество, пощадите! Пощадите!

— Отпустите его на минуту, — приказал король.

Палач отпустил руку, которую Ренэ быстро отдернул; он на коленях подполз к королю.

— Ваше Величество, — говорил он с мольбой в голосе, — я невиновен... кинжал... я поручил... Годольфину отнести к точильщику... ключ был его... Ваше Величество!..

— Какую руку вы сейчас жгли? — холодно спросил король, обращаясь к палачу.

— Левую, Ваше Величество.

— Ну так подержите над огнем правую. Он ею убил купца Лорио... она более виновна.

Палач схватил правую руку Ренэ и поднес ее к жаровне.

Но едва пламя коснулось ее, как флорентинец, силы которого окончательно истощились, вскрикнул в последний раз и без чувств упал на руки своих мучителей.

Тогда судья обратился к королю:

— Ваше Величество разрешит, конечно, отвести преступника в тюрьму. Его обморок может продолжаться долго... он может умереть... Пытку можно возобновить завтра.

— Хорошо! — согласился король. — Завтра его будут пытаться опять.

— А если он не сознается? — спросил Крильон.

— Пусть, — спокойно сказал король, — ему дадут три дня отдохнуть, чтобы те, кто принимает в нем участие, могли найти настоящего преступника, а так как этот преступник не существует и совершил преступление он сам, то на четвертый день парламент вынесет ему обвинительный приговор... а на пятый он будет колесован!..

Герцог Крильон улыбнулся.

— Жаль, что Пибрак не слышит Вашего Величества, быть может, он переменял бы мнение.

Ренэ все еще лежал в обмороке на полу залы.

— Унесите эту падаль! — приказал Карл IX. — От нее скверно пахнет. Пойдемте завтракать, Крильон. Я умираю от голода.

Король ушел.

Президент Реноден улыбнулся.

— Я начинаю верить, — пробормотал он, — что Ренэ не будет колесован.

Пока уносили Ренэ, лишившегося чувств, обратно в тюрьму, Реноден отправился в камеру вора, которого главный судья приговорил к повешению.

II

Важные преступники, как например Ренэ, подлежали суду парламента и пытке, но простого вора судил главный судья и его попросту вешали в тот день, когда колесовали важного преступника на Гревской площади.

Палач редко беспокоил себя из-за обыкновенного преступника.

Вор должен был обыкновенно ждать дня казни, когда воздвигнут эшафот, на котором будет колесован лютый злодей.

Вора обыкновенно вешали раньше, чтобы разжечь любопытство толпы.

На другой день после ареста парфюмера королевы герцогом Крильоном конный дозор захватил вора, известного парижанам под именем Гаскариля.

Гаскариль приводил в ужас граждан Парижа: предок Картуша соблазнял жен, колотил мужей, грабил, воровал.

Он был начальником шайки воров, жившей на улице Моконсель и в окрестностях Двора Чудес, он убивал мало,

почти никогда. Только исключительные обстоятельства могли довести его до этой печальной крайности.

Один из его товарищей предал его за три золотых экю дозорному, заставшему его врасплох в глухом переулке, примыкающем к улице Вид-Гуси.

Дозорный передал Гаскариля главному судье.

Главный судья, всегда решавший дела крайне быстро, не удостоверившись даже, за что был задержан Гаскариль, осудил его к повешению.

Гаскариль, боявшийся, чтобы его не колесовали, не протестовал.

После произнесения приговора судья сказал Гаскарилю:

— Вчера в Шатле привезли Ренэ-флорентинца, его обвиняют в том, что он убил купца на улице Урс. По всей вероятности, Ренэ будет осужден к колесованию. Если это будет так, то тебя повесят в тот же самый день, как его казнят. Это будет большая честь для тебя.

Хотя Гаскариль и не разделял мнения судьи, но не осмелился возразить ему, он вернулся в тюрьму с довольным видом человека, услышавшего приятное для себя известие.

В камеру этого-то самого Гаскариля и отправился президент Реноден под предлогом допросить его о сообщниках, которые были у него или должны были быть.

Гаскариль довольно дурно встретил президента.

— Так как меня уже осудили, — сказал он ему, — и приговорили к повешению, то пора бы оставить меня в покое.

— Друг мой Гаскариль, — возразил Реноден, — ты неблагодарен к блюстителям правосудия.

— Да мне нечего и восторгаться ими.

— Ошибаешься.
— Меня повесят.
— Тебя могли бы колесовать, а это гораздо больше.
— Ну, уж извините! — сказал вор. — Я никого не убил,
а колесуют...

— Ты пользуешься дурной славой, этого довольно.
— Так что же?

Реноден придал своему лицу слащавое выражение.

— Напрасно, Гаскариль, вы так дурно встречаете меня.

— Будто?

— Я желаю вам добра.

— Вот как! — заметил вор.

Президент присел на солому, на которой Гаскариль лежал с цепями на руках и на ногах.

— Есть у тебя... дети? — спросил он.

— Да сохранил меня Бог!

— Ты женат?

— Нет.

— Любишь же ты кого-нибудь на свете?

При этом вопросе Гаскариль побледнел, потом покраснел и обнаружил внезапное волнение.

— Зачем вы спрашиваете меня об этом?

— Отвечай.

— Да. Я люблю Фаринетту.

— Кто эта Фаринетта?

— Женщина, которую я люблю... — вздохнул взволнованный вор. — Я уж никогда не увижу ее, разве только когда меня будут вешать... Я уверен, что она придет взглянуть тогда на меня... Бедная Фаринетта!

— Значит, ты ее любишь?

— Я только и любил в мире что ее. Бывают минуты, — прибавил вор, почувствовав внезапный припадок ревнос-

ти, — когда я бешусь и не помню себя... Как подумаю, что скоро другой... Фаринетте ведь всего только восемнадцать лет... Она хорошенькая... а мертвых скоро забывают.

— Хочешь оставить ей состояние?

Гаскариль с удивлением взглянул на президента.

— У меня ничего нет, дозорный взял у меня последние двенадцать пистолей.

— А... у Фаринетты?

— У Фаринетты только и есть что голубые глаза и тридцать два белых зуба... Это немного.

— Это очень много, — сердито сказал президент.

— Молчите, судья! — крикнул Гаскариль. — Можно бы, кажется, дать мне умереть спокойно.

— Извини, друг мой! — начал президент. — Выслушай меня до конца.

— Говорите...

— Ты умрешь через несколько часов; но ты можешь оказать небольшую услугу взамен двух сотен экую, которые составили бы недурное приданое Фаринетте и дали бы ей возможность как должно оплакать твою память.

— Двести экую золотом! — воскликнул ослепленный вор.

— Да.

— Двести экую Фаринетте?... Дорогая Фаринетта!.. Чего же от меня требуют?

— Слушай внимательно, — сказал Реноден. — Ты осужден и тебя повесят.

— Мне страшно.

— Умирают только однажды.

— Правда.

— И за три преступления или за два веревка сдавливает с одинаковой силой.

Гаскариль посмотрел на президента.

— Что же вы хотите: чтобы я взял на себя чье-нибудь преступление? — спросил он.

— Да.

— Какое преступление?

— Убийство на улице Урс.

— Хорошо, понимаю. Хотят спасти господина Ренэ, свалив преступление на меня.

— Тебе какое до этого дело?

— Меня колесуют, вместо того чтобы повесить.

— Нет.

— А вы почему знаете?

— Я выхлопочу, чтобы тебя попросту повесили.

— И если я возьму на себя чужую вину?..

— Фаринетта получит двести экю золотом.

— Бедная Фаринетта! — повторил вор, очевидно, борющийся с собой; он покачал головой и сказал: — Нет, не хочу.

— Гм! — заметил президент.

— Я не хочу.

— Отчего?

— Потому что Фаринетта забудет меня, когда разбогатеет, я буду ревновать на том свете, что другой... пользуется богатством, которое я оставил Фаринетте.

— Дурак!

— Очень может быть! Но я не хочу!

— Сколько же ты хочешь получить за то, что возьмешь на себя убийство купца Лорио?

— Ничего.

— А если удвоят сумму!..

— Недурное предложение! Меня повесят через три дня... Мертвым ничего не нужно.

— Упрямец! — пробормотал президент. — Чего же ты хочешь.

— Свободы!

— Ты требуешь невозможного. Если ты признаешь себя виновным в убийстве купца Лорио, то тебя придется повесить, чтобы удовлетворить раздраженных купцов.

— Благодарю покорно.

— Однако...

Это простое слово, сказанное с рассеянным видом Реноденом, было для вора то же самое, что звук трубы для ратного коня.

— Не теряй мужества и терпения, — начал, помолчав немного, Реноден, — мы увидимся сегодня вечером.

Реноден ушел.

Три часа спустя Реноден, стоя у окна в кабинете, увидел носилки, направлявшиеся к его дому по улице Святого Людовика. Впереди носилок шел простой гайдук.

«Королева аккуратна!» — подумал он.

Президент вышел на улицу и пошел навстречу носилкам.

Королева Екатерина вышла из носилок и поздоровалась с президентом.

Так как лицо ее было закрыто маской и она была одета очень просто, то редкие прохожие принимали ее за даму, приехавшую из провинции, которая ведет процесс в парламенте и пришла посоветоваться с судьей.

Реноден проводил королеву к себе, и, только когда он запер дверь на задвижку, королева сняла маску.

— Ну что? — спросила она с сильным беспокойством.

— Ренэ вынес пытку, Ваше Величество.

— И не сознался?

— Нет, не сознался.

В глазах королевы блеснула радость.

— Зато вор, на которого я рассчитывал, не соглашается.

— Неужели?

— У него нет ни жены, ни детей.

— Любит он кого-нибудь?

— Да, но он отказывается.

Реноден передал королеве свой разговор с Гаскарилем.

— Он хочет жить, — прибавил он.

Королева пожала плечами.

— И я обещал ему, что он останется жив, — продолжал Реноден.

— Вы с ума сошли! — воскликнула королева.

Президент таинственно улыбнулся.

— Я кое-что придумал.

— Говорите!

— Ренэ должен страшно возненавидеть палача.

— Еще бы! Ренэ никогда не прощает.

— По всей вероятности, если мы спасем флорентинца, он сыграет с ним какую-нибудь штуку.

— Тем хуже для Кабоша!

— Совершенно справедливо, Ваше Величество, если пообещать Кабошу, что Ренэ простит его, то он, быть может, и постарается чем-нибудь заслужить это прощение.

— Что он может сделать?

— То же самое, что пять лет назад он сделал для несчастного стрелка, приговоренного к повешению. Вместо того, чтобы завязать затяжную петлю, он сделал обыкновенную, затем, вскочив к нему на плечи, ухватился за глав-

ную веревку, продетую у осужденного под мышками, и всей своей тяжестью потянул ее, и обыкновенная петля не сдавила шею повешенному. Стрелок, которому было известно, что с ним произойдет, покачался с минуту в воздухе, затем повис неподвижно. Толпа, вообразив, что он умер, разошлась.

— А он не умер? — спросила королева.

— Нет. Ночью палач снял его с виселицы, и он отделился только несколькими ссадинами, но шея у него осталась кривая на всю жизнь.

— Вы хотите, Реноден, чтобы Жан Кабош проделал то же и с Гаскарилем?

— Да, Ваше Величество.

— Это трудно.

— Отчего?

— Потому что Кабош способен все рассказать королю.

— Неужели?

— Но позвольте дать вам совет.

— Я слушаю, Ваше Величество.

— Обещайте Гаскарилю, что дело произойдет так: когда Ренэ будет признан невиновным, переговорить с Кабошем... но... раньше... это было бы опасно.

— А если Гаскариль согласится?..

— Вы явитесь в Лувр, как мы уже условились... и скажете королю...

Реноден покачал головой.

— Не лучше ли было бы... — начал он.

— Что еще?

— Подождать, когда король приедет в Шатле.

— Значит, он приедет еще раз туда?

— Завтра утром.

— Зачем?

— Ренэ должен еще раз подвергнуться пытке.
— Боже мой! — в ужасе воскликнула Екатерина.
— Самой ужасной... пытке огнем... Сегодня утром он упал в обморок... Завтра я все устрою... Предоставьте это мне...

— Хорошо!

Королева встала, намереваясь вернуться в Лувр.

— Ваше Величество, у меня есть к вам просьба, — обратился Реноден к королеве.

— Какая?

— Гаскариль не поверит мне, если я не покажу ему вашей подписи.

— Вы думаете?

— Это необходимо.

— А если... она попадет в руки короля?

— Я отвечаю вас за это.

Екатерина недоверчиво посмотрела на президента.

Реноден понял этот взгляд.

— Ваше Величество, — ответил Реноден настойчиво, зная, что без него не обойдутся, — без этой подписи я не отвечаю вам за жизнь Ренэ.

— То есть это будет порукой...

— Для Гаскариля.

— И... для вас.

Реноден промолчал.

«Он хочет заседать в парламенте», — подумала Екатерина.

Она присела к столу президента и написала на пергаменте.

«Я помилую Гаскариля.

Екатерина»

Президент взял пергамент, после чего королева ушла.

Через десять минут, когда носилки королевы Екатерины завернули за угол улицы Святого Людовика, Реноден тоже вышел из дома и отправился в Шатле, в камеру вора.

— Тебя спасут от смерти, — сказал он ему.

Реноден рассказал, как пять лет назад Жан Кабош спас своего друга стрелка.

Но Гаскариль был хитер.

— Чем вы можете подтвердить ваши слова?

Президент вынул пергамент за подписью Екатерины и печатью с гербом, которую она оттиснула своим перстнем.

— В самом деле! — прошептал Гаскариль. — Королева во что бы то ни стало хочет спасти своего любимца.

— Еще бы!

— Но получу ли я двести экю золотом, которые вы предназначали Фаринетте?

— Получишь.

— Гм! Нехорошо грабить такую бедную девушку, как Фаринетта.

— Ты дашь ей эти двести экю.

— А что же получу я?

Президент засмеялся.

— У тебя будут двести других.

— В таком случае я согласен.

— По рукам, значит?

— Да, я не знаю, однако, что мне надо говорить...

— Успокойся, я научу тебя за час до пытки.

— Как? Меня будут пытать?

— Успокойся! Ты проглотить две кружки воды и только.

— Когда я буду свободен, — пробормотал вор, — после того, как приятель Кабош снимет меня с петли, я уеду в провинцию с Фаринеттой. В Париже жить слишком опасно.

III

Вернемся теперь к Генриху Наваррскому, которого мы оставили лежащим на полу в комнате Нанси и подслушивающим то, что происходило в кабинете королевы Екатерины.

Принц присутствовал, таким образом, при совещании королевы-матери и президента Ренодена, изложившего ей придуманный им способ спасти Ренэ.

После ухода Ренодена Генрих водворил квадрат паркета на прежнее место и ощупью добрался до шнура сонетки, сообщавшегося с комнатой принцессы. Нанси заперла его.

Генрих потянул шнурок сверху вниз, стараясь, чтобы колокольчик не зазвонил.

Через минуту раздался звонок, по всей вероятности означавший: вас сейчас выпустят. Действительно, скоро пришла Нанси.

— Идите, господин де Коарасс, — сказала она.

Нанси за руку вывела принца из комнаты и стала спускаться с ним вниз по витой лестнице.

— Разве принцесса не ждет меня? — спросил он.

— Вы ненасытны, милостивый государь, — ответила Нанси.

— Почему?

— Да потому, что... вы уже видели ее.

— Правда.

— А принцесса имеет привычку ложиться спать каждый вечер.

Генрих промолчал.

— Куда вы хотите пойти? — продолжала Нанси. — К кому-нибудь в Лувре или выйти из него?

— Я хотел бы видеть Пибрака.

— В таком случае идите сюда.

Нанси пове...
он еще не знал, и
которой его не...
— Теперь вы...

— Да.

— В таком с...

Но Генрих у...

— Дитя мое...

— Что вам н...

— В котором...

— Ах да!... Е...

приходите, как в...

— Хорошо.

Генрих пожал...

и пошел к Пибра...

Капитан жда...

Принц, уходя...

он подумал, не сл...

— Ах, Боже...

дящего принца.

— Вы беспок...

— Как нельз...

— Успокойте...

— Что же сл...

— Я расскаж...

— А почему...

— Потому ч...

Генрих подог...

ной проход.

— Черт воз...

верствие. — Я...

спать...

Нанси повела молодого человека по коридору, которого он еще не знал, и дошла до знакомой уже ему лестницы, по которой его не раз провожал паж Рауль к Пибраку.

— Теперь вы знаете, куда идти?

— Да.

— В таком случае прощайте, — сказала камеристка.

Но Генрих удержал ее.

— Дитя мое, одно слово.

— Что вам надо?

— В котором часу... завтра?

— Ах да!.. Вам ничего не сказали. На всякий случай: приходите, как всегда, в девять часов.

— Хорошо.

Генрих пожал руку Нанси, тотчас же убежавшей от него, и пошел к Пибраку.

Капитан ждал его с беспокойством.

Принц, уходя от него, имел такой таинственный вид, что он подумал, не случилось ли уже какого несчастья.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Пибрак, увидев входящего принца.

— Вы беспокоились?

— Как нельзя более.

— Успокойтесь, все обстоит благополучно.

— Что же случилось?

— Я расскажу вам немного погодя.

— А почему не сейчас?

— Потому что я должен еще кое-что узнать.

Генрих подошел к шкафу и снова проскользнул в потайной проход.

— Черт возьми! — пробормотал он, взглянув в отверстие. — Я пришел не вовремя... принцесса ложится спать...

Принцесса действительно раздевалась при помощи Нанси, собираясь лечь в постель.

— Право, Ваше Высочество, — говорила Нанси, — бедный Коарасс, угадывающий все по звездам и убедивший королеву в том, что он колдун, кажется, сам заколдован.

— Ты думаешь, дитя мое?

— Он до смерти влюблен в вас.

Генрих увидел, что лицо Маргариты, на которое падал свет от лампы, покраснело, как у пансионерки.

— Представьте себе, Ваше Высочество, — продолжала камеристка, — ведь он хотел вернуться...

— Сюда?

— Да, сюда.

— Сегодня вечером?

— Да.

Нанси лукаво улыбнулась.

— Хотя и знал, что завтра...

— Завтра? Но я ничего не говорила...

— А я взяла на себя смелость назначить ему свидание.

— Неужели!

— Конечно, — с притворным смирением добавила камеристка, — если вы не желаете принять его, то я предупрежу...

— Увидим... — ответила немного взволнованная Маргарита.

Нанси продолжала:

— Однако он очарователен.

— Ты находишь?

— И если бы я была принцессой...

— Дерзкая!

Нанси не смутилась.

— Когда, Ваше Высочество, вы сделаетесь королевой Наваррской...

— Что тогда?

— Вы позволите мне дать вам совет?

— Говори.

— Королева Наваррская хорошо сделает, назначив Коарасса на какую-нибудь придворную должность.

— Замолчи...

— Говорят, что в Нераке очень скучно.

— Нанси, — спокойно сказала принцесса, — я начинаю думать, что Коарасс принадлежит к числу твоих друзей!

— Что вы, Ваше Высочество!

— И что ты в заговоре с ним против меня. Ты добьешься наконец того, что я люблю его...

— Ах, Ваше Высочество, вы должны согласиться со мной, что сами дали мне разрешение войти в союз против вас.

Генрих слушал этот разговор, дрожа от радости.

— Молчи, сумасшедшая...

Маргарита легла в постель.

— Иди и дай мне спать, — сказала она.

Нанси погасила лампу и ушла.

Принц услышал, как принцесса прошептала:

— Боже мой! Я действительно люблю его.

«Я уж заметил это, сударыня», — подумал Генрих, возвращаясь в комнату Пибрака.

Последний, сидевший развалясь в кресле, посмотрел на принца с таким же выражением лица, какое было у того путешественника, которому сфинкс, впоследствии побежденный Эдипом, задал загадку.

— Дорогой Пибрак, — обратился к нему принц, — если

вы хотите попросить меня оказать вам какую-нибудь милость, то можете обратиться ко мне теперь же.

— Неужели, Ваше Высочество.

— Я пользуюсь дружбой короля...

— Это правда.

— И скоро приобрету расположение королевы Екатерины.

Пибрак с удивлением посмотрел на принца.

— Я занял место Ренэ.

— Ваше Высочество приготавливает духи?

— Нет, но я гадаю по звездам.

Удивление Пибрака достигло крайних пределов.

Генрих рассказал ему о приключениях, случившихся с ним в этот вечер: о похищении Паолы, встрече с королевой-матерью, сцене гадания, которую он так хорошо разыграл, и о содействии Маргариты, при помощи которого он может продолжать свою роль.

Пибрак слушал его, нахмутив брови.

— Ваше Высочество, я повторяю то, что вам уже сказала принцесса: игра опасна.

— Но я играю удачно...

— Надеюсь... потому что иначе...

— Друг мой Пибрак, вы слишком скоро приходите в отчаяние.

— Я знаю королеву.

— Я тоже.

— Я знаю также Ренэ, а это хуже.

— О, что касается последнего, то жизнь его в моих руках.

— Может ли так быть?..

— Мне стоит только пойти к королю и рассказать ему все.

— Ах, Ваше Высочество, не делайте этого!

— Почему?
— Я знаю его.
том, зато все дума
дружбе...
— Пусть!
— Если король
и засадит его в Баст
что Ренэ виновен, е
не повесят.
— Неужели!
— Королева-м
— Какого мне
рак?
— Король не д
должны продолжа
— Зачем?
— Затем что
верит в сверхесте
— Только поз
— Прибавьте
— Да, это пра
— В тот день
на, который превз
дний может счита
похуже приговора
— Я того же
— Если вы в
тавьте королю,
удовно.
— Согласен
— А если Ва
ли жениться на пр

— Почему?

— Я знаю его. Если Ренэ и не заключил союза с чертом, зато все думают, что он состоит с ним в большой дружбе...

— Пусть!

— Если король даже узнает истину, арестует Ренодена и засадит его в Бастилию, освободит Гаскариля и докажет, что Ренэ виновен, его все же не только не колесуют, но даже не повесят.

— Неужели!

— Королева-мать возмутит всю Францию.

— Какого мнения держитесь вы в таком случае, Пибрак?

— Король не должен ничего знать, а Ваше Высочество должны продолжать разыгрывать роль колдуна.

— Зачем?

— Затем что королева-мать любит Ренэ потому, что верит в сверхъестественную силу проклятого парфюмера.

— Только поэтому?

— Прибавьте к этому чувству привычку, вот и все.

— Да, это правда!

— В тот день, когда королева встретит другого колдуна, который превзойдет своими способностями Ренэ, последний может считать себя погибшим. Этот результат будет похуже приговора парламента.

— Я того же мнения, Пибрак.

— Если вы верите мне, Ваше Высочество, то предоставьте королю, королеве и Ренэ разбираться, как им угодно.

— Согласен с вами.

— А если Ваше Высочество еще не отказались от мысли жениться на принцессе Маргарите...

— Конечно, нет. Принцесса Маргарита очаровательна и, быть может, для того, чтобы заслужить ее расположение, мне совсем не надо быть ее мужем.

— Так... к чему же?

— Я действую так вследствие политических соображений... Кто может угадать будущее? — заключил принц важным, вернее сказать вдохновенным, голосом, каким он уже говорил однажды, когда зашла речь о его женитьбе несколько дней назад.

— Теперь, посоветовавшись с вами, Пибрак, я уйду, — прибавил Генрих Наваррский.

— Вы отправляетесь в гостиницу?

— Пока нет. Мне надо еще зайти в одно место. Прощайте, Пибрак.

— До свидания, принц.

Из Лувра Генрих пошел прямо в кабачок Маликана.

Кабачок был уже заперт, так как давным-давно оттуда ушли последние посетители, но сквозь запертые ставни принц заметил слабый луч света.

Он тихонько постучался.

— Кто там? — раздался голос Миетты.

— Земляк, — ответил принц по-беарнски.

Миетта тотчас же отворила дверь.

Войдя в кабачок, принц увидел там Ноэ и прекрасную ювелиршу, которая была по-прежнему в одежде горного крестьянина.

Маликан, поднимавшийся каждый день вместе с зарей, лег уже спать, а Сарра и Миетта остались вдвоем в кабачке. Но скоро постучали в дверь: это пришел Ноэ.

Он возвратился из деревни Шальо, куда отвез Паолу,

поручив ее надзору Гильома Верконсена. Он вернулся, держа все время берега реки и, войдя, сказал Миетте, обнимая ее и целуя в лоб:

— Я умираю с голоду, дитя мое, будь так мила, дай мне поужинать.

Ноэ ужинал, в то же время болтая с двумя женщинами, когда вошел принц.

— Теперь я понимаю, отчего все время было не по себе! — сказал Генрих. — Ведь я не обедал...

Он сел напротив Ноэ и налил себе полный стакан старого вина, которое Маликан благоговейно хранил для своих земляков.

Генрих и Ноэ поужинали с большим аппетитом, не обменявшись ни словом, они только многозначительно переглянулись.

Принц, весь вечер мечтавший о Маргарите, начал теперь заглядываться на ювелиршу.

Несмотря на мужскую одежду, Сарра была прекрасна. Генрих так пристально смотрел на нее, что молодая женщина покраснела и сердце у нее застучало.

«Странно, — размышлял он, — я никогда не предполагал, что можно любить двух женщин одновременно. Однако это верно: глаза мои были ослеплены красотой Маргариты, а теперь дрожь пробегает у меня по телу при одном взгляде Сарры. Странно создано сердце человека!»

— Ваше Высочество, — сказала Сарра, взяв руку принца, — вы скоро вернетесь в Наварру?

— Нет.

Сарра глубоко вздохнула.

— К чему вы меня спросили об этом?

— Потому что... и я хотела бы тоже поехать туда.

— Вы?

— Коризандра, моя добрая подруга, приняла бы меня. Услышав имя Коризандры, Генрих вздрогнул.

«Ах! Черт возьми! — вспомнил он. — Я все забываю, что Сарра и Коризандра — то же, что два пальца на одной руке».

Он сдвинул брови и сказал ювелирше:

— Прекрасный мой друг, если вы хотите поехать в Наварру, то это легко устроить.

— Вы поедете со мной?

— Нет, но...

Сарра побледнела.

— В таком случае и я не поеду, — сказала она.

— Почему?

— Потому что, — прошептала она, — вы спасли меня...

И у меня есть предчувствие, что и я избавляю вас от большой опасности.

Генрих хитро улыбнулся, показав при этом свои белые зубы.

— Я ничего не боюсь, — сказал он.

— Кто знает?..

Она произнесла эти слова с глубокой печалью.

— Черт возьми! — пробормотал принц. — Свет — решительно не что иное, как громадная лаборатория для некромантии. Все предсказывают будущее, начиная с принца Наваррского и кончая Саррой Лорио.

Он не спускал глаз с прекрасной ювелирши. Сарра была печальна, и грустные глаза ее как бы говорили, что она страдает каким-то неведомым недугом.

«Она любит меня», — подумал Генрих.

Он забыл принцессу Маргариту и взял руку Сарры в свои.

В это время Ноэ болтал с хорошенькой Миеттой на другом конце стола и, подобно тому, как Генрих, смотря на

Сарру, позабыв
любясь лукаво

Миетта с

Генриха, и у не

К счастью

сен-жерменски

— Ну что

думаешь, не по

— Правда

— Что вы

сила Миетта.

разрывается се

— Мы его

Принц меж

— Идите-

сем с собой.

— Какая п

Она зажгл

— Если в

Добрый вечер

— Добры

Миетту.

— Добры

ры к своим губ

Обе женщ

дей одних в за

Тогда Ген

— Честно

ся, Генрих, вы

— И мне

— Следов

риту.

Сарру, позабыл Маргариту, так и Ноэ не думал о Паоле, любуясь лукавой улыбкой и красными губками беарнки.

Миетта смотрела на Ноэ так же нежно, как Сарра на Генриха, и у нее усиленно билось сердце.

К счастью для нее и для Сарры, пробило полночь на сен-жерменских часах.

— Ну что, друг мой Ноэ, — сказал принц, — как ты думаешь, не пора ли вспомнить нам о Годольфине?

— Правда, — ответил Ноэ.

— Что вы хотите сделать с этим несчастным? — спросила Миетта. — Он день и ночь плачет. У меня каждый раз разрывается сердце, когда я прихожу к нему в погреб.

— Мы его утешим, милая моя.

Принц между тем сказал, посмотрев на Сарру:

— Идите-ка обе спать. Не бойтесь, мы ничего не унесем с собой.

— Какая шутка! — воскликнула Миетта.

Она зажгла свечу и продолжала:

— Если вы хотите остаться одни — так оставайтесь.

Добрый вечер.

— Добрый вечер! — пожелал Ноэ, поцеловав еще раз Миетту.

— Добрый вечер, — сказал и принц, поднося руку Сарры к своим губам.

Обе женщины поднялись наверх, оставив молодых людей одних в зале.

Тогда Генрих и Ноэ посмотрели друг на друга.

— Честное слово! — прошептал последний. — Кажется, Генрих, вы больше прежнего влюблены в Сарру.

— И мне кажется то же самое...

— Следовательно, вы разлюбили принцессу Маргариту.

— Ошибаешься: я влюблен и в нее.

— Как? Неужели?

— Молчи, — сказал принц, — а ты сам — любишь Паолу?

— Конечно, да.

— Так зачем же ты так нежно поглядываешь на Миетту?

— И то правда!..

— Значит, ты любишь их обеих?

— Может быть...

— Берегись! Я взял Миетту под свое покровительство и не позволю...

— Берегитесь, Ваше Высочество... Сарра — друг Коризандры и вас могут обмануть...

Генрих закусил губы.

— Может быть, ты и прав, лучше займемся Годольфином и оставим в покое наших очаровательниц.

«Однако, — подумал Ноэ, — я не отказываюсь от Миетты».

Он поднял люк в то время, как Генрих взял свечу.

— Ведь твоя лошадь в конюшне? — спросил принц.

— Конечно. Я посажу Годольфина к себе на седло так же, как вез Паолу.

Генрих спустился первый, а Ноэ шел за ним со связкой ключей и отпер дверь погреба.

Годольфин, все еще связанный, лежал на соломе и стонал. В ту минуту, как дверь его тюрьмы отворилась, он сел и, увидав вошедшего Ноэ, вскрикнул от радости.

— Неправда ли, вы пришли освободить меня, как обещали? — спросил он.

— Это будет зависеть от того, способен ли ты сдержать клятву!

— Я никогда
— Если я от
случая убежать?

— Паола! Па
около нее, да вед

— И ты не по

— К Ренэ?

за загорелись мр

как раб ненавидит

— В таком сл

Ноэ развязал

за. Потом он взя

из погреба.

Несколько ми

на лошадь, а при

Глаза у Годол

лошадь поскакал

вокруг.

Хотя ночь б

фасад Лувра.

На другой де

ку в присутстви

губернатора Ша

терина ждала К

Королева са

полуполудни.

— Я никогда не был клятвопреступником.

— Если я отвезу тебя к Паоле, ты не будешь искать случая убежать?

— Паола! Паола! — шептал молодой человек. — Быть около нее, да ведь это рай... Даю вам слово, что я не убегу.

— И ты не попытаешься вернуться к Ренэ?

— К Ренэ? — воскликнул Годольфин, у которого глаза загорелись мрачным огнем. — Я ненавижу его так же, как раб ненавидит своего господина.

— В таком случае, пойдем.

Ноэ развязал Годольфина и надел ему повязку на глаза. Потом он взял его за руку и с помощью принца вывел из погреба.

Несколько минут спустя Ноэ посадил Годольфина к себе на лошадь, а принц вернулся на улицу Святого Иакова.

Глаза у Годольфина были завязаны, но в ту минуту, когда лошадь поскакала, он тихонько сдвинул повязку и взглянул вокруг.

Хотя ночь была темная, но Годольфин все же узнал фасад Лувра.

IV

На другой день после того, как Ренэ вынес первую попытку в присутствии короля, герцога Крильона, де Фуронна, губернатора Шатле, и президента Ренодена, королева Екатерина ждала Коарасса на второй сеанс гадания.

Королева сама назначила час, а именно — пять часов пополудни.

В пять часов без нескольких минут принц вошел в Лувр, но вместо того, чтобы отправиться прямо к королеве, он сначала поднялся в комнату Нанси.

Хорошенькая камеристка была в своей комнате и с нетерпением ждала Генриха.

— Знаете ли, — сказала она ему, как только он вошел, — что вам пришла в голову прескверная мысль — выдать себя за колдуна?

— Почему же, дитя мое?

— Потому что я весь день должна торчать здесь, чтобы наблюдать, что делает и говорит королева Екатерина.

— Я заплачу вам когда-нибудь за услугу, которую вы мне оказываете.

— Вот как!

— Я пришлю к вам Рауля...

— Зачем это? — спросила камеристка, покраснев до корней волос.

— Чтобы побеседовать с ним.

Нанси немного погодя снова заговорила прежним насмешливым тоном.

— Я несколько не нуждаюсь в этом.

— Неужели?

— Рауль только что ушел отсюда.

— Ого!

— Почему бы ему и не прийти сюда? — задорно спросила молодая девушка. — Ведь вы же пришли?

— Но я... ваш друг.

— И Рауль также.

— Гм!

— Кроме того, он исполняет мои поручения, он и сейчас отправился по вашему делу.

— Как это?

— Сегодня у
— Конечно
гим Ренэ?
— Нет.
— Куда же
— Представ

ную ночь.
— Уж не я л
— Я думаю,
— Вы увере
— У нее всю

по комнате, то сн
сколько раз прои
ко, что я могла ра
странные вещи!
ного...»

— Однако в
— Погодите
— Хорошо,
— Сегодня
— Знаю.

— Он ни в
узнала подробнос
— Вот оно ч
— Король, Н

ли при этом вмес
кому не сказали
пришла к принце
лю. Принцесса
нувшийся из Ша
оном, не сказал
своего пажа Р

— Сегодня утром королева Екатерина уезжала из дома.
— Конечно, для того, чтобы повидаться со своим дорогим Ренэ?

— Нет.

— Куда же она ездила?

— Представьте себе, королева провела очень беспокойную ночь.

— Уж не я ли тому причиной?

— Я думаю, что причиной тому ваши предсказания.

— Вы уверены в этом?

— У нее всю ночь горел огонь, она то вставала и ходила по комнате, то снова ложилась и старалась заснуть. Она несколько раз произнесла ваше имя и пробормотала так громко, что я могла расслышать: «Этот Коарасс сказал мне очень странные вещи! Ренэ никогда не говорил мне ничего подобного...»

— Однако вы не объяснили мне, почему Рауль?..

— Погодите...

— Хорошо, я слушаю.

— Сегодня утром пытали Ренэ.

— Знаю.

— Он ни в чем не сознался, но королева, кажется, не узнала подробностей допроса.

— Вот оно что!

— Король, Крильон и губернатор одни присутствовали при этом вместе с допрашивавшим судьей и ничего никому не сказали. — Королева уже в одиннадцать часов пришла к принцессе Маргарите и просила ее пойти к королю. Принцесса пошла к нему, но король, только что вернувшийся из Шатле и завтракавший в это время с Крильоном, не сказал ни слова о Ренэ. Тогда королева послала своего пажу Рено в Шатле. Рено расспрашивал всех

и узнал только, что Ренэ вынесли в обмороке из залы пыток. Наступил полдень. Королева, беспокойство которой достигло крайней степени, потребовала носилки и сказала Рено: «Прикажи подать носилки, но, разумеется, без гербов». Я тотчас же поняла, — продолжала Нанси, — что королева отправляется в какую-нибудь таинственную экспедицию, и встала у окна. Окно, как вам известно, выходит во двор Лувра. На дворе в это время Рауль обучал кречета, которого подарил ему король. Я махнула ему платком. Рауль понял и вошел сюда вместе с кречетом, сидевшим у него на плече. Ах, господин Коарасс, — вздохнула Нанси, — согласитесь с тем, что я действительно ваш друг, потому что, если бы не для вас...

— Что же?

— Рауль никогда не вошел бы сюда.

— Однако он любит вас...

— Вот потому-то именно его и надо держать на расстоянии, и я бы так и поступила...

— Неужели! — промолвил Генрих.

— Он нахален, как истинный паж, он осмелился...

— О, Господи! — воскликнул Генрих.

— ...потребовать у меня платы за услугу, которую собирался оказать.

— Фи, жид!

— Я сказала ему: «Мой милый Рауль, ты очарователен и, конечно, не откажешься оказать мне услугу».

«Конечно, — ответил он. — Что нужно сделать?»

«Королева Екатерина собирается выехать...»

«А!»

«Она уезжает в носилках без гербов... Ты издали будешь следить за ними, только берегись, чтобы тебя не заметили».

«А потом?»
«Ты скажешь мне»
«Превосходно».
Рауль посмотрел
сказать:
«Мамзель Нанси»
«А тебе какое де
я?»
«Конечно, вы».
«Ну, так повинуй
«Хорошо, но с од
— Понимаете, —
брови. Это показало
дерзким. Вдруг маль
ловия!
— А в чем они со
— Рауль, ниском
вольствием прослежу
ездила, но за это вы д
в вашу левую щечку»
— Ах, негодный
— «Это непреме
нимаете, ради вас...
лась.
— Потом он уш
— О, нет!
— Как, нет! Он
принц.
— Не то, но он
дом за королевой и
ва, что не скажу ей,
нию».

«А потом?»

«Ты скажешь мне, куда ездила королева».

«Превосходно».

Рауль посмотрел на меня и у него хватило нахальства сказать:

«Мамзель Нанси, вы шпионите за королевой».

«А тебе какое дело? Кто тебе дороже королева или я?»

«Конечно, вы».

«Ну, так повинуйся мне...»

«Хорошо, но с одним условием...»

— Понимаете, — продолжала Нанси, — я нахмурила брови. Это показалось мне не только забавным, но даже дерзким. Вдруг мальчишка осмелился предложить мне условия!

— А в чем они состояли? — спросил Генрих.

— Рауль, нисколько не смущаясь, сказал мне: «Я с удовольствием прослежу за королевой и передам вам, куда она ездила, но за это вы должны позволить мне поцеловать вас в вашу левую щечку».

— Ах, негодный! — засмеялся Генрих.

— «Это непременно условие», — настаивал он. Понимаете, ради вас... — продолжала Нанси, — я согласилась.

— Потом он ушел?

— О, нет!

— Как, нет! Он не сдержал своего слова? — спросил принц.

— Не то, но он сказал мне: «Я обещал вам пойти следом за королевой и пойду, уверяю вас, но я не дал вам слова, что не скажу ей, что шпионил за ней по вашему приказанию».

«Неужели ты осмелишься изменить мне!» — воскликнула я.

«Конечно, нет, если вы заплатите мне за мою скромность, это будет стоить двух поцелуев в правую щечку», — сказал он.

— И вы согласились?

— Еще бы! — наивно воскликнула Нанси. — Ведь это было необходимо.

— Дорогая Нанси...

Принц хотел было последовать примеру Рауля, потому что розовая щека Нанси была покрыта соблазнительным пушком, как у персика, но она остановила его:

— Извините! Мне не нужна ваша скромность, это вы, напротив, нуждаетесь в моей.

— Вы правы, — пробормотал принц. — Итак, Рауль пошел следом за королевой Екатериной?

— Да.

— Куда же она отправилась?

— На улицу Святого Иакова на острове.

— Понимаю! К президенту Ренодену?

— Совершенно верно.

— А вы не знаете, о чем они говорили?

— Если вы уж начали играть роль колдуна, то надо продолжать?..

— Неужели вы знаете?..

— Когда королева возвратилась, принцесса Маргарита прошла к ней, и вот что королева сообщила ей: «Ренэ не сознался ни в чем, Реноден нашел человека, который примет его вину на себя. Это известный вор, зовут его Гаскариль. Ему обещано помилование, то есть палача подкупят и он повесит его не так, как следует... или... — прибавила Екатерина, коварно улыбнувшись...» А теперь уходите, — ска-

зала Нанси, — колдуна.

— Увижу я в

— Конечно.

— Где?

— Здесь.

— Вы будете

— Нет, я пой

Генрих поцел

в нижний этаж.

— Идите п

дойдете до парад

навстречу паж

ния...

— До свидан

Генрих посл

шел по парадны

но не Рено, а Р

Последний

— Здравст

— Здравст

— Вы жел

— Она жд

— Ого! —

торой пользов

— Сознай

принц на ухо

Рауль всп

— Разве

— Извес

ность.

— Это п

зала Нанси, — королева ждет вас... Идите изображать колдуна.

— Увижу я вас, когда уйду от нее?

— Конечно.

— Где?

— Здесь.

— Вы будете ждать меня здесь?

— Нет, я пойду к принцессе Маргарите.

Генрих поцеловал руку Нанси и спустился вместе с ней в нижний этаж.

— Идите по этому коридору, — сказала она, — вы дойдете до парадных комнат, а там уж первый попавшийся навстречу паж проводит вас к королеве. До скорого свидания...

— До свидания.

Генрих последовал в точности указаниям Нанси, прошел по парадным комнатам и встретил в прихожей пажа — но не Рено, а Рауля.

Последний шел навстречу принцу.

— Здравствуйте, господин де Коарасс, — сказал он.

— Здравствуй, Рауль.

— Вы желаете пройти к королеве?

— Она ждет меня.

— Ого! — заметил паж, удивившись той милости, которой пользовался беарнец.

— Сознайтесь, Рауль, что вы немного жид... — сказал принц на ухо Раулю. — Даром вы не оказываете услуг.

Рауль вспыхнул до ушей.

— Разве вам что-нибудь известно?

— Известно о поцелуе за услугу и двух за скромность.

— Это почти даром, — сказал Рауль, — а так как

Нанси жалуется, то в следующий раз она заплатит мне вдвойне.

— Вы чрезвычайно остроумны, — сказал принц. — Доложите обо мне.

Рауль пошел к Екатерине и доложил о Коарассе.

— Впусти его, мой милый, — приказала королева, — а затем карауль у моих дверей.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— И не впускай никого.

— Ваше Величество может положиться на меня.

Рауль посторонился и пропустил Коарасса.

Генрих сделал три шага по направлению к королеве и низко поклонился. Королева дала ему знак приблизиться к ней, а он воспользовался этой минутой, чтобы взглянуть на нее.

Екатерина была очень бледна, хотя глаза ее сверкали от злобной радости.

«Она уверена, что спасет Ренэ», — подумал принц.

— Господин де Коарасс, — обратилась к нему Екатерина, — знаете ли, я много думаю о вас со вчерашнего дня.

— Я это знаю, Ваше Величество.

— Как, вам известно и это?

— Да, Ваше Величество не спали эту ночь.

У королевы вырвался возглас удивления, вернее, испуга.

Генрих продолжал:

— Я думаю, Ваше Величество не пожелает расспрашивать меня сегодня об обыденных вещах, например о том, что вы делали или думали вчера.

— Вы ошибаетесь, — возразила Екатерина, — иногда на меня находит сомнение и я хотела бы получить последнее доказательство.

— Приказывайте, Ваше Величество.

— Куда я ездила сегодня?

— Ваше Величество, я ожидал уже, что вы предложете мне этот вопрос, и приготовился ответить на него заранее.

— Каким образом?

— Сидя у себя в гостинице, я совещаюсь со своим оракулом.

— Однако у вас не было того флакона, к посредству которого вы прибегали вчера, — сказала Екатерина, указывая пальцем на пузырек с симпатическими чернилами, стоявший на камине.

— Нет, Ваше Величество.

— Как же вы сделали?

— Я воспользовался графином.

— Графином?

— В который была налита чистая вода.

— И этого вам было довольно?

— Вполне!

— Странно! — пробормотала королева.

— Я хотел узнать, что вы изволили делать, Ваше Величество, с тех пор как отпустили меня вчера.

— Ну, говорите, что же я делала?

— Ваше Величество принимали у себя судью, и он сказал вам, что для спасения Ренэ необходимо, чтобы он выдержал пытку, не признавшись ни в чем.

— Хорошо. Дальше?

— Судья обещал найти приговоренного к смертной казни, который согласился бы взять на себя преступление на улице Урс.

— Верно.

— Когда судья ушел, Ваше Величество все время сильно беспокоились. Вы несколько раз называли мое имя.

— И это правда!

— Сегодня утром вы прежде всего пожелали узнать, не признался ли Ренэ во время пытки.

Королева изумилась.

— Позвольте предложить вам еще один вопрос, Коарасс, и я буду верить вам, как оракулу.

— Приказывайте, Ваше Величество.

— Я выезжала из Лувра...

— Совершенно верно.

— Куда я ездила?

— К судье.

— Что он сказал мне?

— Он сказал, что нашел приговоренного к смерти, согласившегося взять на себя вину Ренэ.

— А кто... этот приговоренный?

— Вор.

— Известно вам, как его зовут?

— Это много труднее сказать, Ваше Величество.

— Почему?

— Потому что я не догадался спросить об этом своего оракула.

— Так спросите его.

Генрих встал и взял с камина флакон с симпатическими чернилами.

— Не угодно ли Вашему Величеству назвать мне одну за другой все буквы алфавита, — сказал Генрих.

— Хорошо! — согласилась Екатерина.

Когда она назвала букву «Г», он остановил ее.

— Это начальная буква его имени, — сказал Генрих, — Ваше Величество можете продолжать, я назову все буквы, входящие в состав его имени.

— Не надо, — сказала королева, — я убеждена теперь

в ваших познаниях относительно настоящего и прошедшего. Но... будущее?

— Ваше Величество, — ответил Генрих, — я имел уже честь предупредить вас, что я очень часто ошибаюсь... однако попытаюсь... Что вам угодно узнать?

— Прежде всего, будет ли спасен Ренэ?

— Да, Ваше Величество, но...

— Говорите, что значит это но...

— Ренэ потеряет свою сверхъестественную силу.

— Отчего? — спросила вздрогнув королева.

— Увы! Ваше Величество, Ренэ лишился орудия, которое имел в своих руках.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ренэ никогда не умел угадывать по звездам.

— Однако...

— У Ренэ был молодой человек, сон которого имел особенные свойства, — прибавил Генрих.

— Какие?

— Во время сна он мог видеть на расстоянии.

Генрих объяснил Екатерине, насколько мог яснее, в чем заключался лунатизм Годольфина.

Королева слушала его, нахмутив брови.

— Итак Ренэ лжец?

— Почти...

— И он обманывал меня...

— И да, и нет, Ваше Величество. Обманывал — уверяя вас, будто гадает по звездам, и говорил правду, предсказывая события, сбывавшиеся впоследствии.

— И Ренэ навсегда утратил эту способность?

— Да, Ваше Величество.

— Почему?

— Потому что Годольфин умер.

Королева строго посмотрела на Генриха.

— Не вы ли причина его смерти? — спросила она.

Генрих спокойно выдержал взгляд королевы.

— Нет, Ваше Величество.

— Знаете вы убийцу?

— Это дворянин, похитивший Паолу.

— Будет ли он наказан?

— Со временем.

— Когда?

— На другой день после свадьбы принца Наваррского и Маргариты Французской.

— А! — промолвила королева, которую этот ответ навел на другие мысли. — Значит, этот брак состоится?

— Да, Ваше Величество.

— Скоро?

— Очень скоро.

— Без всяких препятствий?

— Извините... я вижу одно препятствие...

Принц взял флакон и снова посмотрел через него, потом, как бы повинувшись неведомой силе, он медленно повернулся к востоку.

— Препятствие там! — сказал он.

Екатерина вспомнила, что в этом направлении находится Лотарингия.

— Однако ведь это препятствие будет побеждено? — спросила она.

— О, да! Без сомнения.

— Кем же?

Генрих все смотрел на флакон.

— Странно! — сказал он наконец.

— Что? — спросила Екатерина.

— Я вижу там...

— Что вы видите?

— Человека, который уничтожит препятствие, мешающее браку принца Наваррского с принцессой Маргаритой.

— Кто этот человек?

— Это я, — спокойно сказал Генрих.

По мере того как королева получала ответы на свои вопросы от Коарасса, она все более удивлялась.

— Вы? — воскликнула она.

— Я! — подтвердил принц.

— Каким образом?

— Право, не знаю пока...

— Постарайтесь узнать...

— О, Ваше Величество, этого я не могу сказать вам сегодня.

— А когда же вы скажете?

— Через месяц. Раньше ответить решительно невозможно.

— Странный человек! — прошептала изумленная королева.

Генрих встал.

— Вашему Величеству угодно спросить меня еще о чем-нибудь? — обратился он к королеве.

— Нет. Но вы должны прийти завтра, я хочу спросить вас о гугенотах.

Генрих почтительно поцеловал руку, которую ему протянула Екатерина.

Проходя мимо, он поклонился Раулю.

— Господин де Коарасс, — сказал ему паж, — вас ищет господин де Пибрак.

— Неужели?

— Он ждет вас.

— Хорошо. Я иду.

Не успел Генрих спуститься с последней ступеньки лестницы, как встретил Пибрака.

— Ваше Высочество, — сказал капитан, — у меня есть поручение к вам.

— От кого?

— От короля.

— Ого! А что ему от меня надо?

— Сегодня король в прекрасном расположении духа и желает сыграть в ломбер.

— Его Величество приглашает меня быть его партнером?

— Совершенно верно.

— В таком случае я иду.

— Ваше Высочество окажет мне честь поужинать со мной?

— Без сомнения, но с одним условием.

— Я слушаю.

— Вы дадите мне две минуты свободы.

— Извольте, Ваше Высочество.

Генрих поднялся к Нанси.

— Друг мой, — сказал принц, — я в большом затруднении.

— Почему?

— Король пригласил меня играть с ним в карты.

— А принцесса Маргарита ждет вас.

— В том-то и дело. Как же быть?

Нанси улыбнулась.

— С любовными свиданиями можно всегда устроиться.

Когда надо, мы умеем ложиться поздно. Положитесь во всем на меня. Желаю вам успеха.

От Нанси Генрих пошел
своей комнате, положив
с ним стоял накрытый стол
— Черт возьми! —

шанья, выставленные на
Между двух бутылок
рагу из рябчиков, а нем

ственном соку мяса, к
тики свиные, сосиски
ны в масле.

— Черт возьми, пр

— Ваше Высочест

поклонившись, капитан

— Откуда получае

— От короля. Я у

— А, вот оно что!

— И, как вы вид

недурно.

Генрих сел и поуж

Пибрак был в хо

острил.

По окончании уж

— Король будет

— Что? — спро

Пибрак повторил

— В таком слу

отношениях с корол

— Вы ошибаете

— После арест

Пибрак прерва

V

От Нанси Генрих пошел к Пибраку, который ждал его в своей комнате, положив ноги на решетку камина, рядом с ним стоял накрытый для ужина стол.

— Черт возьми! — воскликнул принц, взглянув на кушанья, выставленные на столе.

Между двух бутылок старого красного вина стояло рагу из рябчиков, а немного подальше — жаренное в собственном соку мясо, кабанья голова, поджаренные ломтики свинины, сосиски, маринованная скумбрия и сардины в масле.

— Черт возьми, превосходный ужин!

— Ваше Высочество слишком любезны, — ответил, поклонившись, капитан гвардейцев.

— Откуда получаете вы ваш стол?

— От короля. Я условился с поваром Его Величества.

— А, вот оно что!

— И, как вы видите, Ваше Высочество, я устроился недурно.

Генрих сел и поужинал с большим аппетитом.

Пибрак был в хорошем расположении духа и много острил.

По окончании ужина он сказал:

— Король будет играть у королевы.

— Что? — спросил Генрих.

Пибрак повторил.

— В таком случае король, значит, снова в хороших отношениях с королевой?

— Вы ошибаетесь...

— После ареста Ренэ, пытки и всего остального...

Пибрак прервал слова принца движением руки.

— Валуа столь же жестоки, как и слабы.

Генрих посмотрел на него с удивлением.

— Король Карл IX так гордится, что выказал твердость, приказав арестовать Ренэ, что хочет довести свою энергию до жестокости.

— Каким образом?

— Убежденный в том, что флорентинец теперь не ускользнет от него, он хочет подразнить королеву.

— Полноте!

— И для этого-то он и идет к ней сегодня вечером.

Генрих улыбнулся и сказал:

— К сожалению, если одному из двух суждено обмануться, то я боюсь, чтобы эта участь не выпала на долю...

— Короля, не так ли?

— Именно.

— А я убежден, что так и будет. Но король ничего пока не знает, а потому торжествует...

— Ну так король будет играть у королевы?

— Да, сегодня вечером. И вы лично убедитесь в этом принц.

Пибрак встал из-за стола.

— Пойдемте со мной, — предложил он.

Генрих последовал за Пибраком, который проводил его к королю.

Король заканчивал ужинать. Он был печален и, увидев входящего мнимого де Коарасса, очень обрадовался.

— Ах! — воскликнул он. — Вот прекрасный партнер. Здравствуйте, де Коарасс, вы прекрасно играете в ломбер.

— Ваше Величество слишком милостивы ко мне...

— Мы сыграем сегодня вечером прекрасную партию, — прибавил Карл IX.

— Если Вашему Величеству угодно принять меня в свою игру...

— Как же! Господин де Коарасс, да ведь это уж решено. Мы будем играть вместе и нас никто не победит.

Генрих улыбнулся, но промолчал.

Король вытер губы салфеткой и продолжал:

— Де Коарасс, хотите, я дам вам поручение?

— Приказывайте, государь.

— Вы отправитесь к королеве.

— К королеве-матери?

— Да, конечно.

— Что прикажете передать ей?

— Вы скажете ей, что я был бы очень рад играть в карты сегодня у нее.

Генрих поклонился.

— И подождите меня там, — прибавил, злобно улыбаясь, Карл IX.

Принц вышел, оставив Пибрака у короля, и направился к покоям королевы Екатерины.

Королева-мать принимала у себя каждый вечер человек двенадцать придворных дам и мужчин, собиравшихся у нее часов в девять вечера и уходивших в одиннадцать.

Они играли в карты, разговаривали о магии и колдовстве. Иногда туда приходил мессир Брантом и читал главу из своих «Дам полусвета».

Вследствие ареста Ренэ и отчаяния королевы эти собрания прекратились уже дня два.

Королева была сердита, и хотя не было придворного, который не ненавидел бы Ренэ, тем не менее его арест произвел сильное смятение в Лувре.

Жалеть Ренэ — значило попасть в немилость к коро-

лю, радоваться же его несчастью — значило прогневить королеву.

В таких обстоятельствах самые благоразумные не показывались при дворе.

Когда Генрих вошел к королеве, она была одна, читала стихотворения на итальянском языке, прерывая время от времени чтение глубокими вздохами.

Хотя Екатерина была вполне убеждена, что спасет Ренэ, тем не менее она была очень печальна: король в первый раз в жизни не послушался ее и сделал по-своему.

Увидав вошедшего Коарасса, она немного удивилась.

— Ваше Величество, — сказал Генрих с полной принужденностью, — я пришел не с тем, чтобы гадать Вашему Величеству, — я бываю колдуном только в известные часы.

— Какой же ветер занес вас сюда, господин де Коарасс? — спросила Екатерина, любезно улынувшись.

— Я пришел с поручением от Его Величества.

— Ага! — заметила Екатерина, слегка нахмутив брови.

— Я посол случайный, — поспешил прибавить Генрих, сразу сообразивший, что милость короля может навлечь на него неудовольствие со стороны королевы.

— Каким образом?

— Пибрак, которому я прихожусь кузеном, встретил меня, когда я вышел от Вашего Величества.

— И что же?

— Он пригласил меня отужинать с ним.

— Отлично! Но...

— Его Величество король несколько дней тому назад удостоил пригласить меня сыграть с ним в карты. Я недурно играю в ломбер.

— Кажется, да
— Король, —
хожусь у Пибрака,
— И он приказ
— Совершенно
— Но ведь в ло
— Вот поэтому
му Величеству.
— А! — ирони
нужен четвертый пар
— Он умоляет
вечером у вас.
— У меня больш
рина.
— Ваше Величе
— Я слушаю, де
— Я посоветова
годня у себя короля.
— Зачем?
— Кто знает, —
может, король раск
к Ренэ и тем огорчи
— Вы правы, —
Она взяла палоч
по колокольчику.
Вошел офицер.
Это был молод
ший обязанности к
— Нансей, —
рядитесь, пожалуй
лы и предупредит
будет играть в ме

— Кажется, даже очень хорошо.

— Король, — продолжал Генрих, — узнав, что я нахожусь у Пибрака, пожелал сыграть в ломбер.

— И он приказал позвать вас?

— Совершенно верно, — подтвердил принц.

— Но ведь в ломбер играют вчетвером.

— Вот поэтому-то король и поручил мне пойти к Вашему Величеству.

— А! — иронически заметила Екатерина. — Королю нужен четвертый партнер.

— Он умоляет Ваше Величество принять его сегодня вечером у вас.

— У меня больше не играют, — сухо возразила Екатерина.

— Ваше Величество, осмелюсь заметить...

— Я слушаю, де Коарасс...

— Я посоветовал бы Вашему Величеству принять сегодня у себя короля.

— Зачем?

— Кто знает, — лицемерно ответил Генрих, — быть может, король раскаивается в том, что был слишком строг к Ренэ и тем огорчил Ваше Величество.

— Вы правы, — с живостью сказала королева.

Она взяла палочку из черного дерева и три раза ударила по колокольчику.

Вошел офицер.

Это был молодой дворянин по имени Нансей, исполнявший обязанности камергера при королеве.

— Нансей, — обратилась к нему Екатерина, — распорядитесь, пожалуйста, чтобы зажгли свечи, расставили столы и предупредите луврских дам и кавалеров, что король будет играть у меня сегодня вечером.

Лицо Нансея просияло. Он весело пошел исполнять поручения королевы.

— Вы видите, Ваше Величество, что Нансей разделяет мое мнение.

— Какое?

— Король желает прийти к вам, чтобы помириться с Вашим Величеством.

— Де Коарасс, вы слишком хорошо предсказываете будущее и мне бы хотелось еще спросить вас кое о чем.

— Я к услугам Вашего Величества.

— Король придет, вероятно, не раньше, как через четверть часа. Пойдемте со мной...

Королева взяла Генриха за руку и привела его в уборную, находившуюся рядом с гостиной, там она заперлась вместе с ним.

— Ваше Величество, — сказал Генрих, — оракулы иногда говорят неправду, в особенности когда их слишком утомляют. Я не знаю, о чем вы желаете спросить меня, но очень возможно, что я на время стану простым смертным, утратив свою силу.

— А я, наоборот, думаю, — возразила на это Екатерина, — что вы будете читать будущее, как по книге.

Королева-мать была твердо убеждена, что принц обладает сверхъестественной силой.

Уборная королевы была очень маленькой комнатой, в которой стояли только два стула.

Королева указала на один из них принцу, а сама села на другой.

Генрих продолжал стоять.

— Нужен вам флакон с симпатическими чернилами? — спросила королева.

— Нет, Ваше Величество.

— Что же вам нужно, в таком случае?

— Вашу руку.

— Возьмите. А еще?

— Больше ничего.

Сказав это, Генрих задул свечу, и комната погрузилась в полный мрак.

Екатерина так привыкла к странностям колдунов, что не возразила ни слова.

Генрих взял ее руку и несколько минут молча держал в своих руках.

— Ваше Величество, — сказал он наконец, — чувство злобы побуждает короля прийти к вам.

— Ах! — воскликнула, вдруг вздрогнув, королева.

— Я не знаю, что он сделает и что будет говорить, — прибавил Генрих, — но он постарается огорчить Ваше Величество.

В эту минуту в гостиной раздались шаги и послышался чей-то голос, говоривший:

— Где же моя мать?

— Король! — шепнула королева.

Она ощупала стену и нажала ручку двери, которая тотчас же отворилась.

— Идите сюда! — сказала она Генриху. — Король не должен знать, что вы мне гадаете. Эта дверь выходит в коридор. Идите все прямо по этому коридору.

— Хорошо, Ваше Величество.

— В конце его вы увидите дверь, которая ведет в комнату моей дочери Маргариты.

— Прикажете постучать в нее.

— Да, постучите. Вам отопрут. Вы скажете Марго, что король играет сегодня у меня и что я прошу ее прийти ко мне.

Генрих ушел, а королева заперла за ним дверь. Очутившись в коридоре, принц усмехнулся.

— Королева Екатерина немного простодушна, — пробормотал он, — объясняя мне, как пройти к двери, которую я и без нее хорошо знаю.

Он прошел весь коридор, дошел до комнаты принцессы и тихонько постучал.

— Кто там? — спросила Маргарита.

— Колдун, — ответил Генрих.

Принцесса отперла дверь, увидела Генриха и покраснела.

— Как! — воскликнула она с беспокойством. — Вы осмелились?..

— Меня послала королева.

— Ах! — с облегчением вздохнула Маргарита.

Генрих поспешил рассказать ей обо всем случившемся.

Принцесса позвала Нанси и приказала помочь ей одеться.

— Вы будете присутствовать при моем туалете, — сказала она Генриху.

Генрих, дрожа от радости, сел около роскошного венецианского зеркала, против которого заняла место Маргарита.

Четверть часа спустя Маргарита Французская вошла в гостиную королевы-матери под руку с де Коарассом.

У королевы было уже многочисленное собрание.

Благодаря де Нансею быстро распространилось известие о том, что король будет вечером играть у королевы-матери.

Так же как Нансей, все остальные поверили состоявше-

муса примирению и пос...
Явился даже герцог де Р...
Герцог не состоял в чин...
казанию короля.

Карл IX сел за игор...
вал руку королевы-мате...
ная предсказаниями Генр...
ролем.

Король, по-видимому...
нии духа.

— Ах! Вот и мой па...
входящего Генриха. — П...
расс. Здравствуй, Марго

Король тасовал карт...
за карточный стол.

— Странно! — заме...
годня король совсем не т...

— Действительно.

— Сегодня утром, п...
ствием смотрел, как пыт...

жить, что вечером он бу...
— Королева могла

на самое короткое врем...
сказал Нансей.

— Я с удовольстви...
третий, подошедший к

— О чем?

— Что Ренэ вый...
завтра.

— Неужели?

— Вот увидите...

— Я озабочена...

муся примирению и поспешили явиться на приглашение. Явился даже герцог де Крильон.

Герцог не состоял в числе придворных, а пришел по приказанию короля.

Карл IX сел за игорный стол. Он любезно поцеловал руку королевы-матери, Екатерина, предупрежденная предсказаниями Генриха, недоверчиво следила за королем.

Король, по-видимому, был в самом лучшем расположении духа.

— Ах! Вот и мой партнер! — воскликнул он, увидев входящего Генриха. — Подойдите сюда, господин де Коарасс. Здравствуй, Марго.

Король тасовал карты, в то время как Генрих садился за карточный стол.

— Странно! — заметил один из придворных. — Сегодня король совсем не такой, как вчера.

— Действительно.

— Сегодня утром, как мне передавали, он с удовольствием смотрел, как пытали Ренэ, нельзя было и предположить, что вечером он будет у королевы.

— Королева могла лишиться своего влияния только на самое короткое время, но не потерять его навсегда, — сказал Нансей.

— Я с удовольствием побился бы об заклад... — начал третий, подошедший к разговаривавшим.

— О чем?

— Что Ренэ выйдет из тюрьмы сегодня вечером или завтра.

— Неужели?

— Вот увидите...

— Я разделяю ваше мнение, — заметил Нансей. —

Если король пришел к королеве — это значит, что он помирился с ней.

— Что же это доказывает?

— Это доказывает, что король простил Ренэ.

— Или что королева отказалась покровительствовать своему парфюмеру.

Нансей улыбнулся и пожал плечами.

— Этого никогда не будет, — сказал он.

— Однако его пытали сегодня?

— Да.

— И он сознался?..

— Он ни в чем не сознался.

— В самом деле?

— Он выдержал пытки посредством сапога, дыбы и жаровни.

— Неужели!

В эту минуту король положил карты на стол и посмотрел на королеву-мать.

— Кстати, Ваше Величество, я хочу сообщить вам новость.

Королева вздрогнула, потому что в голосе короля звучала насмешка и он злобно улыбался.

— Я слушаю, Ваше Величество, — сказала Екатерина.

— Ренэ, вашего любимца, пытали сегодня.

— Я знаю это, государь, — ответила королева.

Король обернулся к придворным.

— Негодяй ни в чем не сознался, — сказал он, — его заставили проглотить десять кружек воды, надевали на него сапог, жгли левую руку...

— Он невиновен, Ваше Величество, — сказала королева.

— И я начинаю этому верить, — заявил король.

Екатерина вздрогнула.

— Завтра я окончательно убежусь в своем мнении.

— Завтра? — с беспокойством спросила королева.

— Да, Ваше Величество, — продолжал король. — Завтра ему наденут сапог на левую ногу.

Королева вздрогнула.

— И ему будут жечь правую руку.

— Ах, Ваше Величество, какая жестокость!

— Если он будет настаивать на своем, то ему вобьют клинья.

Екатерина была бледна и задыхалась.

— Но ведь он невиновен... однако...

— Это мы увидим. Если это правда, то Кабошу останется только сложить руки.

— Ваше Величество, он может лишиться ног.

— Очень жаль, — холодно заметил король, — потому что его придется нести на эшафот.

— О, Ваше Величество! — умоляла королева. — Что будет с этим несчастным, когда ему сожгут руки и сломают ноги?

— Я уже подумал об этом, Ваше Величество, — холодно сказал король. — Если Ренэ виновен, то его колесуют, в противном случае я придумаю что-нибудь для него.

Придворные с удивлением смотрели на Екатерину.

— Нищий, имевший привилегию собирать милостыню на паперти церкви святого Евстафия, умер вчера. Я предоставляю это место, оставшееся вакантным, Ренэ.

После этой жестокой иронии, король собрал разбросанные по столу карты.

— Вам сдавать, Коарасс, — сказал он.

— Господа, я приглашаю вас... — прибавил Карл IX, сделав такое ударение на слове приглашаю, что оно обра-

тилось в приказание: — Я приглашаю вас отправиться завтра вместе со мной в Шатле, чтобы присутствовать при попытке.

Придворные поклонились, дрожа всем телом, и не сме- ли взглянуть на королеву.

— А также и вас, Ваше Величество, — прибавил Карл IX, на которого напал припадок злобы.

— Ах, Ваше Величество!

Королева смотрела в эту минуту на принца Наварр-ского.

Принц загадочно улыбнулся, как бы говоря:

«Согласитесь, Ваше Величество!.. Мы восторжествуем... вот увидите...»

Генрих так часто угадывал правду, что Екатерина вери-ла ему.

— Я поеду вместе с вами, Ваше Величество, — сказа-ла она, поникнув головой.

VI

Король Карл IX проснулся ровно в восемь часов и по-звал пажа. Вошел паж Готье.

— Кто ждет у меня в приемной? — спросил король.

— Де Пибрак, Ваше Величество.

— А еще?

— Герцог Крильон.

— А еще кто?

— Камергер королевы де Нансей.

— Впусти их.

Готье отбросил портьеру и сказал:

— Пожалуйста, господа: король принимает.

Первым вошел герцог Крильон.

— Ах, доро-
я спал сегодня
я выиграл попо-
счастье. До сих
одно ухо, а се

Крильон л-
— Неужел-
мать, проиграв
ную ночь?

— Не дум-
— Однак-
рак, — Ее Вел-
моргнув.

— Да, ког-
Король сн-

— Но вчер-
но. Подробно
ошибку за ош-
вый раз в жиз-

— Кстатк-
му Величеств-

— Конеч-
— Восем-

— В так-
прийти в дев-

— Ваше
что я очень н-

— Не б-

— И хо-
— Зато

Пибрак?
— Сове-

— Ах, дорогой герцог, — обратился к нему король, — я спал сегодня сном праведника. Двести пистолей, которые я выиграл пополам с беарнским дворянчиком, принесли мне счастье. До сих пор я спал как король, то есть в один глаз и в одно ухо, а сегодня — как последний из моих подданных.

Крильон любил подчас сострить.

— Неужели Ваше Величество полагает, что королева-мать, проигравшая двести пистолей, тоже провела спокойную ночь?

— Не думаю, — сказал король.

— Однако, — с лицемерной улыбкой заметил Пибрак, — Ее Величество играет прекрасно и проигрывает, не моргнув.

— Да, когда она играет в долю со своим дорогим Ренэ.

Король снова зло улыбнулся.

— Но вчера Ренэ не было, и королева играла прескверно. Подробности пытки ее так расстроили, что она делала ошибку за ошибкой: она играла как клерк, взявший в первый раз в жизни карты в руки.

— Кстати о пытке, — продолжал Крильон, — Вашему Величеству угодно угостить нас и сегодня пыткой.

— Конечно. Герцог, который теперь час?

— Восемь часов, Ваше Величество.

— В таком случае пора вставать. Я назначил палачу прийти в девять часов.

— Вашему Величеству известно, — сказал Пибрак, — что я очень нервен и впечатлителен.

— Не беда!

— И хотя я сражаюсь не хуже других...

— Зато падаете в обморок при виде пытки, так, что ли, Пибрак?

— Совершенно верно, государь.

— Итак, Пибрак, вы боитесь, что, увидев, как пытаются Ренэ...

— Я дрожу заранее, государь, и если бы Вашему Величеству было угодно избавить меня...

— Сохрани боже! Вы капитан моих гвардейцев, Пибрак, и, следовательно, член моего дома. Я не хочу ехать один.

Пибрак поклонился.

«Я отговаривался в присутствии Нансея, — рассуждал про себя Пибрак. — Это станет известно королеве-матери, а мне больше ничего и не надо».

Карл IX продолжал:

— Я обыкновенно король добрый и вчера не хотел огорчать вас, Пибрак, но сегодня...

— Сегодня Ваше Величество неумолимы, — пробормотал Крильон, подсмеивавшийся исподтишка.

— Герцог, — сказал король, — я пригласил вчера всех бывших вечером у королевы смотреть, как будут пытаться Ренэ. Если кто-нибудь из них не явится, то я прикажу повесить его как простолюдина, несмотря на их право быть обезглавленными.

Король уже не смеялся более.

— Ваше Величество... — осмелился сказать Нансей.

— Ах! Вот и вы, Нансей?

— Да, государь.

— Вас послала королева?

— Вы угадали, государь.

— Бьюсь об заклад, — продолжал Карл IX, — что она послала вас просить избавить ее...

— Королева боится, что будет не в состоянии выдержать такое зрелище.

— Я отчасти разделяю ваше мнение, Нансей.

— Ваше Величество согласны...

— Я предоставляю на ее выбор: или отправиться в Шатле и смотреть, как будут пытаться ее дорогого Ренэ, или...

Король остановился.

— Или? — спросил Нансей.

— ...или отправиться немедленно в Амбуаз, где я ей посоветую...

Король сделал ударение на последнем слове.

— ...где я ей посоветую, — закончил он, — остаться до тех пор, пока у меня не поседеют волосы.

— Однако, государь, — проговорил Крильон, — сегодня вы поступаете решительно.

— Вы находите, герцог?

— Я знаю, что выберет королева.

— Что же?

— Присутствовать при пытке, государь. Она предпочтет даже, чтобы ее пытали саму, чем отправиться в изгнание.

— Герцог, — шепнул Нансей, пробравшийся к нему, — вы играете в опасную игру.

— Почему вы так думаете? — спросил Крильон, оборачиваясь к де Нансею.

— Потому что Ренэ отравляет герцогов так же, как и простых смертных.

— В таком случае посоветуйте ему отравить парижского палача, — возразил со спокойной улыбкой Крильон, — это будет для него много полезнее.

Пока Крильон и Нансей обменивались шепотом этими словами, король продолжал одеваться.

— Пришел Коарасс? — спросил Карл IX.

— Он у меня, государь, — ответил Пибрак.

— Отлично.

— С моим другим кузеном Амори де Ноз, — прибавил капитан гвардейцев.

— Передайте мой ответ королеве, — приказал король Нансею.

— Иду, государь.

— И вы придете сообщить мне ее решение.

Нансей отправился к Екатерине.

Королева-мать заканчивала одеваться в присутствии принцессы Маргариты и мяла в руках небольшую бумажку. Это была записка, которую какой-то неизвестный передал пажу Раулю, сказав:

— Передайте королеве-матери.

Рауль взглянул на бумажку.

— На ней ведь ничего не написано, — сказал он.

Действительно, бумага была совсем чистая.

— Все-таки отнесите ее, — сказал неизвестный и ушел.

Рауль передал записку Екатерине, в то время как Нансей был у короля и умолял его избавить королеву от присутствия при пытке Ренэ.

Екатерина взяла бумажку из рук Рауля и, когда последний ушел, сказала Маргарите:

— Зажгите свечу.

Маргарита немедленно исполнила приказание.

Королева, и сама часто писавшая симпатическими чернилами, поднесла чистую бумагу к свече.

Под действием жара на бумаге начали выступать буквы, сначала бледные, но вскоре они почернели, и Екатерина прочла следующие строки:

«Необходимо, чтобы королева присутствовала при пытке Ренэ. От этого может зависеть его участь».

— Хорошо! —
писку Маргарите.
Де Нансей ве
Карла IX.

— Идите сно
вание для меня за
«Черт возьми!

ко что была так вз
на. Что такое случ

Он хотел уже

— Прикажит

Де Нансей ве

— Ну что, Н

— Королева

поданы ее носилк

— Чтобы от

Нансей улыб

— Нет, Ва

в Шатле.

— Ей-богу!

новится благора

безность. Друг

королевы. Я пре

дите ее об этом.

Де Нансей

— Господа

жется, никто из

шенным... Посм

Действител

дворные, прису

теп...

— Хорошо! — прошептала королева, протягивая записку Маргарите. — Это пишет Реноден. Я пойду.

Де Нансей воротился и передал Екатерине ответ Карла IX.

— Идите снова к королю и передайте ему, что его желание для меня закон.

«Черт возьми! — подумал Нансей. — Королева только что была так взволнована, а теперь совершенно спокойна. Что такое случилось?»

Он хотел уже выйти, когда королева остановила его.

— Прикажите подать мне носилки, — сказала она.

Де Нансей вернулся к королю.

— Ну что, Нансей? — спросил Карл IX.

— Королева приказала мне распорядиться, чтобы были поданы ее носилки, государь!

— Чтобы отправиться в Амбуаз?

Нансей улыбнулся.

— Нет, Ваше Величество, чтобы следовать за вами в Шатле.

— Ей-богу! — воскликнул король. — Моя мать становится благоразумной, а потому и я хочу оказать ей любовь. Друг мой Нансей, незачем требовать носилок для королевы. Я предложу ей место в моих. Пойдите предупредите ее об этом.

Де Нансей поклонился и вышел.

— Господа, — сказал король, подойдя к окну, — кажется, никто из моих приглашенных не хочет быть повешенным... Посмотрите...

Действительно, на луврском дворе собрались все придворные, присутствовавшие накануне при игре короля и Екатерины.

— Едем! — прибавил король.

Крильон и Пибрак посторонились, чтобы пропустить короля. Король вышел из комнаты, прошел через парадные покои, похлопал рукой по щеке пажа Готье, которого очень любил, и спустился по лестнице, напевая охотничью песенку. Очутившись на дворе, он поднял голову.

Погода стояла прекрасная, на лазурно-голубом небе не было ни облачка, и оно было все залито солнечными лучами.

Король обернулся к Крильону и сказал:

— Герцог, мы отстали на три дня.

— Каким образом, государь.

— Если бы мы были старше на три дня, то отправились бы сегодня не в Шатле, а на Гревскую площадь. Погода превосходная, и я боюсь, как бы в тот день, когда будут колесовать Ренэ, не пошел бы дождь.

В то время как король говорил это, он увидел королеву, вышедшую под руку с дочерью, принцессой Маргаритой.

Карл IX направился к ним, чтобы поздороваться.

— Ах, Ваше Величество, — сказала королева, — вы жестоки.

Король ничего не ответил, он только подал руку королеве, говоря:

— Пойдемте, Ваше Величество, — и проводил ее до носилок.

В то время как король, королева и принцесса садились в носилки, их окружили придворные, среди которых королева заметила Генриха и Нозэ.

Генрих опять посмотрел на Екатерину с той загадочной улыбкой, которая успокоила ее накануне.

Шествие двинулось по направлению к Шатле.

Во время пути король был весел и шутил. Когда носилки проезжали по мосту Меньял, он сказал королеве:

— Теперь я пон
быть привязаны к Р
колдун и превосход

— Ах, не на см

— Я хочу толь

Он не закончил

— Мне разск

роль, — который

мы теперь проезжа

сотню зевая. Он чи

и я хочу определит

ему дворянскую гр

— Государь, у

оскорбленная этим

— Бьюсь об з

пытаете искусств

забудете Ренэ.

Носилки оста

У ворот мрач

ли губернатора С

ля. Рядом с ним

одежда которых

парижский пала

— Ваше Ве

те представить в

Королева не

но тотчас же ув

ной одежде.

Человек это

но его улыбка

Екатерину.

Человек в

— Теперь я понимаю, Ваше Величество, что вы могли быть привязаны к Ренэ. Говорят, он довольно порядочный колдун и превосходно гадал по картам.

— Ах, не насмехайтесь, Ваше Величество...

— Я хочу только утешить вас...

Он не закончил и зло улыбнулся.

— Мне рассказывали о цыгане, — продолжал король, — который делает чудеса на этом самом мосту, где мы теперь проезжаем. Он ежедневно собирает вокруг себя сотню зевак. Он читает по звездам, как вы читаете Библию, и я хочу определить его к вам, Ваше Величество... Я дам ему дворянскую грамоту...

— Государь, умоляю вас!.. — пробормотала королева, оскорбленная этими насмешками.

— Бьюсь об заклад, что через две недели, когда вы испытаете искусство Канделяра — так зовут цыгана — вы забудете Ренэ.

Носилки остановились перед Шатле.

У ворот мрачного здания Екатерина и принцесса увидели губернатора Фурунна, который вышел встретить короля. Рядом с ним стояли три человека зловещей наружности, одежда которых свидетельствовала об их звании. Это были парижский палач и его два помощника.

— Ваше Величество, — сказал Карл IX, — позвольте представить вам духовников вашего любимца.

Королева не могла удержаться, чтобы не вздрогнуть, но тотчас же увидела за палачами человека в длинной черной одежде.

Человек этот, так же как и Генрих, загадочно улыбался, но его улыбка подействовала еще более успокаивающе на Екатерину.

Человек в черной одежде был не кто иной, как судья

Реноден. Король, под руку с королевой и в сопровождении придворных, прошел в зал пыток.

По его приказанию де Фуронн распорядился поставить скамейки и стулья у стен. Посредине стояло кресло, в которое сел король.

— Господа, — обратился он к придворным, — я думаю, что заседание будет продолжительно, а потому приглашаю вас сесть.

Екатерина была очень бледна и с ужасом смотрела на орудия пыток.

Генрих улучил минуту, чтобы проскользнуть к креслу Маргариты.

Почувствовав, что он стоит позади нее, она нагнулась в его сторону и сказала:

— Моя мать была бы менее взволнована, если бы собирались пытать кого-нибудь из ее детей.

— Однако она убеждена, что спасет его, — возразил Генрих.

— Реноден обещал.

— И он сдержит слово, будьте уверены.

— Положим. Но Ренэ все-таки будут пытать... Он не может воспрепятствовать этому.

— Кто знает? — заметил Генрих.

Король в это время сказал:

— Господин Фуронн, прикажите ввести подсудимого, пора начинать.

Фуронн подал знак ландскнехту, стоявшему на часах у двери.

По его знаку ландскнехт три раза ударил алебардой в пол.

После этого условного знака дверь отворилась и вошел Ренэ между двух солдат.

Руки флорентинца были связаны за спиной, а цепь в один фут длиной, которой были скованы его ноги, позволяла ему делать только самые маленькие шаги.

Ренэ был очень бледен и с трудом держался на ногах, он пришел в ужас при виде короля и его многочисленной свиты, но присутствие Екатерины несколько ободрило его.

— Положите подсудимого и начните пытатель водой, — приказал король.

В то время как палач подошел к подсудимому и повалил его навзничь, судья сел у стола, чтобы записывать его показания.

— Я невиновен! — крикнул Ренэ. — Я невиновен!

Король подал знак.

Один из помощников палача запрокинул назад голову парфюмера, а другой вставил в его рот воронку.

Как ни отбивался Ренэ, а должен был проглотить три больших кружки.

Екатерина, чрезвычайно взволнованная, отвернула голову.

— Какая жестокость! — прошептала она.

— Ваше Величество, — сказал палач, — это вода из Сены, она профильтрована и очень чиста...

Придворные не могли удержаться от смеха.

Ренэ бился и старался вытолкнуть воронку зубами.

— Ваше Величество, — сказал палач, — вода не заставит его признаться, но огонь...

— Ну так, господин Кабош, начните жечь правую руку этого негодяя, — сказал Карл IX.

В то время как отвязывали Ренэ, президент Реноден сказал:

— Ваше Величество, так как Ренэ упорно настаивает

на своей невинности, то, быть может, есть средство узнать истину. У Ренэ были сообщники.

— Откуда вы это узнали? — спросил Карл IX.

— Два дня назад, — с простодушным видом сказал президент Реноден, — арестовали вора Гаскариля.

Ренэ изобразил изумление.

Этот жест был неверно понят королем.

Карл IX вообразил, что Ренэ не удивился, а испугался.

— Ага! Негодяй побледнел, — сказал король. — Посмотрим, Реноден, кто такой этот Гаскариль?

— Вор, которого главный судья приговорил к повешению.

— И вы думаете, что он сообщник Ренэ?

— По всей вероятности.

— На чем основано ваше мнение?

— Гаскариль сидит в одной камере с арестантом, который исполняет в Шатле обязанности «барана».

— Как вы сказали? — спросил король.

— Ваше Величество, — продолжал Реноден, — «бараном» называют арестанта, который ловко выпрашивает заключенных, заставляет их проболтаться, а затем передает их признания судье.

— Хорошо, понимаю! Продолжайте, господин Реноден.

Президент объяснил:

— Гаскариль сказал: «Бедному Ренэ-флорентинцу не везет. Он поплатится за мою вину, меня только повесят, а его колесуют».

— Как, это сказал Гаскариль?

— Да, Ваше Величество.

— В таком случае, он был его сообщником...

— Вероятно...

— Ну, так пусть подержат сначала над огнем правую руку Ренэ.

Ренэ вздрогнул и бросил вокруг себя взгляд, как дикое животное...

— Потом, — продолжал король, между тем как Екатерина, бледная и дрожащая, едва держалась на ногах, — если он не сознается, ему вобьют клинья...

— А если он будет стоять на своем?

— Тогда вы пошлете за Гаскарилем и допросим его.

— Ваше Величество позволит мне выразить свое мнение?

— Говорите...

— Сегодня должен собраться парламент судить Ренэ, если он признается... или, что одно и то же, если мы узнаем правду от его сообщника Гаскариля.

— Верно, ну так что же?

— Если подсудимому сожгут правую руку, так же как сожгли левую, то он не в состоянии будет держать свечу, когда пойдет на эшафот.

— Совершенно справедливо, — заметил король, — в таком случае приступим сейчас же к клиньям.

— Если Ренэ будет осужден сегодня, то его могут казнить завтра.

— Несомненно.

— И для народа, возбужденного убийством на улице Урс, пример будет назидательнее, если осужденный пойдет к эшафоту босой, с зажженной свечой в руке и принесет покаяние на паперти собора Божьей Матери.

— Я вполне согласен с вами, Реноден.

— А если ему сломают ноги, то он не в состоянии будет идти.

— Черт возьми! — пробормотал король. — В таком случае пошлите за Гаскарилем.

Екатерина и Ренэ вздохнули свободнее.

А де Крильон с откровенностью солдата сказал на ухо Пибраку:

— Гм! По-видимому, король попал в ловушку... Судья кажется мне хитрой лисицей... и...

Крильон не закончил и посмотрел на Екатерину, ему показалось, что в глазах ее светилась радость.

«Короля провели!» — подумал он.

VII

Между присутствовавшими произошло оживленное движение, когда король приказал ввести Гаскариля и подвергнуть его пытке.

Ренэ поставили у стены.

Флорентинец мрачным и свирепым взглядом обводил всех приглашенных на его пытку.

Они все были так глубоко убеждены, что флорентинец человек погибший, что не испытывали ни малейшего ужаса в его присутствии, но если бы у них хоть на мгновение могла мелькнуть мысль, что он может избежать своей участи, они не чувствовали бы себя так спокойно, так велик был страх, который он долго внушал им.

Де Фуронн пошел исполнить приказание короля относительно Гаскариля.

Прошло несколько минут, в течение которых все молчали.

Один только герцог Крильон процедил несколько невнятных слов сквозь зубы.

Король обернулся в его сторону.

— Что вы сказали, герцог? — спросил он.

— Я сказал, Ваше Величество, что я хотел бы оказать-
ся ненадолго на вашем месте.

— Зачем это, герцог?

— Затем, что я оставил бы Гаскариля преспокойно в
его тюрьме.

— Вот как! А почему?

— Ваше Величество разрешит мне высказать свое мне-
ние?

— Конечно, говорите, герцог.

Реноден и королева с тревогой посмотрели на Крильона.
Ренэ задрожал.

— Ваше Величество, мне кажется, что казнь Ренэ-фло-
рентинца послужила бы хорошим примером для парижан...

— Я согласен с вами, герцог...

— И доказала бы народу, что Ваше Величество спра-
ведливы, а королева-мать умеет приносить жертвы и лиша-
ет своей милости людей, недостойных ее покровительства.

Королева посмотрела на герцога взглядом, в котором
было столько же яда, как в духах флорентинца.

Крильон выдержал этот взгляд и спокойно продолжал:

— Если Гаскариль убил купца на улице Урс без сообщ-
ников, то его попросту повесят и народ не обратит на это ни
малейшего внимания. Но Ренэ-флорентинец, Ренэ-отрави-
тель с моста Святого Михаила, Ренэ, имя которого приво-
дило в трепет весь двор Вашего Величества, исключая меня,
однако, — с презрительной улыбкой прибавил герцог, —
Ренэ становится лакомым куском для Гревской площади...

— Герцог, — прервал его Карл IX, не догадывавший-
ся еще, к чему клонит свою речь Крильон, — я все-таки не
могу еще понять, отчего вы хотите оставить Гаскариля
в тюрьме.

— Вот отчего, — ответил герцог, — если Гаскариль участвовал в убийстве, то он будет колесован так же, как и Ренэ, так ведь?

— Разумеется.

— Вот этого мне бы и не хотелось.

— Почему?

— Потому, Ваше Величество, — сказал Крильон, — что когда у меня есть на обед какой-нибудь лакомый кусок, положим, например, нога косули или кабана, или рагу из рябчиков, то мне не захочется есть бобов или чечевицы.

— Эге! Да вы лакомка, любезный герцог.

— Для меня и для парижан Ренэ является лакомым куском, а Гаскариль — блюдом чечевицы.

Король расхохотался, придворные последовали его примеру, даже сам палач улыбнулся.

— Черт возьми! — шепнул Генрих на ухо Маргарите. — Упрямец Крильон может разрушить мудрые соображения президента Ренодена и королевы-матери.

Екатерина была действительно бледна как смерть, а у Ренэ волосы встали дыбом. Президенту было тоже не по себе.

Если не допросят Гаскариля, то Ренэ погиб.

— Договаривайте, герцог, — сказал король.

— Если бы я был королем, — продолжал Крильон, — я колесовал бы одного Ренэ. Я преподнес бы парижанам ногу косули и не испортил бы им аппетит блюдом чечевицы.

Шутки герцога производили впечатление чего-то зловещего в этом зале пыток в присутствии палача и судьи.

На Ренэ напал страх, так же как на судью и королевую мать.

— Герцог, — сказал король, — я отвечу вам сравнением на сравнение.

— Я слушаю, Ваше Величество, — прошептал герцог, в свою очередь встревожившись.

— Предположим, что на другой день после того, когда вы пообедали ногой косули и рагу из дичи, у вас осталась одна только чечевица, что вы сделаете?

— Я буду есть чечевицу, государь.

— Ну, парижская чернь поступит так же.

— Каким образом, государь!

— Сначала колесуют одного Ренэ — это будет косуля, а неделю спустя подвергнут колесованию Гаскариля, и он явится блюдом чечевицы. После Масленицы всегда бывает великий пост.

Крильон закусил губы.

— Пусть будет так, как угодно Вашему Величеству, — сказал он.

В эту минуту отворилась дверь и вошел Гаскариль между двух солдат.

Ренэ и королева вздохнули с облегчением. Реноден также. Гаскариль был высокий парень лет двадцати восьми, здоровый и красивый, с умным лицом и наглым взглядом. Он так понравился королю, что последний сказал герцогу:

— Черт возьми! Вот вполне приличное блюдо чечевицы для ваших парижан, друг мой Крильон.

Затем, обратившись к Гаскарилю, король прибавил:

— Ты видишь, негодяй, эту дыбу, эти клинья, раздробляющие ноги, жаровню... что ты о них думаешь?

— Мне известно обо всем этом, Ваше Величество, — спокойно ответил Гаскариль, — четыре года назад меня пытали в Орлеане.

— И, я полагаю, ты во всем сознался?

— Ни в чем, государь. Я сознаюсь добровольно, если

нахожу в этом для себя выгоду, но господин парижский палач...

Гаскариль поклонился палачу.

— ...господин палач может жечь мне руки, ломать кости... но если я заберу себе в голову ни в чем не признаваться, то и не скажу ничего.

— Вот как! — заметил король.

— Гаскариль, — сказал судья Реноден, — вы забываете, что находитесь в присутствии короля.

— Да сохранил меня Бог! — ответил Гаскариль. — Но так как я осужден на смерть, то, кажется, имею право говорить откровенно.

— Пусть он говорит! — сказал король. — Мне нравится уверенный тон этого негодяя!

— Государь, — сказал Гаскариль, с насмешкой посмотрев на Ренэ, — я догадываюсь, почему я имею честь находиться в присутствии Вашего Величества.

— Ага! Ты догадываешься?

— «Баран» разболтал, и дело идет о дельце на улице Урс.

— Совершенно верно, мой милый, и тебя пригласили проглотить несколько кружек воды единственно для того, чтобы ты рассказал нам о нем правду.

— Это бесполезно, Ваше Величество.

— Почему? Разве ты все сейчас расскажешь нам?

— Это будет зависеть...

— От чего? — спросил король.

— Меня приговорили к повешению, — продолжал Гаскариль, — и я подчинился этому решению. Придется пережить неприятную минуту, но она будет непродолжительна... А если я признаюсь в убийстве на улице Урс, то меня колесуют, так же как и мессира Ренэ.

— Значит, ты отпираешься?

— Ах, извините, Ваше Величество, я не сказал этого. Только, если вы прикажете подвергнуть меня пытке, то я не скажу ничего... Но если дадите мне обещание...

— Бьюсь об заклад, что этот негодяй будет просить помиловать его.

Гаскариль улыбнулся.

— Я не честолобив и притом покорился своей участи быть повешенным. Итак, если Ваше Величество обещает мне, что меня только повесят, какое бы преступление я ни совершил...

— То ты сознаешься...

— Да, государь.

Король обернулся к Крильону.

— В конце концов парижане могут удовольствоваться чечевицей на прованском масле вместо коровьего, что вы на это скажете, герцог?

— Государь, я родился в стране прованского масла и не люблю коровьего, — ответил Крильон.

— Негодяй! — сказал король, взглянув на Гаскариля. — Благодарю герцога Крильона, он решил: тебя повесят.

— В чем бы я ни сознался? — спросил вор.

— Да, — продолжал король, — даю тебе слово дворянина.

— В таком случае Ваше Величество может отослать палача: он нам более не нужен.

— Говори! — приказал король.

Гаскариль осмотрелся вокруг самоуверенным взглядом и сказал:

— Я расскажу вам, как происходило дело на улице Урс. Господин Ренэ был в хороших отношениях с госпожой Лорио, женой ювелира.

У Ренэ вырвался возглас удивления, а Генрих чуть не вскрикнул.

Президент строго посмотрел на Ренэ, и последний понял его взгляд.

Гаскариль продолжал:

— Мессир Ренэ знал моего приятеля ландскнехта Теобальда. Я с Теобальдом не раз обдeldывал хорошие дела. Когда ювелир выходил, Ренэ сидел у его красавицы-жены, а Теобальд ждал на улице. Раз Теобальд сказал мне:

«Ювелир богат, как король, ограбим его».

«Это трудно», — возразил я.

«Он уходит каждый вечер, и в то же время Ренэ приходит к его жене».

«Ага! — сказал я. — Об этом надо переговорить с Ренэ».

«Не надо, — продолжал Теобальд, — сегодня Ренэ увезет ювелиршу».

«Куда?»

«Не знаю».

«Что же ты думаешь сделать?»

«Надо убить ювелира, когда он будет проходить по мосту Святого Михаила, и вытащить у него ключ от входной двери».

«Хорошо, а потом?»

«А так как там не будет ни Ренэ, ни ювелирши...»

«Уверен ли ты в этом?»

«Это мне сказал Годольфин».

— Годольфин, — пояснил Гаскариль, — приемный сын Ренэ.

— Продолжай, — сказал король, не понимавший еще, каким образом Ренэ принимал участие в убийстве Самуила Лорио.

— Годольфин, которого подстерегали так же, как и Лорио, — продолжал Гаскариль, — вышел около десяти часов из лавки. Он нес к точильщику кинжал своего хозяина.

— Гм! — произнес король. — Значит, это верно.

— В кармане у Годольфина кроме кинжала были еще два ключа. Один из этих ключей был тот самый, который ювелирша отдала Ренэ. Ренэ дал его Годольфину, чтобы последний пошел к ювелирше и предупредил ее, чтобы она не ждала его в этот вечер, а что на другой день в полночь он будет ждать ее с лошадьми на углу улицы Монконсель и увезет ее.

Гаскариль остановился, чтобы перевести дух. Его слушали с большим вниманием.

— Продолжай! — сказал с нетерпением король.

— Теобальд подал мне знак. Мы поняли друг друга и увлекли Годольфина на берег реки. Там я схватил его за горло и задушил, а Теобальд тем временем вытащил у него кинжал и оба ключа. Тело его мы бросили в воду.

«Теперь у нас есть ключ от дома Лорио и от лавки Ренэ, — сказал ландскнехт. — Сперва мы отделаемся от купца, а затем отправимся к ювелирше и скажем ей, что пришли от Ренэ вместо Годольфина».

— Через час мы убили Лорио.

— Как!.. — воскликнул король. — А... Ренэ?..

— Подождите, Ваше Величество, — спокойно возразил Гаскариль, — сейчас поймете. Мы потеряли несколько времени и пришли на улицу Урс уже после полуночи. Ювелирша, которая не видела Годольфина, потому что мы его утопили, вышла на свидание к Ренэ. При помощи ключа, отнятого у Годольфина, мы проникли в дом. Но старый жид,

который нас не знал, и слушать ничего не хотел, хотя мы и сказали ему, что пришли по поручению Ренэ.

«Вы воры!» — закричал он.

Теобальд убил его ударом кинжала. Прибежала служанка. Теобальд убил и ее. Мы обшарили затем весь дом и взломали сундук, но он оказался пуст, нашлась только горсть пистолей. Их не стоило и делить. В ту минуту, как Теобальд нагнулся над сундуком, я схватил кинжал Ренэ и вонзил его в спину ландскнехта.

— Что же делал в это время Ренэ? — крикнул король, побледнев от злости.

— Он работал в Лувре с королевой, — спокойно ответил Гаскариль.

— Это правда! — с торжеством подтвердила королева.

— Итак, Ренэ невиновен?..

— Да, — ответил Гаскариль.

По залу пыток пробежал трепет, все присутствовавшие побледнели.

Король был поражен.

— Итак... он невиновен?

— Клянусь вам! — воскликнул Гаскариль.

Де Крильон, бледный от злости, кусал усы, придворные пришли в ужас.

Только Ренэ и королева торжествовали.

Карл IX бросил на мать странный и страшный взгляд.

— Ваше Величество, — обратился он к ней, — если Ренэ невиновен, то это большое несчастье, в противном случае вы прекрасно сыграли вашу игру... но я отыграюсь когда-нибудь!..

Король встал, взбешенный, и сказал сопровождавшим его придворным:

— Пойдемте, господа!

На пороге залы пыток король обернулся и сказал президенту Ренодену:

— Так как этот человек невиновен, велите освободить его, а другого повесьте немедленно, господин палач.

Час спустя палач вел Гаскариля на Гревскую площадь.

Гаскариль, доверяя обещанию королевы и президента Ренодена, с улыбкой смотрел на палача и шел рядом с ним с видом человека, отправляющегося на свадьбу или на похороны дяди, после которого ему предстоит получить наследство.

«Палач затянет узел не так, как следует, он получил на это приказание. Через несколько часов я увижусь с Фаринеттой».

Надежду Гаскариля поддерживало еще то обстоятельство, что президент Реноден подошел к нему в ту минуту, когда он выходил из Шатле, и сунул ему в руку сверток с золотом.

— Положи в карман, — шепнул он ему, — ты снесешь это сам Фаринетте сегодня вечером. Кабош получил приказание. Будь спокоен.

Гаскариль весело шел на Гревскую площадь.

В Париже не ждали, что казнь совершится так быстро, а потому площадь была почти пуста. Гаскариль увидел только с сотню зевак, толпившихся около виселицы:

— Тебе не посчастливилось, малый. У нас все произойдет по-семейному.

— Шутник! — заметил вор.

Кабош накинул ему веревку вокруг пояса.

— Крепка ли она, по крайней мере? — спросил Гаскариль.

— Очень крепка, — ответил палач.

Он заставил Гаскариля встать на первую ступень лестницы.

— Ну же, поднимайся! — сказал он. — Да скорее!

Гаскариль поднялся наверх. Палач следовал за ним и приготовил маленькую веревку.

— Готово! — сказал он, накидывая ему веревку на шею.

— Что вы делаете? — воскликнул Гаскариль. — С ума вы, что ли, сошли?

— Что ты там болтаешь, малый?

— Петля подвижная... а узел должен быть мертвый.

— Как же иначе я задушу тебя?

— Ведь вам хорошо известно... — начал встревоженный Гаскариль.

— Я ничего не знаю.

— Что вы должны повесить меня только для виду.

— Гм! Кто уверил тебя в таком вздоре?

И, говоря таким образом, палач столкнул Гаскариля в пустое пространство и вспрыгнул ему на плечи.

Гаскариль был повешен, а королева не сдержала своего обещания.

VIII

Весь день в Лувре было великое смятение.

Неожиданная развязка дела Ренэ сильно встревожила придворных.

Ренэ, освобожденный за недостатком улик, становился страшен, так как он жаждал мщения.

Король, взбешенный, но бессильный, заперся у себя в комнате, носившей название кабинет, и приказал никого не впускать.

Королева Екатерина вернулась в Лувр с гордо поднятой головой и сверкающими глазами.

Все, громко выражавшие свою радость, дрожали.

Час спустя по возвращении из Шатле Пибрак встретил на Луврском дворе герцога Крильона, прохаживавшегося в страшном бешенстве, он собирался при встрече с Ренэ дать ему пощечину и этим принудить его драться с ним.

— Герцог, позвольте дать вам совет, — сказал Пибрак.

— Какой? — спросил герцог.

— У вас есть в Провансе прекрасное поместье, а в Авиньоне роскошный отель, о котором рассказывают чудеса.

— Ну так что же?

— На вашем месте я поехал бы удостовериться лично, в каком состоянии урожай и не требуется ли сделать какие-нибудь изменения в отеле.

— Вы шутите?

— Дикий зверь выпущен на свободу...

— Не беда! — воскликнул Крильон. — Если он бросится на меня, то я сверну ему шею...

— Герцог, — заметил осторожный гасконец, — сам король не мог сладить с ним.

— Зато я...

— О! Бьюсь об заклад, что не пройдет трех дней, как вы покушаете какого-нибудь супца, от которого у вас появится боль в желудке.

Крильон пожал плечами.

— Я дам клятву при вас, — сказал он.

Пибрак посмотрел на него.

— Клянусь, — продолжал герцог, — пить только водку и есть во все время пребывания в Париже одни только яйца всмятку до тех пор, пока не сверну шею Ренэ.

Пибрак покачал головой.

— Черт возьми! — пробормотал герцог. — Я сейчас пойду к королю и скажу ему, что я думаю.

— Берегитесь!

— Чего?

— Королева-мать уже там.

— У короля?

— Да, у короля, — медленно проговорил Пибрак.

— Ну так что же за беда?

И прямодушный Крильон пошел к королю.

В передней был паж Рауль.

— Король никого не принимает, — объявил он.

— Меня он примет, — настаивал герцог.

— Я сейчас доложу ему, что вы ждете здесь, господин герцог.

Рауль вошел в кабинет, и Крильон услышал, как король сказал недовольным голосом:

— Скажи герцогу Крильону, что у меня болит голова и я не могу принять его.

— О! — прошептал вне себя от бешенства герцог. — Королева опередила меня... Король слишком слаб.

Герцог ушел, кусая усы. В залах, через которые он проходил, собравшиеся придворные с вытянутыми лицами разговаривали шепотом.

— Королева находится у короля, — рассуждали они. — Ренэ вернется в Лувр. Беда нам!

— Я поеду в Амьен, — говорил один пикардиец, а по возвращении сбрею себе бороду. Я имел неосторожность рассмеяться сегодня утром.

— А я, — рассуждал другой, — буду просить короля дать мне отпуск, а если он откажет мне в этом, то буду выходить из дома не иначе как в кольчуге.

Крильон слушал эти разговоры и пожимал плечами.

— Толпа трусов! — воскликнул он. — Я сделаю то, чего не осмелился ни король, ни палач, я встану у входа в Лувр и, когда явится Ренэ, я сверну ему шею!

Крильон спустился во двор, сел на тумбу у главных ворот и ждал. Он сидел там уже около часа; а Ренэ все еще не являлся. К нему подошел Пибрак с таинственным видом:

— Ах! — обратился к нему герцог. — Вы пришли за мной от короля?

— Нет, герцог.

— Что же случилось?

— Король послал меня к вам с поручением.

— Каким?

— Король просил вас сесть на лошадь, отправиться в Авиньон и дожидаться там дальнейших распоряжений.

— Черт возьми! Значит — опала?

— Я боюсь, что похуже, — шепотом заметил осторожный капитан гвардейцев, — это изгнание!

Крильон выругался.

— Герцог, — сказал Пибрак, — согласитесь с тем, что я вам подал хороший совет.

— Черт возьми! — вскричал Крильон. — Если король посылает меня в изгнание, я готов повиноваться ему, но прежде чем уехать, я сверну шею Ренэ.

— Увы! К сожалению, это невозможно, — сказал Пибрак.

— О! Это мы еще увидим...

— Король приказал мне взять с вас честное слово, что вы уедете немедленно.

— А! А если я не дам его?

— Тогда, герцог, я попрошу вас отдать вашу шпагу.

Крильон вместо того, чтобы еще более рассердиться, внезапно успокоился.

— Бедный друг мой, — сказал он, — вы были правы. Воздух Парижа делается мне вреден. Мне нечего делать при дворе слабого и капризного короля, и я уеду в свое поместье. Солнце в Провансе лучше луврского.

И Крильон пошел укладываться, не думая более о Ренэ.

Когда он выходил из главных ворот Лувра, в них входил Генрих Наваррский.

— Эй, Пибрак! — крикнул он.

Пибрак, не замечавший принца, шел, печально опустив голову.

Он обернулся, заметил Генриха и подошел к нему.

— Ваше Высочество, — сказал он тихо принцу, — я только что подал превосходный совет Крильону.

— Неужели?

— Я посоветовал ему отправиться подышать чистым воздухом и полюбоваться южным солнцем.

— Зачем?

— По той же причине я скажу и вам: Ваше Высочество, настало время, благоприятное для охоты на тетеревов. Не съездить ли вам в беарнские горы...

— Дорогой Пибрак, — смеясь возразил Генрих, — только Крильон и я не боимся Ренэ.

— Вы ошибаетесь, Ваше Высочество.

— Ренэ нуждается во мне более, нежели в королеве, — продолжал принц, — и вы увидите, кому из нас надо бояться другого.

— Во всяком случае нельзя рассчитывать на помощь короля. Королева Екатерина околдовала его менее чем за час. Теперь уже нет и речи об изгнании королевы и колесовании Ренэ. Напротив...

— Что же такое
— Не знаю... но
— Это уж слышно
— И я начинаю
— Я колдун пол

ночи, Пибрак.
— Куда вы идете
— К королеве-м
— Она у короля
— В таком случа
У Генриха был с

поддержать свою реп

Принц рассчитал

«Королева Екате

Ренэ, но она должна

ства, которые он при

она перенесла, видя

бам.

Очень вероятно,

довался несчастьем Р

даться.

Со вчерашнего д

кой точностью, что

королевы Екатерины

необходимым чело

Генрих пошел к

Екатерина, как с

все еще у короля;

Нансея.

Нансей был вес

жала верх.

— Что же такое случилось?

— Не знаю... но... король послал в изгнание Крильона.

— Это уж слишком! — пробормотал Генрих.

— И я начинаю думать, что Ренэ в самом деле колдун.

— Я колдун получше его — вот увидите... Спокойной ночи, Пибрак.

— Куда вы идете, Ваше Высочество?

— К королеве-матери.

— Она у короля...

— В таком случае я подожду ее.

У Генриха был свой план. Он хотел опередить Ренэ и поддержать свою репутацию колдуна.

Принц рассчитал таким образом:

«Королева Екатерина пустила все в ход, чтобы спасти Ренэ, но она должна быть недовольна им за те беспокойства, которые он причинил ей, и за те унижения, который она перенесла, видя, что король остается глух к ее мольбам.

Очень вероятно, что она жестоко отомстит тем, кто радовался несчастью Ренэ, но на Ренэ она все-таки будет сердиться.

Со вчерашнего дня мои предсказания исполнились с такой точностью, что я должен быть в большой милости у королевы Екатерины. Важнее всего сделаться для нее более необходимым человеком, чем Ренэ».

Генрих пошел к королеве.

Екатерина, как совершенно верно сказал Пибрак, была все еще у короля; в приемной королевы Генрих застал Нансея.

Нансей был весел, как человек, партия которого одержала верх.

А так как в деле Ренэ Генрих держал сторону королевы и последняя принимала его очень милостиво, то Нансей и на этот раз встретил Генриха очень любезно.

— Ее Величество у короля, — сказал Нансей, — но я думаю, что она скоро вернется. Не угодно ли вам присесть, господин де Коарасс.

Генрих посмотрел на де Нансея, и ему показалось, что у молодого офицера королевы-матери очень чешется язык и он только и ждет случая, чтобы поболтать.

«Это как нельзя более кстати, — подумал Генрих, — потому что мне крайне хочется узнать, что здесь произошло с утра».

А так как принц знал, что лучший способ заставить людей разговаривать — это не расспрашивать их ни о чем, то он и на этот раз сел и уставился глазами в потолок, как бы любясь архитектурой.

— Откуда вы пришли, де Коарасс? — спросил Нансей принца.

— Из гостиницы, где я остановился.

— Вы расстались с нами, насколько я помню, при выходе из Шатле.

— Уверяю вас, что в зрелище пыток не было ничего забавного.

— Я того же мнения.

— И оно не произвело на меня другого действия, как только возбудило во мне аппетит, который я и поспешил удовлетворить.

Де Нансей улыбнулся. Генрих снова погрузился в молчание.

— Следовательно, вы не знаете, что случилось потом?

— Где?

— Здесь.

Генрих посмотре
видом.

— А разве слу

— Да, сударь.

— Неужели!

— Король был

го не велел впускать

нула его и он отомс

— Вот как!

— Это слыша

думали некоторое
изгнание.

— Однако гн

утих?

— Даже знач

— Нет, не зн

— В то врем

мать пришла сюд

ее прихода так ж

— А кто бы

Нансей хитр

— Этот дво

о деле Ренэ,

лость, и обратн

му что, — при

нами будет ск

Екатерина, н

Генрих д

— Этого

сей, — звал

— Дор

рих.

Генрих посмотрел на Нансея с самым простодушным видом.

— А разве случилось что-нибудь?

— Да, сударь.

— Неужели!

— Король был разгневан, как вы сами видели, он никого не велел впускать к себе. Он говорил, что королева обманула его и он отомстит ей.

— Вот как!

— Это слышали все дежурные придворные, и мы все думали некоторое время, что королева будет отправлена в изгнание.

— Однако гнев короля с тех пор, кажется, немного утих?

— Даже значительно. И знаете отчего?

— Нет, не знаю.

— В то время как король выходил из себя, королева-мать пришла сюда и застала здесь дворянина, ожидавшего ее прихода так же, как вы теперь ждете ее.

— А кто был этот дворянин?

Нансей хитро улыбнулся.

— Этот дворянин, — продолжал он, — не знал ничего о деле Ренэ, а также и о том, что королева впала в немилость, и обратился к ней, как к настоящей монархине, потому что, — прибавил довольно дерзко де Нансей, — между нами будет сказано: король царствует, а управляет королева Екатерина, не так ли?

Генрих дипломатически молчал.

— Этого дворянина, — продолжал рассказывать Нансей, — звали Дюра и приехал он из Анжера.

— Дорога из Анжера сюда не близкая, — заметил Генрих.

— Вам известно, что Его Высочество герцог Алансонский — губернатор Анжуйской провинции?

— Да, я знаю это, — сказал Генрих.

— Герцог Алансонский — любимый сын королевы Екатерины. Она отдала бы ему даже королевство, если бы имела его. Так вот герцог Алансонский открыл в Анжере заговор кальвинистов и сообщил об этом открытии со всеми подробностями королеве в письме, которое привез Дюра.

— Ого! — пробормотал Генрих. — Теперь я начинаю понимать.

— Королева схватила письмо и бросилась к королю, она ворвалась к нему силой. Что там произошло? Не знаю наверное, но тотчас же отказались принять герцога Крильона, желавшего видеть короля, и у меня есть предчувствие, что королева помирилась с королем.

— Я и сам так думаю, — заметил Генрих.

В эту минуту вошла Екатерина.

Глаза у нее горели, а губы улыбались.

По тому, как она дала поцеловать свою руку, Генрих понял, что он все еще у нее в милости, и скоро убедился в этом, потому что королева сказала ему:

— Как хорошо, что вы пришли, Коарасс, я только что хотела послать за вами; вы нужны мне...

«Черт возьми!» — подумал Генрих и поклонился.

Но прежде чем сказать, чего хотела королева от принца Наваррского, которого она продолжала принимать за сира Коарасса, расскажем о том, что произошло у короля.

Карл IX заперся в своем кабинете в страшном бешенстве.

Сначала он не мог думать ни о чем, кроме изгнания королевы-матери в Амбуаз, чтобы вознаградить себя этим

за утраченную надежду видеть, как колесуют флорентинца.

Он взял даже перо в руку, чтобы подписать приказ о ссылке своей матери, как вдруг в передней раздался ее голос.

— Ваше Величество, — почтительно, но твердо говорил часовой, стоявший у двери, — я не могу вас пропустить.

— Передайте королю, что дело идет о безопасности государства и его короне.

Слова ли, которые король услышал, поразили его, или он хотел сразу окончательно рассориться с матерью, но он встал, открыл дверь сам и сказал:

— Войдите, Ваше Величество.

— Государь, — начала королева, к которой вернулась ее прежняя самоуверенность, — в то время как вы приказывали бросить в темницу и подвергнуть пыткам людей, преданных мне и невинных, ваши мнимые друзья составляют заговоры против вас, и пока вы подвергаете меня унижениям, я пекусь о вашей безопасности.

— Что вы говорите, Ваше Величество? — с беспокойством спросил король.

— Правду, государь.

— Где же составлен заговор?

— В Анжере, в Пуату, в Бретани... Посмотрите лучше, что пишет мне герцог Алансонский, которого я предостерегла две недели назад.

Действительно, королева Екатерина в своем последнем письме сыну предостерегала его насчет трех дворян, пользовавшихся известностью и влиянием в гугенотской партии.

Екатерина, можно сказать, почуяла заговор, имевший целью составить из Анжу и Ангулема самостоятельное го-

сударство, независимое от Франции и, странное дело, — трое дворян, на которых указала королева, как раз участвовали в заговоре.

Герцог Алансонский описывал этот заговор с мельчайшими подробностями, и письмо его начиналось словами:

«По вашим указаниям, Ваше Величество».

Вся заслуга открытия заговора принадлежала таким образом королеве-матери.

Гнев короля стих как по волшебству. Он хотел взять руку королевы и поцеловать ее, но она с гордостью отдернула ее и сказала:

— Теперь, Ваше Величество, вы позволите мне удалиться, не дожидаясь приказа о ссылке.

— Ваше Величество...

— Я сама ссылаю себя и уезжаю к нашим родственникам, принцам Гизам, в Лотарингию.

— Как вы могли подумать об этом! — вскричал Карл IX, у которого при одном имени Гизов мороз пробежал по коже.

— Я не хочу вмешиваться более в политику, — продолжала Екатерина, — и я уезжаю, счастливая тем, что предупредила большую опасность.

— Но, Ваше Величество, — вскричал король, снова убедившийся, что он не может царствовать один и что советы матери необходимы ему в подобную минуту, — вы не оставите меня... когда мои враги...

— Что мне делать при дворе, где я перенесла такие унижения? — сказала королева. — Я не хочу выставять себя напоказ вашим придворным, которые видели, как вы отказали мне, когда я просила помиловать невинного...

— Ах! Ваше Величество, оставим это и не будем более говорить о Ренэ.

Королева встала.
— Прощайте, —
— Останьтесь...
— Я не могу, —
И она повторила
— Прощайте го
— Ваше Велич
вы хотите просить у
но оставайтесь...

Королева, види
— Говорите, В
Глаза Екатери
— Хорошо, я
условием...

— Каким?
— Пусть герц
наперекор мне, ос
Король вздох
ный слуга короля
уехать из Париж
Королева тор

В то время к
бирался покинут
Только дик
помощи сверхъ
может иметь пр
дился Ренэ

Королева встала.

— Прощайте, государь.

— Оставайтесь...

— Я не могу, — с твердостью настаивала королева.

И она повторила, отступив на шаг:

— Прощайте государь, да хранит вас Бог!

— Ваше Величество! — воскликнул король. — Если вы хотите просить у меня какой-нибудь милости, говорите, но оставайтесь...

Королева, видимо, колебалась.

— Говорите, Ваше Величество! — настаивал король.

Глаза Екатерины гневно сверкнули.

— Хорошо, я останусь, — сказала она, — но с одним условием...

— Каким?

— Пусть герцог Крильон, гордец, осмелившийся идти наперекор мне, оставит двор.

Король вздохнул, но он уже дал слово. Вот почему верный слуга короля получил приказание десять минут спустя уехать из Парижа.

Королева торжествовала.

IX

В то время как все это происходило в Лувре, Ренэ собирался покинуть Шатле.

Только дикий зверь, попавший в западню, которому при помощи сверхъестественных усилий удалось выйти оттуда, может иметь представление о том, в каком состоянии находился Ренэ, когда ему сообщили после ухода короля и придворных, что он свободен.

Президент Реноден остался вместе с палачом и его помощниками в зале пыток.

— Развяжите господина Ренэ, — сказал Реноден, — да обращайтесь с ним осторожней: он и без того уже много выстрадал.

Ренэ, стоявший, прислонившись к стене, был в состоянии оцепенения.

Услышав слова Ренодена, он поднял голову и с удивлением посмотрел на него.

Когда помощники палача начали развязывать его, он свирепо посмотрел на них своими налившимися кровью глазами.

— О, господин Ренэ, — прошептал Кабош, у которого дрожь пробежала по телу, — вы, вероятно, очень сердитесь на меня, а между тем должны поставить за меня большую свечу...

Ренэ, мрачный и сердитый, ничего не ответил.

— Я два раза сказал королю, что вы не можете вынести более пытку водой: иначе вы бы умерли...

— Я вспомню об этом в свое время, мой бедный Кабош, — сказал наконец Ренэ таким голосом, от которого у палача волосы встали дыбом.

Чтобы успокоиться, палач пошел вешать несчастного доверчивого Гаскариля.

Ренэ, хромая, подошел к столу, за которым сидел президент Реноден.

— Вы заметили всех тех, кто смеялся? — спросил Ренэ.

— Да.

— А! Они припомнят это... а Крильон...

— Берегитесь, Ренэ, — сказал судья. — Крильон способен свернуть вам шею.

Ренэ свирепо улыбнулся.

— О! На этого я
— А с чем же?
— Это моя тайна
Он вышел, хро
обоженной и оберн
— Волк спущен!
Ренэ, хотя силы
гордо поднятой голо
При выходе он
ном.

— Вы счастливы
Ренэ свирепо п
— Ядовитое ж
Ренэ вышел, о
— О, все те,

скоро будут треп
Он шел, обдум

Однако он не

«Королева, до

Я отправлюсь сна
там, пока она при

Ренэ сделалс

как считая себя
пользуется его о

красивым дворя

ни минуты не со

Лувре под покр

Он спокойн

ко не удивился,

ключом, которе

— О! На этого я не нападу с кинжалом.

— А с чем же?

— Это моя тайна, — сказал флорентинец.

Он вышел, хромая и размахивая левой рукой, сильно обожженной и обернутой повязкой.

— Волк спущен! — прошептал президент Реноден.

Ренэ, хотя сильно страдал, однако вышел из Шатле с гордо поднятой головой.

При выходе он встретился с губернатором де Фуронном.

— Вы счастливо отделались, — заметил последний.

Ренэ свирепо посмотрел на него и ничего не ответил.

— Ядовитое животное! — прошептал губернатор.

Ренэ вышел, обуянный жаждой мщения.

— О, все те, кто смеялись... — злобно шептал он, — скоро будут трепетать!

Он шел, обдумывая план мести.

Однако он не осмелился пойти в Лувр.

«Королева, должно быть, сердита, — рассуждал он. — Я отправлюсь сначала на мост Святого Михаила и подожду там, пока она придет за мной».

Ренэ сделался суеверен более прежнего. Точно так же, как считая себя погибшим, он был уверен, что Паола воспользуется его отсутствием, чтобы бежать с каким-нибудь красивым дворянином, теперь, очутившись на свободе, он ни минуты не сомневался в том, что дочь его находится в Лувре под покровительством королевы-матери.

Он спокойно шел к мосту Святого Михаила и несколько не удивился, увидав, что его лавка заперта. Он отпер ее ключом, который ему вернул президент Реноден.

Ключ этот лежал вместе с кинжалом на столе судьбы как вещественное доказательство.

Так как Ренэ явился на мост среди дня, то появление его произвело большое волнение между его соседями купцами.

Уже три дня по всему Парижу распространялись слухи об его аресте и гневе короля, и никто из обитателей моста не ожидал увидеть его где-либо, кроме Гревской площади.

Появление флорентинца вызвало всеобщий ужас. Его бранили, считая погибшим, хотели даже поджечь его лавку.

Купцы на мосту почувствовали такой же страх, как и луврские придворные. Но Ренэ не стал обращать на это внимания.

Он едва отвечал на низкие поклоны, внушаемые страхом, и спокойно отпер дверь своей лавки.

Несмотря на страшную боль, он шел довольно твердым шагом, а левую руку спрятал под плащ.

Ренэ запер за собой дверь и поднялся в свою лабораторию. Он так много занимался химией в своей жизни, что у него должны были найтись успокоительные и целительные бальзамы и мази.

Он встал на скамейку, чтобы достать с верхней полки шкафа, который весь был заставлен склянками и баночками всевозможных размеров и форм, целительную мазь.

Он взял баночку с красноватой, почти жидкой мазью, затем снял повязку с сожженной руки и кисточкой смазал ее мазью, после чего снова обвязал руку.

«Я выздоровею через неделю», — рассуждал он.

Ренэ снял сапог и осмотрел изуродованную пыткой ногу. Палач сказал правду: пострадали одни только мускулы, кости не повреждены.

Он откупорил склянку с каким-то уксусом и вылил его на больную ногу, потом отыскал широкую обувь и надел ее, предварительно обернув ногу холстом.

— Это протянется
но как ни проворны мои
ет мне догнать их.

После этой угрозы
Вдруг он вскрикнул
чатку из желтой буйвол
ко дворяне.

Эта перчатка была
К нему приходил к

У жадного скряги
его только обокрали.

много денег... несколько
Он подбежал к

взломан и что в лав
дочери.

Но ящик был цел
сят пистолей разной

Следовательно, у
гой целью.

Ренэ, сильно вз
ри.

— Если Паола
взяла с собой одеж

Он подошел к
как увидел лестниц
Ноз.

В эту минуту к
у Ренэ явилась на

Увы! Паола б
Ренэ отпер дв

— Это протянется подольше, — пробормотал он, — но как ни проворны мои враги, моя больная нога не помешает мне догнать их.

После этой угрозы Ренэ сошел в лавку.

Вдруг он вскрикнул и остолбенел: он увидел на полу перчатку из желтой буйволової кожи, какие носили одни только дворяне.

Эта перчатка была целым открытием для Ренэ.

К нему приходил кто-то!

У жадного скряги Ренэ явилась на минуту надежда, что его только обокрали. В конторке у него всегда лежало немного денег... несколько золотых монет.

Он подбежал к конторке, предполагая, что ящик взломан и что в лавку приходили уже в отсутствие его дочери.

Но ящик был цел. Он отпер его и нашел в нем пятьдесят пистолей разной монетой.

Следовательно, хозяин перчатки приходил к нему с другой целью.

Ренэ, сильно взволнованный, бросился в комнату дочери.

— Если Паола в Лувре, — рассуждал он, — то она взяла с собой одежду.

Он подошел к уборной, отворил дверь и вскрикнул, так как увидел лестницу, служившую для ночных походов Ноэ.

В эту минуту кто-то тихонько постучался в дверь лавки. У Ренэ явилась надежда, что это Паола.

Увы! Паола была слишком далеко.

Ренэ отпер дверь и увидел хорошенькую купчиху, которая два дня назад разговаривала с королевой.

— Что вам нужно? — грубо спросил ее парфюмер.

— Я пришла поговорить с вами о вашей дочери, господин Ренэ, — сказала купчиха.

— О дочери! — воскликнул парфюмер. — Значит, вы знаете, где она?

— Нет, но я видела, как она уехала.

— Когда?

— Два дня назад.

— С королевой, не так ли? С дамой, которая приехала за ней в носилках?

— Нет. Хотя она уехала тоже в носилках.

— С кем же?

— С двумя всадниками в масках, — ответила молодая женщина. — Дама в носилках приехала позже, когда мадемуазель Паола уже уехала.

Ренэ упал на стул, как будто перед ним снова предстали страшные орудия пытки.

Лицо флорентинца было в эту минуту так несчастно и печально, что самые заклятые враги сжалились бы над ним. Молодая женщина принесла ему стакан вина и стала ухаживать за ним.

— Кажется, господин Ренэ, ваша дочь уже давно...

— Как, давно? — резко прервал ее флорентинец.

— Да...

— Что вы знаете?

— Красивый дворянин приходил по вечерам...

И купчиха рассказала, как она видела в одиннадцать часов вечера какого-то всадника, остановившегося у лавки и постучавшего два раза в дверь.

— В какой день вы видели его? — спросил Ренэ.

— В прошлый четверг.

Ренэ соображал, именно в четверг вечером его арестовал Крильон и препроводил в Шатле.

Флорентинец более не сомневался.

Лица, похитившие или убившие Годольфина, были те же самые, которые похитили и Паолу.

Ренэ, который час тому назад хотел отомстить тем, кто оскорбил и смеялся над ним, почувствовал вдруг, что он слаб, как ребенок, и разрыдался.

В это время принц Наваррский был у королевы Екатерины.

Королева, войдя в комнату, сразу заметила его и протянула ему руку со словами:

— Я хотела послать за вами, вы нужны мне.

Обернувшись к Нансею, королева дала ему знак удалиться. Когда он вышел, Генрих остался наедине с королевой.

«О чем еще она хочет спросить меня?» — думал Генрих.

— Де Коарасс, — сказала королева, — я так глубоко верю в ваши знания, что буду часто обращаться к вам.

Генрих поклонился.

— Я к услугам Вашего Величества, — ответил он.

— Я позвала вас потому, — продолжала Екатерина, — что хотела расспросить о заговоре, открытом в Анжере.

Хотя Генрих знал уже об этом заговоре из рассказа де Нансея, он напустил на себя наивный вид.

— В Анжере и в Нанте были составлены заговоры против безопасности государства. Сын мой, герцог Алансонский, уведомил меня об этом, но не сообщил подробностей. Я вспомнила, что вы можете дать мне очень интересные разъяснения.

Эта просьба несколько смутила нашего героя.

— Извините меня, Ваше Величество, я никогда не занимался политикой, и попрошу у вас разрешения ответить вам на ваш вопрос через несколько часов.

— Отчего через несколько часов?

— Оттого, что я должен прибегнуть к более серьезным оракулам, чем те, к которым я прибегаю в вопросах, которые Ваше Величество изволит задавать меня обыкновенно.

Генрих с величайшим хладнокровием посмотрел на песочные часы и сказал:

— Теперь два часа пополудни, в восемь часов я приду к Вашему Величеству и сообщу подробности.

Выражение лица принца было так серьезно, что королеве ни на минуту не могло прийти в голову, что он смеется над ней.

— Идите, я буду ждать вас в назначенный вами час.

Генрих поцеловал руку Екатерины и вышел, но вместо того чтобы уйти из Лувра, он поднялся к Нанси.

Нанси находилась в своей комнате, приложившись ухом к отверстию.

— Ах, мой бедный друг, — встретила Нанси принца, — вы оказались в большом затруднении, так ведь?

— В порядочном, — пробормотал Генрих.

— Вы не можете съездить в Анжер и вернуться оттуда ранее чем в десять часов.

— Это было бы трудно.

— Право! Я не знаю, друг мой, как вы будете продолжать разыгрывать роль колдуна.

— Я и сам этого не знаю, — согласился Генрих.

— Отчего вы не поступите так же, как Ренэ?..

— То есть отчего не спрошу сомнамбулу?

— Да.

— Это хорошая мысль...

— На вашем месте...

— Вы правы, Нанси. Я попробую.

— А я тем временем буду подслушивать. Кто знает? Может быть, мы и узнаем что-нибудь.

Генрих ушел и в надежде встретить Ноэ зашел в гостиницу на улице Святого Иакова.

Ноэ не было дома. Но зато на дворе стояли две лошади, покрытые грязью, пылью и потом.

По-видимому, лошади эти сделали длинный путь, и они заинтересовали принца.

— Чьи это лошади? — спросил он хозяина гостиницы гасконца Лестакада.

— Это лошади двух дворян, которые только что приехали.

— Куда они едут?

— В Нанси.

— А откуда приехали?

— Из Анжера.

Генрих вздрогнул.

— Гм! — пробормотал он. — Дворяне, приехавшие из Анжера и отправляющиеся в Нанси... Да это пахнет заговором.

Хозяин гостиницы отвечал очень простодушно и не подозревал, что ответы его имеют большое значение для принца.

Генрих спокойно вернулся в свою комнату, потому что слышал, как хозяин сказал служанке.

— Подай обед этим дворянам в их комнату. Знаешь — в номер 13.

Номер 13 отделялся от номера 15 только тонкой перегородкой, номер 15 занимали принц и Ноэ.

Генрих вернулся в свою комнату и заперся.

В соседней комнате, то есть в номере 13, вполголоса разговаривали двое приезжих.

Это были анжерские дворяне.

Генрих внимательно слушал.

X

Без сомнения, Генрих услышал очень странные вещи, потому что через десять минут он встал и постучался в комнату, которую заняли двое дворян, приехавших из Анжера.

— Войдите! — сказал голос.

Ключ торчал в замке, Генрих отворил дверь и остановился на минуту на пороге, чтобы посмотреть, с кем имеет дело.

Ему достаточно было одного взгляда.

Один из дворян был старик, другой молодой.

Первому было лет пятьдесят пять или шестьдесят.

У второго чуть пробивались усы и ему можно было едва дать двадцать лет.

Одеты они были почти одинаково, то есть в кафтаны из серого сукна, темно-малиновые панталоны, отложные кружевные воротники, оставлявшие всю шею открытой, и широкополые шляпы, которые придворные давным-давно заменили на шапочку с узкими полями и павлиньими или петушиными перьями. Провинциального дворянина узнавали по шляпе.

Генрих вышел из своей комнаты на цыпочках и дворяне, занятые своим разговором, не слышали его шагов.

Когда принц появился на пороге, они посмотрели на него с таким удивлением, как будто спрашивали себя, кто он и откуда явился.

Генрих уже увлек
был надет зеленый п
ный с серебряным п
и по всему можно бы
уже начал делать себ
Изящный костюм
что они имеют дело
Но это посещение
их, потому что стар
ктивно схватился за
Это движение з
— Успокойтесь
вистный друг, кото
большую услугу.

— Милостивь
звольте по крайней

— Как мое им

— Да.

— Вы правы,

я беарнский дворя

тана гвардейцев к

Это перечисл
рян.

— Вы, судар

рику, — мэнский

сир де Барбедьен

— Вам изве
старик.

— А вы, су

младшему, — п

Гектор Бошан.

— Но, суда

Генрих уже увлекся придворным щегольством, на нем был надет зеленый кафтан, серые бархатные панталоны, черный с серебряным позументом плащ, скрепленный на плече, и по всему можно было заметить, что беарнский дворянчик уже начал делать себе карьеру.

Изящный костюм и манеры сразу показали дворянам, что они имеют дело с придворным вельможей.

Но это посещение, по-видимому, не очень обрадовало их, потому что старший нахмурил брови, а младший инстинктивно схватился за шпагу.

Это движение заставило Генриха улыбнуться.

— Успокойтесь, господа, — сказал он, — я ваш ненавистный друг, который пришел оказать вам, быть может, большую услугу.

— Милостивый государь, — сказал старик, — позвольте по крайней мере спросить вас...

— Как мое имя, не так ли?

— Да.

— Вы правы, господа. Меня зовут Генрих де Коарасс, я беарнский дворянин, двоюродный брат де Пибрака, капитана гвардейцев короля Карла IX.

Это перечисление титулов далеко не успокоило дворян.

— Вы, сударь, — продолжал Генрих, обращаясь к старику, — мэнский дворянин и вас зовут, если не ошибаюсь, сир де Барбедьен.

— Вам известно мое имя? — воскликнул удивленный старик.

— А вы, сударь, — продолжал Генрих, обращаясь к младшему, — племянник сира де Барбедьена и вас зовут Гектор Бошан.

— Но, сударь...

— Вы стояли во главе гугенотской партии в Мэне, так же как и третий дворянин, который гораздо богаче вас, хотя и у вас огромные поместья, этого третьего зовут маркизом Бельфоном. Правду ли я говорю?..

— Извините меня, — перебил принца де Барбедьен, — так как я имею честь видеть вас в первый раз, то меня чрезвычайно удивляет, что я слышу от вас такие подробности.

— Простите, — сказал Генрих, — быть может я немножко колдун...

— О, вы шутите!

— И я скажу вам еще одну подробность: вы стояли во главе небольшого заговора, имевшего целью... поколебать власть монарха.

— Милостивый государь!

— Вы были арестованы: де Бошан, вы и маркиз Бельфон.

— Правда.

— Арестованы и отправлены в замок Анжер.

— И это правда.

— И если бы вам не удалось бежать... то недели через две парламент приговорил бы вас к колесованию или в крайнем случае к обезглавливанию.

Легкая бледность покрыла лицо старика, смотревшего с подозрением и недоверием на Генриха.

Генрих угадал его мысль.

— Обратите внимание, милостивый государь, — продолжал он с улыбкой, — на то, что если бы я хотел предать вас, то не явился бы к вам один, не имея другого оружия, кроме шпаги, а захватил бы с полдюжины швейцарцев, которыми командует мой кузен Пибрак, и приказал бы арестовать вас. Напротив, я пришел дать вам совет — поскорее

накормить ваших лошадей и уехать немедленно. Вы едете в Лотарингию, не так ли?

— Как! — воскликнул пораженный де Барбедьен. — Вам и это известно?

— Я уже сказал вам, — ответил улыбавшийся принц, — что я немножко колдун.

— Но не можете ли вы сказать нам... — начал молодой человек, до сих пор молчавший.

— Я сейчас объясню, — сказал Генрих, — вы позволите запереть дверь на задвижку?

Старик встал, сам запер дверь и пододвинул принцу стул.

Генрих сел и продолжил:

— Господа, не пугайтесь, что я назвал капитана гвардейцев своим кузеном. Я не состою на службе у короля, а тем более у королевы Екатерины и от души ненавижу герцога Алансонского. А так как я должен все сказать вам, то смотрите...

Генрих сделал таинственный знак, по которому гугеноты узнавали друг друга. Увидев этот знак, Барбедьен и Бошан сразу успокоились и протянули молодому принцу руки.

Генрих пожал им руки и сказал:

— Теперь я могу откровенно поговорить с вами и довериться вашей скромности.

Генрих, не изменяя своему инкогнито, рассказал, как две недели назад он встретился с Ренэ-флорентинцем, что из этого последовало и о роли колдуна, которую он принужден был играть помимо своего желания.

— Вы можете выручить меня из неприятного положения, — сказал он дворянам.

— Каким образом?

— Рассказав мне подробности вашего бегства. Когда я

сообщу об этом королеве, вы будете уже далеко отсюда и вне опасности.

Дворяне были в нерешительности.

— Я должен, кажется, признаться вполне, — сказал Генрих, — когда вы узнаете мое настоящее имя...

— Ваше... настоящее имя?

— Тогда вы не будете подозрительно смотреть на меня... вы увидите, что я сочувствую не менее вас нашей партии и что, узнав тайны королевы-матери, я могу оказать большую услугу вашим братьям, направив на ложный след ненависть королевы Екатерины.

— Так кто же вы? — пробормотал Барбедьен, все более и более изумляясь.

Генрих вынул из кармана кафтана левую руку и показал ее старику.

— Знакомо вам это кольцо? — спросил он.

Сир Барбедьен вздрогнул.

— Я Генрих Бурбонский, принц Наваррский... — тихо сказал мнимый Коарасс.

Оба дворянина чуть не вскрикнули, поспешно встали и хотели преклонить колени.

— Тс! — остановил их Генрих. — Не забывайте, что в Париже меня зовут Коарассом и что я кузен Пибрака, капитана гвардейцев. Сядем и поговорим, господа.

Час спустя оба гугенота садились на лошадей, а принц жал им руки и давал следующий странный совет:

— Поезжайте без остановки до Шарантона, там вы увидите гостиницу под вывеской: «Король Франциск I».

— Понимаю, — заметил Барбедьен.

— Вы позовете хозяина и скажете ему: «Поддай нам стакан вина».

— Очень хорошо.

— Пока вы будете пить вино, вы спросите, где дорога на Мелун, и скажете, что едете в Лион.

— Но ведь мы едем не туда...

— Подождите! Выпив вино, вы заплатите хозяину экую с изображением короля Наваррского, вот это...

Генрих вынул из кармана золотой и острием кинжала начертил крест на оборотной его стороне.

Барбедьен и его племянник Бошан немного удивились.

Генрих продолжал:

— Вы выедете из Шарантона, объедете Венсенский лес и доедете до Бонди и до дороги в Мессен.

Барбедьен взял экую и уехал вместе с племянником.

Генрих пошел в Лувр, рассуждая:

«Сегодня вечером я буду самым искусным колдуном».

Было только еще шесть часов. Королева ждала его в восемь.

Генрих пошел к Нанси.

Нанси все время не отходила от отверстия, просверленного в паркете.

Увидев вошедшего Генриха, она сделала ему знак не шуметь.

— Посмотрите... — шепнула она.

Генрих подошел, и камеристка уступила ему свое место.

Принц увидел королеву, сидевшую за письменным столом и что-то писавшую.

В двух шагах от стола в смиренной и молящей позе стоял Ренэ-флорентинец.

«Ого! Мои догадки были справедливы, — подумал Генрих. — Мне кажется, что господин Ренэ не в особенно хороших отношениях со своей высокой покровительницей».

Действительно, брови у королевы были нахмурены и лицо выражало сильное раздражение.

Наконец королева подняла голову и посмотрела на Ренэ.

— Как, ты все еще здесь, негодяй? Ведь я уже сказала тебе, что не могу больше видеть тебя и советую возвратиться в Италию...

— Ваше Величество, — просил флорентинец, — я на коленях умоляю вас помиловать меня...

Ренэ встал на колени, Екатерина пожала плечами.

— А когда я прощу тебя, — сказала королева, — ты снова начнешь грабить и убивать.

— Я раскаялся... Бог мне свидетель... — пробормотал флорентинец.

— Молчи, негодяй!

— Ах, Ваше Величество, — бормотал с рыданиями в голосе Ренэ, — у меня похитили дочь... и если Ваше Величество лишит меня своей милости, то что же у меня останется...

— Твою дочь найдут, — сказала королева.

Ренэ чуть не вскрикнул от радости.

— Мне это обещал Коарасс.

При этом имени Ренэ побледнел.

— Коарасс лучше тебя умеет гадать по звездам.

— Ах! — вырвалось у Ренэ, почувствовавшего сильную зависть.

— Подойди сюда, я подвергну тебя испытанию, — сказала королева.

Флорентинец вздрогнул.

— Я не могу питать дружелюбного чувства к отравителю и убийце, подобному тебе, я спасла тебя только потому, что ты был мне полезен и твои предсказания иногда сбывались...

Ренэ вздохнул, вспомнив, что Годольфин уже более не в его власти.

Королева продолжала:

— Сегодня мне сообщили важное известие. Так как ты колдун, то скажи мне, в чем оно состояло.

Ренэ побледнел, но у него хватило дерзости подойти к окну, раскрыть его и сделать вид, что он рассматривает вечернюю звезду, поднимающуюся на горизонте.

Королева наблюдала за ним.

— Ваше Величество, — начал Ренэ, — я не знаю, к какому колдовству прибегает сир Коарасс, которым вы так довольны, для того чтобы узнать будущее и прошедшее. У меня есть один только способ — угадывать по звездам. И потому, сидя в Шатле, я сделался человеком обыкновенным, не имеющим в своем распоряжении никакой сверхъестественной силы. Но, увидев снова звезды...

Ренэ самодовольно улыбнулся.

— Ну, говори же... какую важную новость мне сообщили?..

Ренэ спокойно ответил:

— Вы узнали о скором приезде принца.

Королева и глазом не моргнула.

— А еще что?

— Это — принц Наваррский.

— Хорошо.

— Он едет в Париж, чтобы жениться на принцессе Маргарите.

— Прекрасно! Можешь ли ты сказать мне, откуда приехал посланный?

— Из Нерака. В настоящее время там находится королева Жанна.

И Ренэ, не сводя глаз со звезды, имел смелость добавить:

— Я вижу ее прогуливающейся в парке своего замка и разговаривающей с неизвестным мне дворянином... очень вероятно, что это...

Королева прервала слова Ренэ насмешливым хохотом:

— Звезды издеваются над тобой, — сказала она, — а ты осмеливаешься смеяться над твоей государыней... Ступай вон, негодяй!

Королева встала, взбешенная, и движением руки указала Ренэ на дверь. Ренэ вышел более испуганный и униженный, чем накануне при виде орудий пыток, которые должны были истерзать его тело и раздробить кости.

— Королеве не стоило так стараться вырвать своего любимца из рук палача, — прошептала Нанси на ухо принцу. — Теперь он попал в немилость...

Генрих ничего не ответил.

Быстрее молнии он выскочил из комнаты, пробежал коридор и исчез.

— Куда он убежал? — воскликнула удивленная камеристка.

Принц успел уже изучить все закоулки Лувра не хуже самой королевы. Он бегом спустился по маленькой лестнице и вышел из дворца в ворота, выходившие на улицу Сент-Оноре, обогнул дворец и добежал до набережной.

Там он сделал вид, что направляется к главным луврским воротам, и увидел Ренэ, вышедшего из калитки и направлявшегося к реке.

Ренэ был мрачнее тучи.

Он шел медленно, по временам оборачивался и смотрел на окна королевы-матери.

«Дурак! — подумал Генрих. — Он воображает, что королева вернет его».

Идя таким образом, флорентинец столкнулся с шедшим ему навстречу принцем.

— Это вы, мессир Ренэ! — извинился Генрих. — Простите, я засмотрелся на небо... Ночь темная... я не заметил вас...

Ренэ узнал своего соперника по некромантии и почувствовал злобу и зависть.

Он хотел пройти мимо, но Генрих взял его за руку.

— Позвольте поздравить вас, — приветливо сказал он ему, — вы счастливо отделались сегодня утром... Я ожидал уже, что этот проклятый Крильон...

— Не будем более говорить об этом, де Коарасс, — с мрачным видом перебил принца флорентинец.

— Вы правы, Ренэ. Вы шли из Лувра?

— Да.

— А я иду туда. Я буду ночевать у кузена Пибрака. Боже мой, как вы бледны, Ренэ!..

— Мне действительно нездоровится...

Ренэ хотел уйти, но Генрих удержал его и сказал, покачивая головой:

— Вы дурно чувствуете себя, Ренэ. У вас, должно быть, большое горе...

— Я много выстрадал вчера и сегодня утром.

— О, это не то! У вас была какая-нибудь неприятность в Лувре и вместо того, чтобы рассказать мне о ней, посоветоваться со мной, потому что я все-таки ваш друг...

— Милостивый государь!

— Я подавал вам уже много добрых советов, и если бы вы следовали им...

— Но... клянусь вам...

— Вы все забываете, что я гадаю по звездам так же, как и вы...

Ренэ нервно и принужденно засмеялся.

— Ну так попытайтесь сказать, что со мной только что случилось в Лувре?

— Ах, Ренэ, вы знаете, что мне стоит только посмотреть на вашу руку.

Ренэ был взволнован, он так боялся, чтобы кто-нибудь не узнал о том, что он впал в немилость, что должен был собраться с духом, чтобы протянуть руку Генриху.

Генрих взял его за руку и подвел к фонарю.

— Ого! — вдруг сказал он.

— Что вы видите? — спросил Ренэ притворно насмешливым тоном.

— Я вижу, — ответил Генрих, — что королева только что прогнала вас.

Флорентинец вскрикнул и отступил, весь дрожа.

XI

Генрих замечательно играл роль колдуна.

Ренэ, выйдя от королевы, встретил его в ста шагах от Лувра.

Принц, по-видимому, шел из своей гостиницы. Обыкновенными, естественными способами невозможно было бы узнать, что произошло у королевы.

В глазах Ренэ принц был большим колдуном, чем когда-либо.

Флорентинец был именно таков, каким его знала вся Франция, и ненавидела его за это: дерзок со слабыми, робок и раболепен перед сильными.

Он возненавидел Генриха и завидовал ему, потому что королева сообщила ему, что советовалась с молодым беарнецем и оценила по достоинству его дарование.

Но беарнец доказал Ренэ свое превосходство таким неожиданным и неоспоримым образом, что Ренэ почувствовал себя побежденным, и его раздражение быстро улеглось, он снова начал доверять и трепетать перед своим юным соперником.

— Ну, предположим, что вы угадали... — начал Ренэ, сияясь улыбнуться.

— Вы можете предполагать, а я в этом уверен, — сказал принц.

— Пусть будет так... Королева прогнала меня, потому что я в немилости...

— Именно.

— Но эта немилость только временная...

— Гм! На это я ничего не могу ответить, не подумав.

— Так подумайте, — просил флорентинец, голос которого дрожал.

Генрих взял руку Ренэ, посмотрел на нее и затем взглянул на звезды.

— Господин Ренэ, — сказал он, — на вашу судьбу действуют противоположные влияния. У вас есть сильный соперник, который употребит все свое могущество, чтобы воспрепятствовать вам вернуть милость королевы.

— А кто этот соперник?

— Это вы сами!

— Я! — воскликнул пораженный парфюмер.

— Вы, Ренэ...

— Но... вы... шутите...

— Нет, я сейчас объясню. Возвратившись домой, вы

намерены написать королеве длинное письмо с извинениями и мольбами. Признайтесь, что это так.

— Правда. Я думал об этом.

— Завтра вы будете бродить около Лувра и постараетесь попасться на глаза Ее Величеству, когда она выйдет.

— Но...

— В последующие дни вы будете делать то же самое... и королева вместо того, чтобы сжалиться над вами, возненавидит вас, а придворные, смеявшиеся над вами сегодня утром и дрожавшие вечером, узнав, что вас выпустили из Шатле, будут еще больше смеяться над вами.

— Но... однако.

— Послушайте, Ренэ, — сказал Генрих таким добродушным тоном, что парфюмер обманулся, — прежде чем дать вам совет, я хочу доказать вам, что я ваш друг. Я прекрасно знаю, что вы убили Лорио...

— Милостивый государь!..

— Тс! Это между нами. Я знаю также, что Гаскариль, которому дали двести экю золотом и убедили, что его повесят только для виду...

— Молчите!.. — с ужасом пробормотал Ренэ.

— Не бойтесь, мы одни... Все это мне было известно, и мне стоило сказать одно только слово королю, и Гаскариля не допрашивали бы, а вас судил бы парламент. Я ничего не сказал только потому, что расположен к вам, — не ясно ли это?

— Да, — пробормотал Ренэ, начавший в самом деле думать, что де Коарасс питает к нему чувство дружбы.

— Следовательно, если я даю вам совет, то искренно...

— Ну, послушаем ваш совет.

— Вот он: не подавайте о себе вестей в течение несколь-

ких дней. Уезжайте в провинцию или в окрестности Парижа или запрячься в своей лавке на мосту Святого Михаила.

— Затем?

— Все придворные, радовавшиеся вашему несчастью, будут встревожены, не видя вас: Ренэ, подумают они, уехал исполнять поручение королевы. Когда он вернется — беда нам! Он будет свиреп...

— Гм! Черт возьми! Вы подали мне прекрасную мысль! — прервал Ренэ принца.

— Да, мысль недурная, Ренэ, главное теперь состоит в том, чтобы никто не узнал, что вы в немилости. Королева Екатерина не будет хвастать, что выгнала вас. Она знает, что не надо выносить сор из избы.

— Но... если королева не будет видеть меня, — пробормотал Ренэ, — она забудет обо мне.

— Напротив, если она не будет видеть вас, гнев ее утихнет, потом ею овладеет чувство страшной гордости. Она будет удивляться, что вы так равнодушно переносите ее немилость... Она пошлет за вами... Понимаете?

— Да. Но уверены ли вы, что все так и случится?

— Вполне уверен.

— А как долго продолжится моя немилость?

— С неделю. В это время я заменю вас.

Флорентинец подозрительно посмотрел на принца.

— О! Успокойтесь, — смеясь заметил Генрих, — у меня нет охоты вечно заменять вас. Погадав несколько дней королеве, я исчезну.

— Куда же вы уедете?

— Я вернусь в Наварру. Итак, не бойтесь. Я колдун-любитель: я гадаю по звездам только для своего удовольствия, и я окажу вам еще услугу — не дам сопернику занять ваше место... я сохраню его для вас...

— Коарасс, — прервал принца парфюмер, начинавший слепо доверять его словом, — знаете ли вы, что у меня похитили дочь?..

— Да, знаю. Королева даже спрашивала меня об этом.

— И что вы ей сказали?

— Что ваша дочь найдется.

— Когда?..

— Я не мог этого определить.

— И... этот дворянин?

— Она не выйдет за него замуж. Однако прощайте, Ренэ, последуйте моим советам... и все будет хорошо.

Генрих поспешил расстаться с Ренэ, который, без сомнения, хотел о многом еще расспросить принца. Он вошел в луврские ворота, выходившие на набережную, и прямо отправился к королеве.

Екатерина ждала его с нетерпением.

Генрих не сказал ей, что только что встретил Ренэ, он прикинулся даже удивленным, что застал королеву одну, и сказал:

— Я думаю, Ваше Величество, что звезды ввели меня в обман, потому что они сообщили мне странные вещи...

— Что же именно? — спросила королева с тревогой.

— Быть может, они не хотят, чтобы я вмешивался в политику. Ваше Величество, умоляю вас, положите на этот стол, не развертывая, письмо герцога Алансонского.

— Вот оно.

— Теперь дайте мне вашу правую руку.

— Возьмите.

— А левую положите на письмо.

Продельывая все эти вздорные обряды, в которые королева безусловно верила, принц думал:

«Никогда в жизни она не простит мне мой обман, когда

я сделаюсь ее зятем и она узнает, что мнимый колдун не кто иной, как принц Наваррский... Однако... будем продолжать...»

Он взял правую руку королевы, положившей левую руку на письмо герцога Алансонского, и поднял флакон с симпатическими чернилами.

— Ваше Величество, — сказал он, смотря через жидкость на пламя свечи, — герцог Алансонский имел большую удачу, захватив в одно и то же время маркиза Бельфона, сира Барбедьена и Бошана, самых опасных гугенотов.

— Я надеюсь, — сказала королева, — что парламент в Пуатье приговорит их к обезглавливанию.

— Да, Ваше Величество, но...

Генрих колебался.

— Разве вы думаете, что приговор парламента не будет приведен в исполнение?

— Он будет исполнен только относительно маркиза Бельфона.

— Отчего же не над двумя другими?

— Потому что они уже не во власти герцога Алансонского, а следовательно, и парламента.

У королевы вырвался крик удивления.

Генрих продолжал по-прежнему серьезно.

— Я никогда не видел ни сира Барбедьена, ни его племянника, однако я вижу их в эту минуту.

Генрих смотрел на содержимое флакона, и Екатерина была твердо убеждена, что он видит обоих гугенотов.

Принц продолжал:

— Сир Барбедьен уже старик, а сир Бошан еще совсем молодой человек. Они заключены в тюрьму, в одну из башен Анжерского замка. У подножия башни расстилается сад.

Ночь... темна и без звезд... У узников нет огня, и я не могу определить, что делает тот из них, который сидит на постели. Я слышу, как рвут холст. Мне кажется, что разрывают простыни на узкие полосы...

— А другой?

— Другой стоит около узкого окна. Это окно забрано толстой железной решеткой. Сир Барбедьен перепиливает один из прутьев решетки, в то время как его племянник разрывает простыню.

— Продолжайте, продолжайте! — с тревогой сказала королева.

Принц не сводил глаз с флакона, где как бы отражалась вся эта сцена, он как будто прислушивался к отдаленному шуму, который был слышен только ему одному.

— Я слышу, — рассказывал он, — отдаленный свист, потом крик ночной птицы... крик совы... но это кричит человек, прогуливающийся по саду замка, я не вижу его лица, на нем надета маска.

— Ах! — вырвалось у королевы...

— Сир Барбедьен уже перепилил железный прут и спустил из окна длинную веревку, связанную из простыни. Под окном стоит часовая.

— Он поднимет тревогу! — сказала встревоженная королева.

— Он не успел. Замаскированный человек подполз к нему... часовая дремлет... замаскированный человек бросается на него... сверкнул кинжал... я слышу подавленный крик... солдат падает, пораженный насмерть.

Генрих, казалось, видел всю эту сцену с такой ясностью во флаконе с симпатическими чернилами, что королева мысленно перенеслась в Анжер, в сад, где только что был заколот часовая.

— Что же дальше?
— Замаскирова
ной простыне небо.
— Они убегают?

— Да, Ваше Ве
кается первым. Лес
зана и молодой чело

кается вслед за ним
ванного человека бе

Я вижу, как они оч
три оседланные лош

Все трое вскакиваю
замаскированный че

ники, налево. Я слы
вижу...

Принц притворил
чувств на стул.

— О, Коарассе!
усилие, умоляю вас.

Генрих взял рук
нилами к свече, но

сильный шум.

— Пойдите!
Паж Рауль от

— Что случилось
но недовольная те

— Ваше Вели
сонского.

— Курьер!
— Он привез

— Что же дальше? — торопила она.

— Замаскированный человек привязывает к спущенной простыне небольшой сверток, который тотчас же поднимается к окну, — это веревочная лестница.

— Они убегут?

— Да, Ваше Величество. Тот, который моложе, спускается первым. Лестница качается, но она крепко привязана и молодой человек скоро достиг земли. Старик спускается вслед за ним... Оба в сопровождении замаскированного человека бегут по саду и перелезают через стену... Я вижу, как они очутились в узком переулке... Там стоят три оседланные лошади, они привязаны к решетке дома. Все трое вскакивают на лошадей... Но они разъезжаются: замаскированный человек едет направо... двое других, пленники, налево. Я слышу топот лошадей, но ничего уже не вижу....

Принц притворился, что крайне устал, и упал почти без чувств на стул.

— О, Коарасс! — вскричала королева. — Сделайте усилие, умоляю вас... и посмотрите, куда они едут.

Генрих взял руку королевы и снова поднес флакон с чернилами к свече, но в эту минуту в прихожей послышался сильный шум.

— Пойдите! — остановила принца королева.

Паж Рауль откинул портьеру, вошел де Нансей.

— Что случилось, Нансей? — спросила королева, сильно недовольная тем, что нарушили ее сеанс гадания.

— Ваше Величество, приехал курьер от герцога Алансонского.

— Курьер! — воскликнула королева.

— Он привез письмо.

Королева посмотрела на Генриха.

— Мы сейчас увидим, не ошиблись ли вы, де Коарасс. Приведите курьера, Нансей!

— Пожалуйста сюда! — крикнул молодой офицер.

Королева увидела, как вошел покрытый пылью человек, изнеможенный и усталый.

Он подал королеве с низким поклоном письмо с гербовой печатью герцога, перевязанное голубым шелком.

Королева взяла письмо, сломала печать, развернула его и вскрикнула, как только пробежала первые строки.

Она протянула письмо мнимому сир де Коарассу, который с невозмутимым спокойствием начал читать:

«Ваше Величество,

два моих пленника, старик сир де Барбедьен и сир де Бошан, его племянник, бежали в эту ночь. Часовой был заколот... Вероятно, этот побег, замеченный только сегодня в семь часов утра, был совершен между девятью и десятью часами вечера.

Я предполагаю, имея на это некоторое основание, что беглецы отправились в Париж. Спешу уведомить вас об этом, чтобы вы приказали арестовать их, если это возможно...»

Генрих посмотрел на Екатерину.

— Что вы думаете об этом, Ваше Величество? — спросил он.

Королева ничего не ответила, а только приказала Нансею:

— Ступай, Нансей, и уведи этого господина, оставь меня одну с де Коарассом. Приготовься сейчас же ехать.

Нансей поклонился и вышел вместе с курьером.

— Вы должны во что бы то ни стало найти этих дворян, де Коарасс, — сказала королева.

— За это я не ручаюсь, — возразил Генрих.

— Но... однако...

— Я скажу только, по какой дороге они поехали, но и этого уже много, как мне кажется.

— Посмотрим!

Генрих снова взглянул на флакон.

— Ах! — вдруг воскликнул он. — Я вижу их! И как странно...

— Где они? — с живостью спросила Екатерина.

— Они подъехали верхом к гостинице и, не сходя с седла, пьют вино.

— А где эта гостиница?

— В местности, мне незнакомой... флакон дрожит в моей руке... этот трактир недалеко от Парижа... Впрочем... подождите... Над дверью есть вывеска: «Король Франциск I».

— Это в Шарантоне! — воскликнула королева.

— Не знаю... но улица идет покато к реке.

— Совершенно верно.

— Старик упоминает о Лионе и дает трактирщику экю. Ах! Какой странный вид имеет этот экю... он беарнский... с изображением короля Антуана Бурбонского... На нем начерчен даже крест. Они уезжают... Я слышу топот... но их уже не вижу...

Каждое слово Генрих произносил отдельно, как бы под влиянием сильного утомления.

— Ах! — воскликнул он. — Я снова вижу их... они в городе... на берегу реки... они остановились опять около гостиницы, чтобы переночевать.

Королева позвонила.

— Это Мелун, — сказала она, — они ночуют в Мелуне. Их успеют захватить.

На звон колокольчика явился Нансей.

— Нансей, мой милый, — обратилась к нему королева, — возьми тридцать королевских гвардейцев и поезжай с ними сначала в Шарантон, где ты спросишь хозяина гостиницы под вывеской «Король Франциск I», не видел ли он двух дворян, молодого и старика... они, по-видимому, прибыли издалека... Постой! Возьми с собой курьера герцога Алансонского, он знает беглецов... он узнает по описанию их наружности, они ли это.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — ответил Нансей.

— Потом отошли ко мне этого бедного курьера, который, должно быть, умирает от усталости.

— А я куда должен ехать?

— В Мелун вместе с тридцатью гвардейцами, вы поскачете во весь опор, и как только приедете туда ночью, так немедленно же обшарьте все гостиницы, пока не найдете беглецов... Ты привезешь их связанными по рукам и по ногам.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Нансей поклонился и вышел.

Генрих сделал вид, что изнемогает от усталости.

— Ах, Ваше Величество, — пробормотал он, — как я жалею тех, кто делает из некромантии ремесло. Я чувствую себя более утомленным, чем после двадцатимильной езды верхом.

— Я вознагражу вас, Коарасс, — сказала королева.

Принц с удивлением посмотрел на Екатерину.

— Я приглашаю вас ужинать.

— Ах, Ваше Величество...

— Не к себе... но... к принцессе Маргарите, которая пригласила меня сегодня.

У Генриха забилося сердце от радости.

— И я была бы очень благодарна вам, — продолжала

королева, — если бы
дупредили принцес
Королева позва
ее, а Генрих, чрезвы
Маргарите.

По дороге он вст
Нанси улыбнула
кие зубки, и сказала:

— Знаете ли вы,
предложить вам заня
ла. И вы хорошо сде

— Почему?

— Потому что, —
меристка, — вы буде
дется уходить отсюда

И, говоря это, лу
дора и толкнула прин
которая, краснея, вст

Мы немного поз
ри де Ноэ, скептика
ми и насмешливой
сначала смеялся над
Коризандре и немал
бы ветреный Генрих
Потом Ноэ пр
ювелирши, которая
зандрой, будет обм
конец, он находил

королева, — если бы вы отправились туда сейчас же и предупредили принцессу, что я приду вслед за вами.

Королева позвала своих камеристок, чтобы они одели ее, а Генрих, чрезвычайно довольный, пошел к принцессе Маргарите.

По дороге он встретил Нанси.

Нанси улыбнулась ему, показав при этом свои беленькие зубки, и сказала:

— Знаете ли вы, мой добрый друг, что королева хочет предложить вам занять место Ренэ... я все видела и слышала. И вы хорошо сделаете, если займете его.

— Почему?

— Потому что, — лукаво улыбнувшись, ответила камеристка, — вы будете жить тогда в Лувре... и вам не придется уходить отсюда в дождь, холод и туман...

И, говоря это, лукавая Нанси отворила дверь из коридора и толкнула принца в комнату принцессы Маргариты, которая, краснея, встала ему навстречу.

ХII

Мы немного позабыли нашего старого знакомого Амори де Ноэ, скептика с белокурыми усами, голубыми глазами и насмешливой улыбкой. Пора вернуться к нему. Ноэ сначала смеялся над любовью своего царственного друга к Коризандре и немало способствовал, быть может, тому, чтобы ветреный Генрих Наваррский позабыл графиню.

Потом Ноэ предостерегал принца против прекрасной ювелирши, которая, по его словам, предупрежденная Коризандрой, будет обманывать принца насколько возможно, наконец, он находил смешным, что Генрих Бурбонский уха-

живал за Маргаритой Французской под именем сира де Коарасса.

Все это не мешало, однако, нашему другу Ноэ влюбиться в Паолу и нежно посматривать на хорошенькую Миетту, племянницу своего земляка — беарнца Маликана.

Генрих и Ноэ почти не виделись уже три дня.

Сначала королева Екатерина вздумала советоваться с Коарассом и испытывать его искусство в колдовстве, так что принц большую часть дня проводил в Лувре, потом у Ноэ было много дел, и он не имел времени дожидаться своего царственного друга в гостинице Лестакада на улице Святого Иакова.

Хотя Ноэ и являлся ежедневно в Париж, но забывал осведомиться о Генрихе.

Любовь на время разлучила двух друзей.

Чтобы понять странный образ жизни, который Ноэ вел уже три дня, необходимо перенестись в Шальо, к тетке честного Гильома Верконсена, приказчика несчастного Самуила Лорио.

Гильом, как читатель помнит, предложил гостеприимство Паоле через молодых людей.

Принц согласился воспользоваться им, но с одним условием.

Это условие состояло в следующем: приказчик не должен был говорить Паоле о ювелирше и кабатчице Маликана, а Сарре и Миетте — рассказывать о том, что тетка его предложила приютить у себя Паолу, дочь Ренэ-флорентинца.

Гильом принадлежал к числу людей скромных: он дал слово и сдержал его.

За три дня до освобождения парфюмера королевы, в то время как Генрих слезал с лошади у Монмартрских ворот, Паола поехала с Ноэ в Шальо.

Тетка Верконсена за
кий домик с маленьким
сердитая собака.

Дом был совсем но
товые деревья.

Тетка Верконсена,
тила торговлю, скопив

что для простой меша
Ей было уже шест
ственников, кроме Гил
стояние.

Добрая женщина
но, она и при жизни о
вал этого. Но Гильом

го реже встречается
Богу, чтобы Он про

Ноэ и Паола вст

Он ждал их и со

историю, цель котор

ственную совесть

тетушке Верконсен,

гося выдать ее за Н

чеха молодой деву

форматорскую веру.

ола согласилась уе

что хотела избавит

отца и мачехи.

Ноэ, говорил с

них разрешения же

ее отца.

Эта выдумка,

произвела прокла

Тетка Верконсена занимала около монастыря хорошенький домик с маленьким садом и двором, который караулила сердитая собака.

Дом был совсем новый, а в саду росли прекрасные фруктовые деревья.

Тетка Верконсена, бывшая рыночная торговка, прекратила торговлю, скопив восемьсот ливров годового дохода, что для простой мещанки было порядочным состоянием.

Ей было уже шестьдесят лет, и она не имела других родственников, кроме Гильома, которому завещала все свое состояние.

Добрая женщина любила своего наследника безгранично, она и при жизни отдала бы ему все, если бы он потребовал этого. Но Гильом был честен и бескорыстен и, что всего реже встречается у наследников, каждый день молился Богу, чтобы Он продлил дни его тетки.

Ноэ и Паола встретили Гильома у дверей.

Он ждал их и сочинил для своей тетки по поводу них историю, цель которой была успокоить религиозную и нравственную совестливость доброй женщины. Он рассказал тетушке Верконсен, что Паола дочь дворянина, отказавшегося выдать ее за Ноэ, и что на решение отца повлияла мачеха молодой девушки, желавшая, чтобы она приняла реформаторскую веру. Из рассказа Гильома следовало, что Паола согласилась уехать со своим женихом только потому, что хотела избавиться от религиозных притеснений своего отца и мачехи.

Ноэ, говорил он, написал уже королю и папе, прося у них разрешения жениться на молодой девушке без согласия ее отца.

Эта выдумка, сочиненная Гильомом по внушению Ноэ, произвела прекрасное действие на бывшую торговку.

Она поняла, что необходимо окружить молодую девушку величайшей таинственностью, и приготовила ей хорошенькое помещение в нижнем этаже своего домика.

Ноэ устроил Паолу в ее новом жилище и весь день провел с ней, он уехал только в шесть часов вечера и обещал вернуться на следующий день рано утром.

Действительно, он приехал еще до полудня.

Ночью они с принцем решили, что если Годольфин согласится остаться с Паолой, то его отвезут к тетушке Верконсен.

Известно, что случилось и какое обещание дал сомнамбула. Читатели не забыли также и то обстоятельство, что Годольфин, сидя уже в одном седле с Ноэ, приподнял повязку, закрывавшую ему глаза, и несмотря на темноту узнал башни Лувра.

Ноэ скакал до самого Шальо, тут он остановил свою лошадь и приказал Годольфину слезть.

— Вы можете снять повязку, — сказал он ему.

Годольфин все время украдкой смотрел из-под повязки и прекрасно узнал дорогу, по которой они ехали.

В ту минуту, когда Ноэ разрешил сомнамбуле снять повязку, они находились среди поля, с трех сторон окруженного стенами.

В этот поздний час все в Шальо спали, Ноэ легко мог убить своего тщедушного пленника, и никто не явился бы к нему на помощь.

Но Ноэ об этом серьезно не думал, он только сказал Годольфину:

— Мой юный друг, прежде чем ехать дальше, я хочу побеседовать с вами.

Молодой человек задрожал, вообразив, что его тюремщик питает против него злой умысел.

Ноз положил ему руку на плечо.

— Обратите внимание, — сказал он, — сейчас около полуночи, и мы находимся в пустынном месте. Я могу раз-
мозжить вам голову этим пистолетом и никого не потрево-
жить.

— О! — с ужасом прошептал Годольфин. — Я
знаю, что вы привезли меня сюда только для того, что-
бы убить.

— Вы ошибаетесь, я обещал вам, что отвезу вас к Па-
оле, а вы дали мне слово, что будете спокойно жить с ней и
не будете искать случая оставить ее.

— Я люблю ее... — пробормотал Годольфин.

— Поэтому-то, любезный Годольфин, я и хочу, преж-
де чем ехать дальше, объясниться с вами.

— Я слушаю вас, — дрожа всем телом, ответил моло-
дой человек.

— Вы любите Паолу?..

— О! Люблю ли я ее?..

— А... она?

Годольфин опустил голову и молчал.

— Я знаю, — продолжал Ноз, — что она не любит
вас по двум причинам.

Годольфин вздрогнул.

— Во-первых, потому, что вы шпионили за ней и были
ее тюремщиком...

— Я был во власти Ренэ. А во-вторых?..

Годольфин остановился и осмотрелся вокруг.

— А так как вы любили ее, то и ревновали, не так ли?

— Может быть...

— Вторая причина еще проще: Паола не любит вас по-
тому, что любит меня...

Ноз сказал это с некоторым тщеславием.

Годольфин был страшно бледен, но не возразил ни слова.

— Если вы любите Паолу, — продолжал Ноэ, — то для вас уже много значит быть подле нее вместо того, чтобы гнить в погребе...

— О, да!..

— Но вы должны также понять, что если повторится сцена ревности, как на мосту Святого Михаила, то я принужден буду снова водворить вас в погреб.

— Я прошу только одного — быть около Паолы... — прошептал Годольфин, — я знаю, что она любит не меня, а вас.

— Хорошо, мне нравится ваша покорность.

Годольфин вздохнул.

— Поклянись мне, что вы добросовестно сыграете роль, которую я вам назначаю.

— Какую роль?

— Вы будете выдавать себя за брата Паолы, а Паола — за дочь гугенота.

Ноэ объяснил Годольфину, кем он должен быть в глазах тетушки Верконсен, и Годольфин поклялся, что он исполнит все, что от него требуют.

Годольфин прибыл таким образом в Шальо.

Ноэ признался Паоле в похищении Годольфина, и когда последняя спросила его, зачем он хочет принудить ее снова жить с ненавистным ей человеком, он ответил:

— Милая моя, Годольфин мог как-нибудь убежать от нас, он вернулся бы на мост Святого Михаила и попал бы в руки вашего отца. Ваш отец при помощи Годольфина нашел бы нас и разлучил.

Хотя эта причина была достаточно убедительна, но Ноэ выдумал еще и другую.

— Милая Паола, так годаря Годольфину, то чтобы ничто не нарушило уверены, королева Екатерина бы найти вас.
— О, никогда! — вы не вернусь к отцу и не ра

Целые два дня Ноэ тий день он почувствова ние и потребность верну

— Милый друг мой

уже два дня не видел с будете против того, что

— Когда вы возвра вушка.

— Завтра.

— В котором часу?

Ноэ улыбнулся.

— Надеюсь, вы не свете.

— Конечно, нет.

— В таком случае

Ноэ обнял Паолу и отправляющийся в дал

До самой городской Паоле.

Въехав в ворота П тил вдали Лувр.

Легкая дрожь про

— Странно, мне ствие, воспомина

— Милая Паола, так как ваш отец узнавал многое благодаря Годольфину, то мы будем поступать так же, как и он, чтобы ничто не нарушило нашего счастья, потому что, будьте уверены, королева Екатерина перевернет небо и землю, чтобы найти вас.

— О, никогда! — воскликнула Паола. — Никогда я не вернусь к отцу и не расстанусь с вами.

Целые два дня Ноэ провел вместе с Паолой, но на третий день он почувствовал какое-то неопределенное томление и потребность вернуться в Париж.

— Милый друг мой, — сказал он дочери Ренэ, — я уже два дня не видел сира де Коарасса и надеюсь, вы не будете против того, чтобы я съездил к нему.

— Когда вы возвратитесь? — спросила молодая девушка.

— Завтра.

— В котором часу?

Ноэ улыбнулся.

— Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я приехал на рассвете.

— Конечно, нет.

— В таком случае ждите меня к завтраку.

Ноэ обнял Паолу и уехал мелкой рысцой, как человек, отправляющийся в далекое путешествие.

До самой городской стены Ноэ, естественно, думал о Паоле.

Въехав в ворота Парижа, он взглянул на Сену и заметил вдали Лувр.

Легкая дрожь пробежала по его телу.

— Странно, мне кажется, что я испытываю удовольствие, возвращаясь в Париж. Почему это?

На вопрос, который Ноэ задал самому себе, он не мог ответить сразу. Он ехал, не сводя глаз с башен Лувра.

«Право же, я чрезвычайно доволен тем, что вернулся в Париж. Но... почему?»

Это «почему» не выходило у него из головы, пока он не проехал полдороги до Лувра.

Вдруг он ударил себя по лбу.

«Ах, черт возьми! — пробормотал он. — Я, кажется, нашел причину, почему так охотно уехал из Шальо! Генрих рассказал мне как-то вечером, как его прабабушка Маргарита Наваррская написала однажды, что „любовь — страна очарований, когда к ней идешь по дороге, полной препятствий, и становится местом неприятным, если к ней едешь по гладко проложенной дороге“. Я догадался!»

Ноэ прищепил лошадь и продолжал рассуждать:

«Паола чрезвычайно красивая девушка, но она казалась мне гораздо красивее, когда мне приходилось взбираться к ней по шелковой лестнице с риском сломать себе шею или по крайней мере утонуть... С тех пор как я могу видеться с ней, не опасаясь кинжала Ренэ и шпионства Годольфина, она кажется мне менее очаровательной... Как странно!»

Погруженный в эти размышления, Ноэ проехал мимо Лувра и не подумал справиться, не там ли находится его царственный друг, — явное доказательство, что не луврские башни заставили биться сильнее его сердце.

Когда он доехал до того места, где находился невзрачный кабачок беарнца Маликана, сердце его учащенно забилося.

Лошадь его вдруг остановилась.

— Хорошо! — прошептал, улыбаясь, Ноэ. — Кажется, животные умнее людей. Это бывает... Я не знал, куда еду, а лошадь моя знала.

Ноэ сошел с лошади у двери кабачка.

Миетта стояла на пороге.

Биение сердца у Ноэ усилилось, хотя молодой человек и крутил усы с развязным и победоносным видом.

Миетта покраснела так сильно, что ее вишневые губки казались бледными по сравнению с румянцем, залившим ее щеки и лоб.

Она улыбнулась и начала мять свой передник, стараясь скрыть смущение.

— Здравствуй, дитя мое, — сказал Ноэ.

— Здравствуйте, господин Ноэ, — ответила Миетта.

Голос Ноэ немного дрожал; голос Миетты дрожал сильнее.

— Где твой дядя?

— Он вышел, господин Ноэ.

— Куда он пошел?

— На ферму Грант-Бательер, принадлежащую королю.

— А зачем?

Говоря это, Ноэ привязывал повод лошади к железному кольцу у двери кабачка.

— Дядя поехал за лягушками и рыбой, — ответила Миетта, — сегодня здесь будут ужинать швейцарцы.

— К черту, швейцарцев!

— Вот как! — заметила Миетта.

— Ах, извините... — пробормотал молодой человек.

— Как! Господин Ноэ, — сказала молодая девушка, — вам не нравится, что швейцарцы ужинают у нас и тем приносят доход нашему заведению?

— Нет... несколько... но...

Ноэ придумывал, как окончить фразу, и не нашелся.

Он вошел в кабак.

Там никого не было. Сарра, прекрасная ювелирша, што-

пала чулки в верхнем этаже, а Миетта ждала посетителей, которые не являлись.

Ноэ сел.

— Что прикажете подать, сударь? — спросила Миетта, подходя к дубовому прилавку, на котором блестели тщательно вычищенные оловянные кружки.

— Мне не хочется пить.

— А!

Миетта произнесла это таким тоном, в котором ясно слышалось: «Я вижу, зачем вы пришли, но не хочу показать этого».

— Вы хотите поговорить с дядей? — спросила она.

— Нет.

— А!

Второе «А!» было многозначительнее первого.

Она села за конторку, а Ноэ стал любоваться ею. Так прошло несколько минут. Молодой человек смотрел на Миетту, а она сидела, потупив глаза.

«Странно, я чувствую себя робким и глупым, как клерк! — думал Ноэ. — Однако...»

Миетта тоже молчала, но у нее сильно билось сердце.

Наконец Ноэ встал.

Когда Миетта увидела, что он подходит к конторке, она почувствовала, как ее сердце застучало еще чаще.

Подходя к прилавку, Ноэ чувствовал все большую нерешительность и дрожь во всем теле. Однако он подошел и облокотился на конторку.

Миетте хотелось убежать, но какая-то непреодолимая, таинственная сила приковывала ее к месту.

Ноэ посмотрел на Миетту, и она снова опустила глаза.

Вдруг он ощутил в себе смелость и, протянув руку, взял молодую девушку за локоть.

— Что вы делаете, господин Ноэ? — воскликнула она.

— Не знаю, — наивно ответил он.

Она хотела выдернуть руку, но никак не могла.

— Миетта, — с волнением сказал Ноэ, — знаете ли вы, что я люблю вас.

Миетта чуть не вскрикнула и с испугом взглянула на дверь.

Там никого не было... Они были одни!

— Да, — повторил Ноэ, — я люблю вас...

— Ах! — прошептала молодая девушка, которой удалось наконец высвободить свою руку, и, употребив необыкновенное усилие, ответить: — Ах, вы дурно поступаете, говоря мне это, господин Ноэ... я бедная девушка... и...

Она не закончила своих слов, до того была взволнованна...

Ноэ хотел было опуститься перед ней на колени, но за дверью послышался звук шагов.

— Сударь! Сударь!.. — умоляла Миетта.

Ноэ, у которого голова кружилась от его смелой выходки, весь дрожа, сел на стул, а Миетта наклонилась, точно ища что-то упавшее на пол...

На пороге появился человек — и послышался насмешливый голос.

Это Генрих вернулся из Лувра.

— Ах, черт возьми! — проговорил он. — Бьюсь об заклад, что я помешал вашей беседе наедине, дети мои... но я ваш друг... не бойтесь ничего!

Лицо Генриха сияло от радости: по всей вероятности, он имел успех в Лувре.

XIII

В то время как Ноэ ехал в Париж, Паола стояла у окна и смотрела, как он удалялся. Глаза молодой девушки были полны слез: смутное ли предчувствие мучило ее или любовь ее достигла такой степени, что она пугалась даже самой кратковременной разлуки, но ей казалось, что она теряет любимого человека навсегда.

Она не спала всю ночь, с нетерпением ожидая, когда вернется Ноэ.

Ноэ обещал приехать к завтраку.

Но час завтрака миновал, прошло еще несколько часов и, наконец, весь день.

Паола вообразила, что отец ее встретил Ноэ, узнал как-нибудь, что это именно он похитил ее, и заколол кинжалом ее возлюбленного.

Эта странная мысль неотступно преследовала ее и с наступлением ночи так овладела молодой девушкой, что ужас объял ее.

Годольфин, безмолвный, бледный, с завистью смотрел, как она плакала.

Паола составляла множество различных планов и тотчас же отказывалась от них.

Сначала она хотела ехать в Париж и искать Ноэ в Лувре и в гостинице на улице Святого Иакова.

Потом она вздумала послать Годольфина. Но она не доверяла молодому человеку, так как знала, что он ненавидит своего соперника. То она хотела ехать, то без сил падала на стул и рыдала.

Прошла еще ночь, настал день, а Ноэ все не являлся. Паоле казалось, что она умирает...

Вдруг у нее явилось странное вдохновение, и она позвала Годольфина.

Годольфии, не осмеливавшийся заговорить с ней и желавший даже, чтобы Ноэ вернулся, тотчас явился на ее зов.

Флорентинка несколько минут молча смотрела на него как бы в нерешительности, и наконец сказала:

— Когда мой отец хотел узнать что-нибудь от тебя, что он делал?

— Он усыплял меня, — машинально ответил Годольфин.

— Каким образом?

— Он пристально смотрел на меня.

— Так как мне надо кое-что узнать, я буду пристально смотреть на тебя, и ты должен заснуть, потому что я этого хочу.

Флорентинка сказала эти слова с лихорадочной энергией, а глаза ее так горели, что Годольфин задрожал и воскликнул:

— Ах, не смотрите так на меня... У вас глаза вашего отца.

— Спи!.. — продолжала Паола.

Она схватила Годольфина за руку и грубо толкнула его к стулу, на который он сел.

— Спи! — повторила она. — Спи! Я так хочу.

Годольфин любил Паолу. Слабый и покорный молодой человек подчинился повелительному взгляду и воле молодой девушки.

Одну минуту он сопротивлялся ей, потому что Паола хотела усыпить его, чтобы узнать, где его соперник, но ее воля одержала верх.

Паола положила ему руку на лоб, другой рукой сжала его руку и не сводила с него сверкающих глаз.

Годольфин чувствовал, как он мало-помалу поддается

ее взгляду и воля его исчезает, голова его, на которой лежала рука Паолы, незаметно откинулась назад.

Сначала он опускал глаза, чтобы не видеть сверкавшего взора молодой девушки, но потом веки его отяжелели и закрылись... Годольфин заснул.

Паола сначала испугалась магической власти, которой она была одарена, но желание узнать, где находится Ноэ, взяло верх над ее ужасом.

— Говори! — приказала она Годольфину.

Сомнамбула молчал с минуту. Он боролся с одолевавшим его сном и вертелся на стуле.

— Говори! — повторила молодая девушка повелительным тоном.

— Что вы хотите узнать? — спросил слабым, прерывистым голосом Годольфин, точно он выпил слишком много вина.

— Я хочу знать, где он.

— Кто?

— Тот, кого я люблю... Ноэ!

Это имя произвело тяжелое впечатление на юношу: лицо его приняло свирепое выражение.

— Я не знаю, — сказал он насмешливо и с раздражением.

— Я хочу, чтобы ты узнал! — приказала дочь парфюмера.

Сомнамбула поднес обе руки ко лбу и, казалось, размышлял, побежденный волей Паолы.

Мускулы на его лице несколько раз вздрогнули, и лицо его выражало попеременно гнев, презрение и ненависть.

Вдруг губы его полуоткрылись и сложились в улыбку.

Улыбка его была печальной и насмешливой и обнаруживала его жестокую радость.

— Я вижу его. —
— А! — воскликнула
— Да.
— Где он?
— В Париже.
— Что он, ранен...
— О, нет...
Она вскрикнула от
— Значит, он в пл
— Нет, он свобод
— Отчего он не п
Годольфин улыба
— Отчего же он
ла дочь Ренэ.
Годольфин опять
— Потому что о
Ответ Годольфи
как острие кинжала
— Ты лжешь!
— Нет, я не л
— Что же случ
забыть меня! — в
— Он любит
Годольфин ус
— Он любит
Паола дико во
прислонилась к ст
— Я вижу ег
жит ее руку... Он
Бессилие мол
Она выхвати

— Я вижу его, — сказал он наконец.

— А! — воскликнула Паола. — Ты видишь его?

— Да.

— Где он?

— В Париже.

— Что он, ранен... умер, может быть! — прошептала в ужасе Паола, испуганная злой улыбкой Годольфина.

— О, нет...

Она вскрикнула от радости.

— Значит, он в плену?

— Нет, он свободен...

— Отчего он не приходит в таком случае?

Годольфин улыбнулся.

— Отчего же он не приходит? — настойчиво повторила дочь Ренэ.

Годольфин опять улыбнулся.

— Потому что он забыл о вас, — грубо ответил он.

Ответ Годольфина поразил Паолу до глубины сердца, как острие кинжала. Итальянка побледнела.

— Ты лжешь! — крикнула она.

— Нет, я не лгу...

— Что же случилось с ним и какое дело заставило его забыть меня! — вскричала пылкая молодая девушка.

— Он любит другую.

Годольфин усмехнулся и повторил:

— Он любит другую, а не вас!

Паола дико вскрикнула, отступила на шаг и в бессилии прислонилась к стене.

— Я вижу его... он стоит около нее... на коленях... держит ее руку... Она прекрасна и любит его...

Бессилие молодой девушки сменилось припадком гнева.

Она выхватила маленький кинжал из золотых ножен,

который носила за поясом, и подняла его над Годольфином.

— Негодяй! — крикнула она. — Ты лжешь!.. Я убью тебя...

Годольфин, который не видел кинжал, но, вероятно, слышал угрозу, однако не испугался, а спокойно продолжал:

— У нее черные волосы, красные губки, а лицо белое, как молоко. Он обожает ее...

Годольфин говорил с таким убеждением, что рука Паолы упала, не нанеся удара.

— Ну так проводи меня туда, где он, и я клянусь тебе, что, если он обманул меня, если я найду его у ног моей соперницы...

— Вы разлюбите его, не так ли? — усмехнулся Годольфин.

— Я возненавижу его, и моя месть будет ужасна, — глухим голосом прошептала молодая девушка.

— Он в том самом доме, где я был заперт.

— А!.. А где этот дом?

— Недалеко от Лувра.

— Можешь ты проводить меня туда?

— Нет.

— Отчего?

— Оттого что я сплю... да вы и не застанете его там... он в большой зале, где горит огонь, хотя теперь день... Я вижу то, что случится вечером... вот и все...

— Какая это зала?

— Это кабак.

Паола, бледная и дрожащая от гнева, потеряв голову, слушала слова Годольфина и чувствовала, как в груди ее закипают ненависть и ревность.

Недаром Паола была дочерью Ренэ-флорентинца, она

умела любить и ненавидеть, она сумела бы и отомстить за себя...

Услышав откровения Годольфина, она не хотела расспрашивать его дальше, но решила заставить Ноэ у ног своей соперницы.

Как люди, которые умеют сильно любить и ненавидеть, Паола обладала терпением и умела ждать.

Она провела рукой по лбу Годольфина, чтобы разбудить его от тяжелого магнетического сна.

Годольфин вздохнул, завертелся на стуле и открыл глаза.

Он бессмысленно осмотрелся вокруг, как только что проснувшийся человек, и увидел Паолу, слышавшую от отца, что Годольфин забывает то, что он видел в магнетическом сне.

— Что я вам сказал такого страшного? — наивно спросил он. — Вы бледны, как мертвец.

Паола сделала сверхъестественное усилие, чтобы не выдать своего гнева, и спокойно, почти улыбаясь, ответила.

— Ты советовал мне совершить поездку.

— О, Боже! — с ужасом воскликнул Годольфин. — Вы хотите уехать?

— Конечно.

— И... оставить меня?..

— Нет, ты поедешь со мной.

— О, в таком случае уедем! Я последую за вами на край света. Куда мы поедем?

— Я скажу тебе это позже. Здесь тебя считают моим братом, ты должен продолжать играть эту роль до вечера. Но днем ты постарайся ускользнуть из дома, чтобы нанять лошадей.

— Хорошо, а куда привести их?

— Ты устроишь так, чтобы вечером они ждали нас у дверей дома. Вот деньги, возьми!

Паола дала Годольфину кошелек.

Годольфин спустился в сад, Гильома Верконсена не было дома, а его тетка не знала, что Годольфин жил в доме отчасти как пленник и она должна наблюдать за ним, и потому не обратила внимания на то, что он вышел. Спустя час Годольфин вернулся.

— Лошади будут ждать нас в восемь часов вечера.

Прошел день, а Ноэ не приехал, наступил вечер, потом ночь.

— Если Годольфин обманул меня, я убью его, — размышляла Паола. — Если же он сказал правду и Ноэ изменил мне, то я отправлюсь к отцу и попрошу его отомстить за меня!..

Она завернулась в длинный плащ, надела маску и вышла из дома тетушки Верконсен, жаждающая мщения и сжимая в руке кинжал.

Годольфин ждал ее на улице, держа за поводья лошадей.

— Куда мы едем? — спросил он, преклонив колено, чтобы молодой девушке было удобней вскочить на седло.

— В Париж, в кабачок близ Лувра.

— А!

— Там, ты сказал, я увижу его у ног моей соперницы...

Паола вскочила на седло и пустила лошадь галопом.

— Месть должна быть быстра, как молния! — шептала она в то время, как из-под копыт ее лошади летели искры.

XIV

Между тем как Паола, горя жаждой мщения и мучимая ревностью, уезжала из Шальо, вдоль правого берега Сены ехал всадник, направляясь к Лувру.

Лошадь его, немецкой породы, была очень сильная, на нем был накинут длинный плащ, высокий воротник которого скрывал до половины его лицо, а на голове была надета шляпа без пера. По одежде его можно было принять за одного из тех мелких дворян, которые поступают в услужение к знатым вельможам.

Так как уже наступила ночь, а берег реки был пустынен, то всадник, доехав до моста Меньял, остановился в нерешительности.

Переехать Сену или направиться в Сите? Или, быть может, ехать прямо в Лувр?

После нескольких минут колебания он решил переехать мост Меньял.

Посреди моста горел фонарь. В ту минуту, когда всадник въехал в круг света, который бросал фонарь, с противоположной стороны подошел пешеход.

Всадник, тщательно скрывавший свое лицо плащом, когда проезжал Бурдельские ворота, от швейцарцев, стоявших там на часах, теперь — так как была ночь и место уединенное — спустил немного плащ. Шляпа его, раньше надвинутая на самые глаза, несколько откинулась на затылок.

Лицо его в то время, когда он проезжал под фонарем, было открыто, и пешеход, по всей вероятности, узнал его, потому что не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления.

Всадник остановился, пораженный.

В эту минуту пешеход схватил лошадь за узду и сказал:

— Добрый вечер, ваша светлость!

Всадник взглянул на пешехода.

— Ренэ! — пробормотал он и инстинктивно протянул руку к седлу, чтобы вытащить пистолет и размозжить голову флорентинцу.

Но парфюмер имел такой печальный и смиренный вид, что всадник оставил оружие в покое и расхохотался.

— А! Ты, стало быть, в немилости, чертов слуга?

— Да, ваша светлость...

— В таком случае, дай мне приют.

— С охотой, ваша светлость.

— Ты принадлежишь к породе изменников, я знаю, но у меня есть способ предупредить измену, поворачивай назад и проводи меня в свою лавку на мосту Святого Михаила.

— Пожалуйста, ваша светлость.

Ренэ пошел впереди всадника.

— Предупреждаю тебя, — сказал последний, — если ты не пойдешь прямо, а будешь поворачивать голову, то я всажу тебе пулю между плеч. Ты теперь вроде моего пленника.

Ренэ быстрыми шагами пошел вперед.

Через несколько минут всадник и пешеход добрались до моста Святого Михаила.

— Отопри лавку, — приказал всадник.

Ренэ повиновался, проговорив:

— Войдите, ваша светлость.

Всадник сошел с лошади, привязал ее к железному кольцу и вошел вслед за флорентинцем в его жилище, подав ему знак запереть дверь.

Ренэ зажег свечу и проводил гостя в комнату за лавкой, которую раньше занимала Паола.

Он пододвинул ему кресло и почтительно стоял перед ним с непокрытой головой.

Гость, одетый с такой простотой, что его легко было принять за человека скромного происхождения, но которого Ренэ величал вашей светлостью, уселся без церемонии.

— Ренэ, — сказал он парфюмеру, — тебя я желал менее чем кого-либо встретить, потому что ты злой гений королевы-матери, а королева Екатерина способна приказать заколоть меня, если бы она знала, что я в Париже.

— Не бойтесь, ваша светлость, она не узнает об этом.

Флорентинец, быть может, в первый раз в жизни был искренен. Удрученный тем, что впал в немилость, он сделался услужлив.

Путешественник продолжал:

— Ты очень любишь принца Наваррского, Ренэ?

— Нет, ваша светлость.

— Ты ненавидишь его?

— Я не знаю его, я его никогда не видел, но ненавижу его инстинктивно.

— За что?

— За то, что он беарнец, а я ненавижу всех беарнцев.

Говоря это, Ренэ тщательно запер дверь лавки и положил ключ в карман.

— А что тебе сделали беарнцы?

— Ах, ваша светлость, они сделали мне много зла, клянусь вам.

— А еще?

— Благодаря им я впал в немилость...

— Королевы-матери?

— И мне нашелся заместитель.

— Кто?

— Некий сир Коарасс... который гадает по звездам... как и я... даже лучше меня, ваша светлость.

Путешественник громко рассмеялся.

— Неужели королева-мать нашла лучшего астролога, чем ты, мой бедный Ренэ!

— Да, ваша светлость.

— И ты в немилости?

— Полной.

— Черт возьми!

— Меня даже чуть не колесовали, — прибавил флорентинец.

Путешественник с изумлением посмотрел на него.

Ренэ, на которого нашло желание пооткровенничать, не скрыл ничего от своего гостя. Он рассказал ему о событии на улице Урс, о гневе короля и об усилиях королевы-матери спасти его.

Путешественник слушал внимательно.

Когда Ренэ закончил рассказ, незнакомец сказал:

— Правду ли ты мне сказал?

— Клянусь честью.

— Хорошо. Но поклянись иначе.

— Клянусь своей головой.

— Так будет лучше. Рассказ о твоих злоключениях изменяет мои намерения относительно тебя.

— Гм!

— Я советую тебе считать себя счастливым, что тебя чуть не колесовали и что ты в немилости у королевы.

— Почему это, ваша светлость?

Путешественник положил одну ногу на другую, погладил свою черную бороду, подстриженную клином по моде того времени, и сказал:

— Потому что это избавляет тебя от большой опасности.

И без того вытар
ширились.
— Потому что
правой рукой за ру
тебя, что я имел на
сердце вот это оруж
Ренэ слегка поб
— Ты принадл
рых убивают без з
на своем пути.
— Благодарю,
нувшись, пробормо
— Но твоя
мать.

— Это больш
без сомнения, сжа

— Нисколько
мне полезен.

— Я готов с

— Раз ты по

не для чего оказ

— Конечно,

— Ну так т

— У вас, ва

— Я делаю

ком по любовн

— Хорош

лость приехал

деть...

Ренэ подм

— Да, ть

— Что я

И без того вытаращенные глаза Ренэ еще больше расширились.

— Потому что, — продолжал незнакомец, взявшись правой рукой за рукоятку своего кинжала, — я не скрою от тебя, что я имел намерение, приехав сюда, вонзить тебе в сердце вот это оружие.

Ренэ слегка побледнел.

— Ты принадлежишь к породе хищных зверей, которых убивают без зазрения совести, когда встречаются их на своем пути.

— Благодарю, ваша светлость, — иронически усмехнувшись, пробормотал Ренэ.

— Но твоя немилость заставила меня призадуматься.

— Это большое счастье для меня, и ваша светлость, без сомнения, сжалятся надо мной...

— Нисколько. Я только подумал, что ты можешь быть мне полезен.

— Я готов служить вам.

— Раз ты поссорился с королевой Екатериной, то тебе не для чего оказывать ей услуги.

— Конечно, ваша светлость.

— Ну так ты будешь на службе у меня.

— У вас, ваша светлость!

— Я делаю тебя своим поверенным, своим посланником по любовным делам...

— Хорошо, — сказал Ренэ, — я угадаю... Ваша светлость приехали в Париж с единственной целью... увидеть...

Ренэ подмигнул.

— Да, ты понял, — подтвердил гость.

— Что я должен делать?

— Пойти в Лувр.

Ренэ почувствовал себя неловко.

— Королева прогнала меня.

— Я посылаю тебя не к ней.

— Положим, но меня могут встретить.

— Не беда!

— Швейцарцы прогонят меня.

— Они не осмелятся, мне кажется.

Ренэ вздохнул.

— Ах! Ваша светлость, сейчас видно, что вы приехали из Нанси!

— Да, я приехал оттуда.

— И что вы еще не были в Лувре. Королева прогнала меня, король хотел колесовать, герцог Крильон грозил побить меня хлыстом, а швейцарцы смеются мне в лицо. Я человек разоренный и погибший.

Ренэ рассказывал о своих несчастиях таким жалобным голосом, что путешественник смеялся от души.

— Однако, мой бедный Ренэ, — сказал он, — ты должен пойти в Лувр... и добраться до нее... ты должен сообщить ей, что я здесь...

— Я пойду, ваша светлость, я преодолею все препятствия...

Ренэ решительно встал.

— Если тебе не удастся дойти до нее, постарайся увидеть по крайней мере Нанси: ты скажешь ей, что я рискую своей жизнью, явившись в Париж, и что я способен надевать всяких глупостей, чтобы не дать Маргарите выйти замуж за принца Наваррского.

— Это будет довольно трудно, ваша светлость, королева-мать...

— О, я переверну весь мир, если это потребуется.

— Скажите наконец
ся Ренэ.
— Пойти в Лувр.
— Хорошо.
— Увидеть Нанс
— Я увижу обе
— И сказать Ма
сегодня же вечером.
— Ваша светлос
ют там, то вас, наве
Путешественни
— В таком слу
— Черт возм
она!
Это восклицани
беседника флорент
— Ты думаеш
была меня?
— О, я не ск
Путешествен
— Но украд
сты и явиться ск
— В таком
— Принцес
ся преодолеть
опасности. Вы
час приведу ее
Ренэ, толь
теперь смело,
на минуту на
— Ты то
— Да, в

— Скажите наконец, что же я должен сделать? — спросил Ренэ.

— Пойти в Лувр.

— Хорошо.

— Увидеть Нанси, если не увидишь Маргариту.

— Я увижу обеих.

— И сказать Маргарите, что она должна принять меня сегодня же вечером...

— Ваша светлость, если вы явитесь в Лувр и вас узнают там, то вас, наверное, убьют.

Путешественник задумался.

— В таком случае пусть она придет сюда.

— Черт возьми! — воскликнул Ренэ. — Захочет ли она!

Это восклицание произвело странное впечатление на собеседника флорентинца: он побледнел.

— Ты думаешь, — воскликнул он, — что она разлюбила меня?

— О, я не сказал этого...

Путешественник вздохнул.

— Но украдкой выйти из Лувра в этот час, пройти мосты и явиться сюда... вы понимаете, ваша светлость...

— В таком случае я пойду в Лувр сам...

— Принцесса Маргарита такая женщина, что согласится преодолеть все препятствия, чтобы не подвергнуть вас опасности. Вы подождете меня здесь, а я менее чем через час приведу ее сюда.

Ренэ, только что дрожавший и нерешительный, говорил теперь смело, казалось, он был уверен в успехе, и его гость на минуту нахмурил брови.

— Ты только что так боялся идти в Лувр.

— Да, ваша светлость. Но я нашел способ.

— Какой?

— Это моя тайна, — подмигнул Ренэ.

Он взял свою шпагу и плащ и, прихрамывая, направился к двери, сказав путешественнику:

— Вот книги об охоте, ваша светлость; читая их, вы можете терпеливо ждать, пока я вернусь с ней.

Незнакомец сделал одобрителный жест. Ренэ отпер дверь без шума и оставил своего гостя одного в лавке.

Несмотря на то, что его нога причиняла ему нестерпимую боль, он быстро пошел к Лувру, рассуждая следующим образом:

«Королева рассердилась на меня, но в глубине души сохранила расположение ко мне и, без сомнения, при первой же оказанной ей с моей стороны услуге вернет мне свою дружбу. Кажется, такой случай представился теперь.

Герцог Генрих Гиз попался мне в руки как раз в ту минуту, когда я искал предлога, чтобы явиться в Лувр. Герцог должен был украдкой уехать из Парижа, чтобы избежать кинжала убийц, нанятых королевой-матерью, но он любит принцессу Маргариту и, по всей вероятности, все еще любим ею, а потому, приехав в Париж, во что бы то ни стало хочет увидеть невесту принца Наваррского. Я расскажу о герцоге Гизе королеве-матери и таким образом помирюсь с ней».

Ренэ шел в Лувр с твердым намерением совершить эту новую измену и даже дошел до небольшой площади, бывшей по соседству с Лувром, на которой находился кабак Маликана, как неожиданное происшествие заставило его изменить свой план.

В то время как Ренэ двигался в темноте, руководимый только отдаленным фонарем, горевшим у караульни швейцарцев, и шумом Сены, катившей свои черные волны, он

услышала вдруг подавляющий
этот проник ему в самое
узнал голос, и он бросил
дался.

В ту же самую минуту
кабачка Маликана, из к

Ренэ остановился к
мужчин, обрисовавших
двери.

Чей-то голос сказа

— Ночь темная...

мещанку. Не будем в

Светлое пятно исче

снова затворилась.

Ренэ направился к
увидел впотьмах две т
другой. Двигавшаяся т
равшийся привести в
щину.

Ренэ подошел бл

— Кто вы и что

— Ренэ!

— Годольфин!

Флорентинец

су, голос Ренэ был
лежавшую без чув

— Отец! — пр

Ренэ в неизъяс

ола сказала ему:

— Сначала п

за меня.

услышал вдруг подавленный крик... крик женщины... Крик этот проник ему в самое сердце, ему показалось, что он узнал голос, и он бросился к тому месту, откуда крик раздался.

В ту же самую минуту блеснул свет. Это отворилась дверь кабачка Маликана, из которой хлынул поток света.

Ренэ остановился как вкопанный и увидел силуэты двух мужчин, обрисовавшиеся на светлом фоне отворившейся двери.

Чей-то голос сказал:

— Ночь темная... Вероятно, вор грабит какую-нибудь мешчанку. Не будем вмешиваться в эти дела, друг мой Ноэ.

Светлое пятно исчезло вместе с двумя силуэтами, и дверь снова затворилась.

Ренэ направился к тому месту, откуда раздался крик, и увидел впотьмах две тени, из которых одна наклонилась над другой. Двигавшаяся тень — это был молодой человек, старавшийся привести в чувство лежавшую в обмороке женщину.

Ренэ подошел ближе.

— Кто вы и что здесь делаете? — спросил он.

— Ренэ!

— Годольфин!

Флорентинец и сомнамбула узнали друг друга по голосу, голос Ренэ был так громок, что привел в себя женщину, лежавшую без чувств.

— Отец! — прошептала Паола.

Ренэ в неизъяснимом волнении обнял свою дочь, а Паола сказала ему:

— Сначала простите меня, отец, а потом отомстите за меня.

XV

В то время как Ренэ, идя в Лувр, нашел свою дочь, Генрих Гиз дожидался его возвращения в лавке на мосту Святого Михаила.

Принц все еще был влюблен в принцессу Маргариту, и ее молчание на его письмо, отправленное с курьером, не уменьшило его любовь, а, наоборот, разожгло ее.

Как известно, посланник герцога Гиза остановился у Маликана, а письмо, вместо того чтобы быть переданным Маргарите, попало в руки Генриха Наваррского.

Герцог, как только его курьер вернулся в Нанси, тотчас же отправился в Париж, он ехал день и ночь, и, приехав в Париж, чувствовал страшное нетерпение человека, который боится, что его забыли и заменили другим.

Сидя в кресле, которое ему пододвинул Ренэ, герцог терпеливо рассчитывал, сколько нужно времени для того, чтобы дойти до Лувра и вернуться обратно.

Когда прошел этот срок и на улице все было по-прежнему тихо, он встал и начал ходить взад и вперед, потом подошел к двери и попробовал отворить ее.

Но Ренэ, уходя, запер дверь. Тогда в голове герцога мелькнуло подозрение.

«Негодяй способен запереть меня, — подумал он, — для того, чтобы дать возможность гайдукам Екатерины захватить меня».

Подозрение его все усиливалось.

Герцог вспомнил все измены Ренэ и признался себе, что он был безумцем, вообразив, что Ренэ может служить ему.

«Черт возьми, — рассуждал он, — проклятый флорентинец нарасказывал мне вздора: он по-прежнему в милос-

ти и только обманывает меня. Пока я с чисто мещанской наивностью жду его здесь, он отправился к королеве и, может быть не пройдет и четверти часа, как меня схватят и убьют в этом капкане...»

Хотя у герцога были при себе шпага и кинжал, но пару заряженных пистолетов он оставил в седле.

Его светлость герцог Гиз прекрасно знал, как высоко ставили его храбрость придворные, и после возникшего у него подозрения относительно Ренэ он решил, что убийцы его явятся в значительном числе и вооружатся ружьями, бьющими наверняка, а не кинжалами, которые могут притупиться о лезвие его шпаги.

Герцог сожалел об оставленных им пистолетах, он был человеком знатного происхождения и потому держался того мнения, что дворянин может вступить в драку с простолюдинами только в случае крайней необходимости, и серьезно подумывал, как бы ему избежать такой встречи.

«Уйти от наемных убийц, не значит бежать», — рассуждал он.

Герцог осмотрел дверь и замок.

Замок, как читатель помнит, был замечательной миланской работы, и нечего было и думать сломать его или отпереть отмычкой.

Дверь была массивная, дубовая, окованная железом и не подалась под напором герцога.

Генрих Гиз перешел к окну, выходившему на реку, в которое не раз влезал Ноэ.

Генриху пришла в голову та же мысль, что и Ноэ, и он начал искать веревку.

Герцог вскоре нашел нечто получше веревки, а именно шелковую лестницу друга принца Наваррского.

«Честное слово! — сказал он про себя. — Я предпочитаю

таю принять холодную ванну, чем дать застрелить себя из ружья.»

Он крепко привязал лестницу к окну, спрятал шпагу под плащ и спустился к реке, потом храбро бросился в воду и вплавь достиг левого берега реки.

Промокший насквозь и дрожа от холода, но довольный своим решением, он вернулся на мост Святого Михаила.

Его лошадь по-прежнему стояла там, привязанная к железному кольцу.

Герцог вскочил в седло и доехал до площади Мобер, на которой находилась гостиница, где останавливались небогатые дворяне.

Платье герцога вполне соответствовало званию человека, за которого он выдавал себя: на нем был серый кафтан из грубого сукна, серая же шляпа без пера, ботфорты и шпоры без всякого украшения.

Гостиница была под вывеской «Чалая лошадь», хозяина гостиницы звали Жан Мальтравер, и он был известен как ярый католик.

Мальтравер не говорил о гугенотах иначе как ругая их.

Герцог позвал слуг, бросил им поводья лошади и слез.

Мальтравер подбежал, поздоровался с ним не особенно вежливо, как того заслуживает просто одетый дворянин, и ввел его в кухню. Кухня в то время, как и теперь, была первой комнатой, приемной, в каждой гостинице. Герцог увидел большой кусок мяса, жарившийся на вертеле, а в двух шагах от очага был накрыт белоснежной скатертью стол.

Холодная ли ванна охладила его любовный пыл, или он повиновался голосу благоразумия, советовавшему ему отправиться в Лувр позднее, но только он присел к столу и спросил себе ужин, предварительно переодевшись.

Хозяин, несмотря на негостю, не ошибся насчет ника.

Он подошел к нему и сказал никто из находившихся.

— Я, может быть, по

— Может быть... — т

Есть у тебя под рукой сме

— У меня есть сын

как обезьяна, он готовится

пока поет в хоре церкви с

— Отлично, — сказ

такой молодец. Где он?

— В конюшне, он п

лошади.

— Позови его.

Хозяин гостиницы

появился юноша.

Это был действител

можные штуки.

Герцог сразу оцени

ванную в клочья одеж

клонился.

Он взял его за ух

— Ты пойдешь н

чик, к лавке мессира

— О! Я знаю ее,

как я прохожу мимо,

— Зачем?

— Потому что го

то, что я обозвал его о

о том, что его колесу

Хозяин, несмотря на нелюбезный прием, оказанный им гостю, не ошибся насчет настоящего звания путешественника.

Он подошел к нему и тихонько шепнул, чтобы не слышал никто из находившихся в зале:

— Я, может быть, понадоблюсь вашей светлости?

— Может быть... — таким же тоном ответил принц. — Есть у тебя под рукой смелый и смысленый человек?

— У меня есть сын пятнадцати лет, ловкий и хитрый как обезьяна, он готовится сделаться клерком в Сорбонне, а пока поет в хоре церкви святой Женевьевы.

— Отлично, — сказал герцог, — мне нужен как раз такой молодец. Где он?

— В конюшне, он пошел распорядиться насчет вашей лошади.

— Позови его.

Хозяин гостиницы вышел из кухни, а немного спустя появился юноша.

Это был действительно негодяй, способный на всевозможные штуки.

Герцог сразу оценил его по достоинству, увидав его изорванную в клочья одежду и небрежность, с которой он поклонился.

Он взял его за ухо и сказал:

— Ты пойдешь на мост Святого Михаила, мой мальчик, к лавке мессира Ренэ-флорентинца.

— О! Я знаю ее, — сказал мальчуган. — Каждый раз, как я прохожу мимо, я бросаю камень в окно.

— Зачем?

— Потому что господин Ренэ отодрал меня однажды за то, что я обозвал его отравителем. Когда распространился слух о том, что его колесуют живым, я был очень доволен.

Герцог вздрогнул: Ренэ, значит, не солгал, он действительно впал в немилость после того, как его чуть было не колесовали.

— А что я должен делать на мосту Святого Михаила? — спросил сын кабатчика Мальтравера.

— Ты должен наблюдать, что там произойдет.

— А если там не случится ничего необыкновенного?

— Тогда ты вернешься назад.

— Какое странное поручение вы дали мне, сударь!

— Ну так я тебе дам еще другое, — продолжал герцог, которому лицо Гаргиля — так звали мальчика — внушало полное доверие.

— Посмотрим!

— Был ты когда-нибудь в Лувре?

— О, очень часто!..

— Знаешь ты кого-нибудь из служащих при дворе?

— Я знаю Рауля, красивого пажу, щедрого, как король. Рауль часто приходит сюда вместе с другими служащими при дворе, а иногда я отношу ему кагор, который он пьет у себя в комнате в те дни, когда бывает дежурным у короля.

— Значит, ты знаешь, где находится комната Рауля?

— Еще бы!

— Можешь ты проводить меня туда?

— Конечно, даже с завязанными глазами.

Герцогу пришла в голову странная мысль:

— Проводи меня сначала в мою комнату, — сказал он, отодвигая пустую тарелку и допивая последний стакан вина.

— Пожалуйста, — сказал мальчик, взяв с камина медный подсвечник и идя впереди герцога.

Когда герцог и Гаргиль остались одни в комнате, ответной принцу Лотарингскому, последний сказал:

— В чем ты относишь
— В корзинке, я отношу
бутылок.

— Так что, если бы те
бутылок, то ты взял бы де
— Конечно.

— Ну так ты снесешь
корзинах.

— Благодарю покорно

— Одну из них поне

— Вы! — воскликну

— Да, ты дашь мне

тирного слуги, — приба

шпагу, кафтан и сапоги с

Это переодевание по

— Подождите мину

то, что нам нужно.

Он побежал в сосед

тирного конюха.

Принц быстро пер

невозможно было узн

мосту Святого Михаи

лем. На мосту никог

заперта и погружена

«Негодяй в Лувр

ролеве Екатерине та

узнать меня в этой о

впутается в это дело

Было уже дово

мый трактирный

Лувра.

Часовой-швейц

— В чем ты относишь вино пажу Раулю?

— В корзинке, я отношу к нему каждый раз по шесть бутылок.

— Так что, если бы тебе пришлось отнести ему дюжину бутылок, то ты взял бы две корзинки?

— Конечно.

— Ну так ты снесешь ему двенадцать бутылок в двух корзинах.

— Благодарю покорно: это слишком тяжело.

— Одну из них понесу я.

— Вы! — воскликнул изумленный Гаргиль.

— Да, ты дашь мне куртку и шерстяной колпак трактирного слуги, — прибавил принц Лотарингский, снимая шпагу, кафтан и сапоги со шпорами.

Это переодевание понравилось озорному мальчишке.

— Подождите минутку, — сказал он, — у меня есть то, что нам нужно.

Он побежал в соседнюю комнату и принес платье трактирного конюха.

Принц быстро переоделся и через несколько минут его невозможно было узнать. Четверть часа спустя он шел по мосту Святого Михаила с корзиной в руке рядом с Гаргилем. На мосту никого не было, а лавка Ренэ все еще была заперта и погружена во мрак.

«Негодяй в Лувре, — думал герцог, — и продает королеве Екатерине тайну моего пребывания в Париже. Но узнать меня в этой одежде можно, только если сам дьявол впутается в это дело!»

Было уже довольно поздно, когда Гаргиль и мнимый трактирный конюх подошли к главным воротам Лувра.

Часовой-швейцарец не сразу пропустил их.

Но Гаргиль ответил очень дерзко, назвал имя Рауля, пажа короля, — и их впустили.

Миновав караул, герцог вздохнул свободно. Он шел за Гаргилем по лестницам и коридорам до второго этажа, в котором жили пажи и камеристки.

Гаргиль постучал в дверь Рауля.

Рауль, дежуривший накануне, лег рано и крепко спал, не раздеваясь.

— Господин Рауль, — раздался знакомый голос молодого трактирщика, — это я, Гаргиль... Отоприте, пожалуйста, у меня есть к вам поручение...

Рауль вскочил с постели с ругательствами, отпер дверь и крайне удивился, увидев, что Гаргиль не один.

Гаргиль вошел, за ним следом проскользнул в комнату герцог и быстро запер за собой дверь.

— Я привел к вам дворянина, который желает поговорить с вами, — шепнул мальчик.

— Дворянина? — воскликнул изумленный Рауль, рассматривая при свете свечи, стоявшей на столике, вошедшего человека.

К счастью герцог снял шерстяной колпак, который был надвинут на самые глаза, и Рауль чуть не вскрикнул от удивления.

— Ваша светлость!

— Тс! — остановил его герцог. — Ты можешь идти, — продолжал он, обращаясь к мальчугану. — Рауль окажет мне гостеприимство на эту ночь.

Он положил три пистоля в руку подростка, который немедленно ушел.

Рауль, крайне удивленный тем, что видит у себя герцога Гиза, не мог произнести ни одного слова.

— Милый мой Рауль, — сказал герцог, садясь в

кресло, — ты дворянин
меня.

— Ах, ваша светлость!

— Притом ты люб...

Рауль покраснел.

— А Нанси телом

рите.

— Я это знаю.

— Я люблю принц...

— Да, ваша светл...

— А принцесса М...

Рауль промолчал

тверждение своих сл...

— Ну так я вв...

Гиз... — чтобы добр...

— Но, ваша све...

— Поди, позов...

Имя Нанси ус...

выйти из затруднит...

«Нанси лучше

его светлости».

И он помчалс...

его в своей комнат...

если кто-то посту...

Хорошенькая

дала в отверстие,

По всей вер...

странное, потом

выражало ужас

— Ах, бедн...

Без сомнен...

опасность.

кресло, — ты дворянин, а потому не способен выдать меня.

— Ах, ваша светлость...

— Притом ты любишь Нанси?

Рауль покраснел.

— А Нанси телом и душой предана принцессе Маргарите.

— Я это знаю.

— Я люблю принцессу Маргариту, как тебе известно.

— Да, ваша светлость.

— А принцесса Маргарита любит меня...

Рауль промолчал, и герцог принял его молчание за подтверждение своих слов.

— Ну так я вверяюсь тебе, — продолжал Генрих Гиз... — чтобы добраться до нее...

— Но, ваша светлость...

— Поди, позови Нанси.

Имя Нанси успокоило немного Рауля и помогло ему выйти из затруднительного положения.

«Нанси лучше меня, — думал он, — объяснит многое его светлости».

И он помчался исполнять поручение герцога, оставив его в своей комнате и попросив не отпирать двери в случае, если кто-то постучится.

Хорошенькая камеристка была у себя в комнате и наблюдала в отверстие, что происходит у королевы Екатерины.

По всей вероятности, там совершалось что-нибудь странное, потому что Нанси была очень бледна и лицо ее выражало ужас.

— Ах, бедный сир Коарасс! — шептала она.

Без сомнения, принцу Наваррскому грозила большая опасность.

XVI

Чтобы понять ужас Нанси и ту опасность, которая грозила Генриху Наваррскому, надо перенестись к той минуте, когда Паола в сопровождении Годольфина уехала вечером из Шальо.

Годольфин ненавидел Ноэ не только за то, что беарнец был любим Паолой, но еще более за то, что тот был красив, силен, знатного происхождения, между тем как он сам был тщедушен, некрасив и незнатен.

Лувр послужил путеводной точкой для Годольфина. Он знал, что дом, где его держали пленником в погребе, находился рядом с королевским дворцом.

Отдаленный шум, достигавший его ушей в погребе, свидетельствовал о том, что дом, где находилась его тюрьма, — кабак.

Этих сведений было довольно, чтобы поиски его не были продолжительны.

Когда Годольфин и Паола доехали до маленькой площади, окружавшей церковь Сен-Жермен Л'Оксерруа, первый предложил своей спутнице слезть с лошадей, отвести их в гостиницу на улице Арбр-Сек и пешком дойти до Лувра.

Время было уже позднее, ночь темная, шел дождь, и на площади не было ни души.

Годольфин на этот раз, казалось, сохранил ту особую, сверхъестественную проницательность, которой он обладал в состоянии магнетического сна, и прямо направился к кабачку Маликана.

Дверь была заперта, а посетители были, по-видимому, молчаливого десятка, потому что внутри все было тихо.

Однако луч света виднелся сквозь щель в двери. Годоль-

фин дал знак Паоле, чтобы она отошла подальше, потом, подобно волку, бродящему вокруг овчарни, он обошел дом и приложился к щели в дверях, и вскоре, опьянев от радости, подошел к Паоле, взял ее за руку и сказал шепотом:

— Подойдите... и посмотрите!

Паола, сердце которой сильно билось, подошла к двери, приложила глаз к замочной скважине и громко вскрикнула.

Ноэ сидел рядом с Миеттой, держал ее руки в своих и нежно смотрел на нее. Немного подальше Генрих разговаривал с прекрасной ювелиршей, все еще одетой беарнским крестьянином.

Вскрикнув от испуга и гнева, Паола без чувств упала на руки Годольфина, в эту минуту лунатик почувствовал в себе силу Геркулеса и, схватив на руки молодую девушку, отбежал с ней шагов на сто, так что, когда Ноэ и Генрих оказались у двери и открыли ее, то они никого не увидели. Был полный мрак.

Но на крик Паолы бросился и Ренэ. Он нашел свою дочь. Итальянка, пораженная увиденным, вскочила на ноги, и сказала отцу:

— Отомстите за меня!

— Отомстить за тебя? — с волнением в голосе спросил Ренэ: чувство отца говорило в нем в эту минуту не так сильно, как суеверие, так как он верил, что его жизнь зависела от безбрачия его дочери.

— Да, — глухим голосом сказала Паола, — отомстите за меня! Там... вон в том доме... есть человек, которого я любила и который изменил мне!

Ренэ не расспрашивал дочь, он подбежал к кабаку, дверь которого приотворилась, а потом снова закрылась. Он подошел к ней так же неслышно, как и Годольфин, и посмотрел в замочную скважину, как Паола.

Вдруг флорентинец вздрогнул и почувствовал, как капли пота выступили у него на лбу.

Он увидел сначала Ноз и сира де Коарасса, потом его поразило лицо молодого крестьянина, и, несмотря на переодевание, он узнал прекрасную ювелиршу.

Ренэ был слишком осторожен, чтобы войти в кабак Маликана, он вернулся к дочери, молча взял ее за руку и увел на берег реки.

— Скажи мне, — спросил он ее, — которого из двух ты любила и кто обманул тебя?

— Ноз.

— А! Это тот... который...

— Это тот, кто похитил у нас Годольфина, а также и меня.

— Хорошо, — спокойно заметил Ренэ, — расскажи мне все, дитя мое.

Несмотря на гнев, Ренэ понимал, что теперь не время упрекать дочь.

Ренэ хотел узнать все...

Паола подробно рассказала отцу все, как было, она не скрыла от него ни своих ночных свиданий с Ноз в то время, как Ренэ допрашивал спящего Годольфина, ни того, каким образом молодой человек входил к ней и выходил от нее, ни того, что она ему сама рассказала.

Ренэ молча слушал рассказ дочери, и точно завеса упала перед ним: он понял, благодаря чему сир де Коарасс мог разыгрывать роль колдуна.

— Успокойся, дитя мое, — сказал он, когда Паола закончила рассказ, — ты будешь отомщена!

— О! Я ненавижу этого человека, которого любила, — воскликнула мстительная итальянка, — и желаю ему самой страшной, мучительной смерти.

— Ты будешь отомщена,
мысленно добавил: «И я то-
Ренэ увидел прекрасную
часть правды. Сир де Ко-
собственным его оружием,
— Пойдем в Лувр, —

— В Лувр!

— Конечно! Ты все

рине.

— Но, — возразила

сказать отцу о любви Го-

которой имел неосторож-

на ли я рассказать ей так

— Какой принцессе

тинец.

— О принцессе М

— Какое дело до

— Но принцесса

— Кого? Ноз?

— Нет, сира де

— Ого! — резко

рого направилось в др

дочь моя?

— Да, отец, ка

к принцессе Маргар

— Черт возьми

Ренэ вспомнил

принцессу и был сп

— Нет, дитя

говорить об этом,

скрыть любовь пр

— Хорошо, —

— Ты будешь отомщена! — повторил флорентинец и мысленно добавил: «И я тоже!»

Ренэ увидел прекрасную ювелиршу и понял большую часть правды. Сир де Коарасс обманул его, он побил его собственным его оружием, отняв у него любимую женщину.

— Пойдем в Лувр, — сказал он дочери.

— В Лувр!

— Конечно! Ты все это расскажешь королеве Екатерине.

— Но, — возразила молодая девушка, забывшая рассказать отцу о любви Генриха к принцессе Маргарите, о которой имел неосторожность сообщить ей Ноэ, — должна ли я рассказать ей также и о принцессе?

— Какой принцессе? — спросил удивленный флорентинец.

— О принцессе Маргарите?

— Какое дело до всего этого принцессе Маргарите?

— Но принцесса Маргарита любит его...

— Кого? Ноэ?

— Нет, сира де Коарасса.

— Ого! — резко вскричал Ренэ, течение мыслей которого направилось в другую сторону. — Уверена ли ты в этом, дочь моя?

— Да, отец, каждый вечер Коарасс приходит в Лувр к принцессе Маргарите.

— Черт возьми! Если это правда, то мщение готово...

Ренэ вспомнил о герцоге Гизе, который тоже любил принцессу и был способен убить своего соперника.

— Нет, дитя мое, — продолжал он, — тебе незачем говорить об этом, напротив, чтобы отомстить, необходимо скрыть любовь принцессы к этому гнусному злодею.

— Хорошо, — согласилась Паола.

— Пойдем в Лувр, — повторил Ренэ.

Затем, подавая Годольфину ключ от лавки на мосту Святого Михаила, он сказал:

— Ступай домой, в комнате Паолы ты увидишь дворянина, довольно дурно одетого, но не доверяй внешности и называй его «ваша светлость».

— Что я должен сказать ему?

— Ты попросишь его следовать за тобой.

— А куда привести его?

— Сюда, где мы теперь.

— А... потом?

— Ты подождешь меня здесь.

— Хорошо, — сказал Годольфин, решивший уже в глубине сердца мстить вместе с Ренэ и его дочерью.

Годольфин побежал к мосту Святого Михаила, отпер дверь лавки, вошел, руководимый светом свечи, которую зажег Ренэ, в комнату Паолы.

Он крайне изумился, увидев, что в комнате никого нет.

— Где же он, черт возьми? — спросил себя лунатик.

Он вернулся в лавку, поднялся в лабораторию, прошел в комнату парфюмера и снова спустился в будуар Паолы, вдруг он увидел шелковую лестницу, прикрепленную к подоконнику, конец которой касался воды.

Этого было вполне достаточно, чтобы Годольфин прекратил поиски.

Он не понимал, однако, почему дворянин, которого Ренэ называл его светлостью, ушел таким путем.

Он прождал целый час в надежде, что тот вернется, но, не дождавшись, пошел один на назначенное ему Ренэ место на правом берегу реки вблизи Лувра.

Вот что произошло между тем в королевском дворце и чему свидетельницей была Нанси.

Королева Екатерина сидела одна у себя в комнате перед письменным столом и писала.

Вдруг в дверь постучали особенным способом и королева, вздрогнув, подняла голову и нахмурила брови.

Дверь тотчас же отворилась. Вошла женщина, при появлении которой Екатерина вскрикнула от удивления. Это была Паола.

За ней королева-мать увидела встревоженное лицо Ренэ. Однако флорентинец улыбался, и в глазах его виднелась уверенность.

Королева, изучившая выражение лиц, угадала по глазам и улыбке Ренэ, что он хочет сообщить ей нечто очень важное, чтобы получить прощение.

— А! Ты, значит, нашел свою дочь?

— Да, Ваше Величество.

— В обществе какого-нибудь дворянина?

— Нет, она была с Годольфином, Ваше Величество, и я нашел ее как раз вовремя, чтобы не дать мистифицировать вас.

— Гм! Что это значит, Ренэ? — спросила королева, глаза которой гордо сверкнули.

— Я говорю правду, Ваше Величество.

— Какую правду?

— Спросите лучше мою дочь...

Ренэ дал знак Паоле, которая подошла к королеве и преклонила перед ней колено. Паола была бледна от бешенства, кровь итальянки кипела, а глаза метали молнии.

Она повторила королеве то, что уже рассказала своему отцу, однако не упоминая, по совету отца, о любви принцессы Маргариты к сирю де Коарассу.

Екатерина выслушала, не прерывая, рассказ Паолы до конца, когда молодая девушка остановилась, королева холодно посмотрела на Ренэ.

— Каким образом это может касаться меня? — спросила она.

— Как каким образом? — пробормотал флорентинец, пораженный ее спокойствием.

— Конечно.

— Ваше Величество обманули.

— В чем?

— Сир де Коарасс не колдун и не гадает по звездам.

— Постой! — остановила его королева. — Весьма возможно, что сир де Коарасс рассказал тебе много такого, что подслушал Ноэ, спрятанный в комнате твоей дочери... но я знаю, что он открыл мне много тайн...

— Которые он узнал таким же путем, Ваше Величество.

— Весьма возможно, но это нужно доказать.

— И я постараюсь доказать это.

— Например, — продолжала Екатерина, — он сообщил мне о побеге гугенотов из Анжерского замка, что они проехали через Париж и прибыли в Шарантон... Там они дали трактирщику монету с изображением покойного короля Наваррского, в одном углу которой была царапина. Все это оказалось верно. Неужели ты думаешь, что сир Коарасс узнал все это от Годольфина и твоей дочери?

— Он был сообщником гугенотов, — с уверенностью сказал Ренэ, хотя ничего не знал о случившемся.

Глаза королевы-матери засверкали от гнева.

— Если так, то сиру Коарассу придется рассчитаться со мной...

— Что, если я докажу это вам?

— Докажи...

— Я прошу у Вашего Величества
Ренэ сделал вид, что собрался
в парадные комнаты отворилась
— Господин де Нансей вернул
— Впустите его! — приказал
чувством. — Сейчас мы узнаем
на Ренэ, — сообщники ли сир де
ники и знали ли они друг друга.
— Каким образом, Ваше Величество
— Нансей должен был арестовать
— А!
— Если окажется необходимо
По телу Ренэ пробежала
Слово «пытка» очень быстро
Вошел де Нансей.
— Ну что! — с живостью
Нансей был покрыт гримасами
вытянутое, глаза мрачные
ка, измученного усталостью
— Ваше Величество,
Коарасс обманул вас. Я
в Мелуне, доехал до Монпелье
и нигде не нашел ни малейшего
ли в Шарантоне.
— А! В таком случае
дражением, — берегитесь
Легко угадать, каково
шая живое участие в

— Я прошу у Вашего Величества двадцать четыре часа.
Ренэ сделал вид, что собирается уйти, как вдруг дверь в парадные комнаты отворилась и паж доложил:

— Господин де Нансей вернулся из Мелуна.

— Впустите его! — приказала королева с радостным чувством. — Сейчас мы узнаем, — сказала она, посмотрев на Ренэ, — сообщники ли сир де Коарасс и анжерские узники и знали ли они друг друга.

— Каким образом, Ваше Величество?

— Нансей должен был арестовать их в Мелуне.

— А!

— Если окажется необходимо, я подвергну их пытке.
По телу Ренэ пробежала дрожь.

Слово «пытка» очень взволновало его.

Вошел де Нансей.

— Ну что! — с живостью спросила Екатерина.

Нансей был покрыт грязью и пылью, лицо у него было вытянутое, глаза мрачные, походка тяжелая, как у человека, измученного усталостью.

— Ваше Величество, — печально сказал он, — сир де Коарасс обманул вас. Я обыскал все гостиницы и кабаки в Мелуне, доехал до Монтеро, обшарил соседнюю деревню и нигде не нашел ни малейшего следа дворян, которых видели в Шарантоне.

— А! В таком случае, — воскликнула королева с раздражением, — берегитесь, сир де Коарасс!

XVII

Легко угадать, как испугалась бедная Нанси, принимавшая живое участие в де Коарассе с тех пор, как его полюби-

ла принцесса Маргарита, когда услышала слова королевы:
«Берегитесь, сир де Коарасс!»

Увидев вошедшего Рауля, хорошенькая камеристка приложила палец к губам, давая ему этим знак молчать.

Рауль подошел ближе.

— Что с вами, боже мой! — шепнул он ей.

— Сиру де Коарассу грозит большая опасность.

— Знаю, — сказал Рауль.

При этих словах Нанси, снова было нагнувшаяся к отверстию, быстро приподнялась и посмотрела на пажа.

— Как! Ты знаешь об этом? — спросила она.

— Конечно. Я нарочно пришел к вам... Он здесь.

— Кто? Сир де Коарасс?

— Нет, герцог.

— Какой герцог?

— Герцог Генрих.

Нанси побледнела как смерть.

— Ах, боже мой! Герцог здесь! Герцог Гиз в Лувре!..

— Он у меня, в моей комнате и ждет вас...

Нанси посмотрела на Рауля, точно хотела убедиться, что влюбленный в нее юноша не сошел с ума.

Но Рауль, сильно взволнованный и бледный, говорил совершенно серьезно.

— Герцог прошел в Лувр переодетый трактирным слугой, он пришел ко мне вместе с Гаргилем под предлогом, что принес корзину с вином. Он просил меня сходить к вам и привести вас немедленно.

— Он в твоей комнате?

— Да.

Нанси указала пальцем на отверстие, сделанное в полу.

— Пододвинься сюда и слушай внимательно, — сказала она.

— Будьте спокойны.
— И подожди меня.
— Вот мой ключ.
— Хорошо! — сказала
комнате. Она побежала в ком-
нат.
Герцог услышал шурша-
на минуту у него явилась на-
Нанси вошла, и герцог
Идя из своей комнаты
немного успокоиться и обд-
Ей приходилось защи-
тив нескольких неприятел-
другой — королева-мат-
жен был угадать в нем с-
Нанси, войдя, покло-
баясь, вероятно, по пов-
Эта улыбка успоко-
«Нанси встречает м-
чит, меня все еще люб-
— Ах, ваша светл-
нув все задвижки на д-
но неосторожны?..
— Молчи, Нанси.
— О, я знаю это.
— А когда люби-
— То ничего не б-
прервала его камерис-
не понимает в любов-
в голову...
— Ах, Нанси,
в покое и говори мн-

— Будьте спокойны.

— И подожди меня.

— Вот мой ключ.

— Хорошо! — сказала Нанси и заперла Рауля в своей комнате. Она побежала в комнату Рауля, где ожидал ее герцог.

Герцог услышал шуршание платья Нанси в коридоре, и на минуту у него явилась надежда, что это сама Маргарита.

Нанси вошла, и герцог чуть не вскрикнул.

Идя из своей комнаты в комнату пажа, Нанси успела немного успокоиться и обдумать план действий.

Ей приходилось защищать принца Генриха сразу против нескольких неприятелей: с одной стороны был Ренэ, с другой — королева-мать, наконец герцог Гиз скоро должен был угадать в нем своего соперника.

Нанси, войдя, поклонилась герцогу, насмешливо улыбаясь, вероятно, по поводу смешного его костюма.

Эта улыбка успокоила Генриха Гиза.

«Нанси встречает меня с улыбкой, — думал он, — значит, меня все еще любят».

— Ах, ваша светлость, — сказала камеристка, задвинув все задвижки на двери, — знаете ли вы, что вы безумно неосторожны?..

— Молчи, Нанси! Я пришел потому, что люблю ее.

— О, я знаю это.

— А когда любишь...

— То ничего не боишься, не так ли, ваша светлость? — прервала его камеристка. — Но королева Екатерина ничего не понимает в любовных делах, а так как она забрала себе в голову...

— Ах, Нанси, милая моя, оставь королеву Екатерину в покое и говори мне о ней...

— Хорошо, ваша светлость, — вздохнув, сказала Нанси.

— Она все еще любит меня, неправда ли?

— Да... мне кажется...

Герцог вздрогнул.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Видите ли...

— Объяснись яснее, милая моя... прошу тебя... — прошептал герцог, держа руку Нанси в своей и слегка сжимая ее, — объясни, дитя мое, твои недомолвки терзают меня.

— Ваша светлость, — продолжала Нанси, — принцесса Маргарита любит вас по-прежнему, не сомневайтесь в этом, но ее окружают шпионы и вам нельзя будет видеть ее.

— О! — воскликнул герцог. — Я должен, однако, увидеться с ней.

— Теперь у нее королева Екатерина.

— Но она ведь уйдет.

— Нет, — решительно ответила Нанси.

— Как нет?

— Королеву уже несколько дней преследуют видения, галлюцинации и бог весть что еще, — пробормотала Нанси, решившаяся лгать с нахальством юного пажа.

— Ну так что же?

— Ну так она приказала поставить себе постель в комнате принцессы Маргариты и ночует у нее каждую ночь.

— Значит, я не увижу ее сегодня! — воскликнул герцог, голос которого дрожал от гнева.

— Увы, нет, ваша светлость.

— А... завтра?

— Завтра, — ответила Нанси, рассчитывавшая, что

случай поможет ей не сдержать своего слова, — завтра... я, быть может, устрою...

— И я увижу ее?

— Да, ваша светлость!

— В котором часу.

— Пока еще не знаю... но положитесь на меня. Я завтра с утра предупрежу ее, что вы в Париже.

Герцог вздохнул.

— Итак, я должен уйти! — прошептал он.

— Сделайте это ради нее, ваша светлость. Королева-мать увлекла короля в свой лагерь. В настоящее время половина придворных гугеноты, и если узнают о вашем присутствии в Париже, то принцессу Маргариту, которую во что бы то ни стало хотят выдать за принца Наваррского, запрут в монастырь.

Слова Нанси испугали бесстрашного герцога. Он презирал убийц, нанятых королевой, был спокоен в сражении, как на празднике, но задрожал, представив себе те несчастья, которые могли обрушиться на любимую им женщину.

Нанси попала метко.

Герцог встал и сказал камеристке:

— Ты права, добрая моя Нанси, у меня хватит мужества подождать, тем более что...

Он с загадочной улыбкой посмотрел на Нанси:

— Скажи мне: ты уверена, что она любит меня по-прежнему?

— От любви нельзя вылечиться в несколько недель, ваша светлость, — возразила Нанси, смущенная вопросом герцога.

— Она, следовательно, не испытывает желания выйти за принца Наваррского?

— Конечно, нет. Она ненавидит его...

— Ты думаешь, что она по-прежнему согласна стать герцогиней Гиз или Лотарингской?..

— Ах, ваша светлость, — сказала Нанси, все еще не догадывавшаяся, на что намекает герцог, — вы прекрасно знаете, что если бы не политика, то принцесса Маргарита уж с год царствовала бы в Нанси.

— Я нашел способ устранить политику, — сказал герцог, — и если принцесса Маргарита захочет...

— Захочет чего, ваша светлость?

— Чтобы я увез ее.

— Хорошо, а потом?

— Через двенадцать часов мы пересечем французскую границу.

— Отлично.

— На другой день вечером мы приедем в Нанси, и мой дядя, кардинал Лотарингский, обвенчает нас.

— А на следующий день, — заметила Нанси, искавшая опоры в политике всякий раз, когда ей надо было выпутаться из неловкого положения, — герцог Крильон, или коннетабль Монморанси, или сам король Карл IX выступит к границам Лотарингии.

— Согласен с вами.

— И начнется война.

— Я приготовился: Майн и я, мы вооружимся против Франции.

— Прекрасно, — прошептала Нанси, — но король Франции — любимый сын церкви, а королева Екатерина сродни папе, папа отлучит от церкви герцога Гиза и его подданных. Вместо того чтобы защищать их, он вложит меч в ножны.

— Ошибаешься, моя милая, — ответил герцог, которого не убедила логика Нанси.

— Неужели?

— Папа не отлучит герцога Гиза, когда узнает, что он женился на принцессе Маргарите, которую хотели выдать замуж за наваррского гугенота.

«Пожалуй, он и прав», — подумала Нанси, однако открыто не признала себя побежденной.

— В таком случае, — сказала она, — так как королева Екатерина знаток в политических делах и умеет интриговать, то она пригрозит папе, что если ей не вернут дочь, то она созовет всех гугенотов из Франции и Наварры, из Голландии и Палатината и окончательно порвет с церковью.

— Милая Нанси, — улыбаясь, заметил герцог, — ты, как видно, занимаешься политикой.

— Нет, ваша светлость, хотя я кое-что понимаю в ней.

— И ты советуешь мне не увозить принцессу Маргариту?

— Да сохранит вас бог!

— Но... я люблю ее...

— Не беда! Вы увидите ее... она увидит... мы увидим... — сказала Нанси, спрягая глагол «увидит».

Человек более проникательный, чем герцог, и в особенности менее влюбленный, нахмурил бы брови, заметив эти метания.

Но герцог ничего не понял.

— Где можно будет найти вас завтра утром, ваша светлость? — спросила Нанси.

— На площади Мобер, в гостинице под названием «Чалая лошадь».

— Хорошо!

— В котором часу ты дашь мне знать о ней?

— Не знаю, но положитесь на меня... А теперь ваша

светлость, — прибавила Нанси, — уходите... через час калитку в Лувре запрут... часовой может узнать вас... уходите!

В голосе Нанси слышалось беспокойство. Герцог приписал это опасности, которой он подвергался. Но Нанси боялась совсем другого. Хорошенькая камеристка боялась, чтобы герцог, оставшись долее в Лувре, не заметил, что она солгала ему, и не узнал, что королева Екатерина и не думала водворяться на ночь в комнате дочери.

К ее счастью, герцог встал, взял корзину с бутылками, надвинул колпак на самые глаза и сказал, улыбаясь:

— Ни один черт меня так не узнает.

Нанси взяла его за руку.

— Пойдемте, я проведу вас по маленькой лестнице к калитке, выходящей на реку.

— Милая Нанси! — прошептал принц. — Передай ей, что я люблю ее по-прежнему страстно.

— Будьте покойны, ваша светлость.

Нанси проводила герцога до винтовой лестницы и сказала:

— Спускайтесь смелей. Когда вы подойдете к калитке, кашляните три раза и проходите... Швейцарец, который стоит на часах, постоянно закрывает глаза и притворяется спящим, когда кашляешь, проходя мимо него. Он глух и нем.

Десять минут спустя мнимый трактирный слуга без затруднения вышел из Лувра, но не успел он сделать впотымах и двадцати шагов, как столкнулся с человеком, прохаживавшимся по набережной взад и вперед и не спускавшим глаз с фасада Лувра, где огни начали уже гаснуть, так как час был поздний.

— Дурак! — пр
ды забывший изменить
В ту же минуту
сказал:

— Ах, ваша све

Лувра.

— Ренэ! — во

— Да, ваша св

жав через окно и в

как я всей душой пр

— Неужели! —

— И я докажу

— Гм!

— Я пришел и

— Ты не виде

— Ее я, правд

ну.

— Объясни м

королеву, ты не в

чувствует теперь в ком

— Кто расск

смеясь, спросил

— Нанси.

— Нанси ду

метил флоренти

— Ренэ!

— Взгляни

мер, показыва

который мель

ны?

Генрих Ги

королевы был

— Дурак! — пробормотал герцог, под влиянием досады забывший изменить голос.

В ту же минуту незнакомец схватил герцога за руку и сказал:

— Ах, ваша светлость, я был уверен, что встречу вас у Лувра.

— Ренэ! — воскликнул герцог.

— Да, ваша светлость. Вы нехорошо поступили, убежав через окно и вообразив, что я хочу предать вас, тогда как я всей душой предан вам.

— Неужели! — с сомнением заметил герцог.

— И я докажу вам это.

— Гм!

— Я пришел из Лувра нарочно для вас.

— Ты не видел принцессу Маргариту.

— Ее я, правда, не видел, зато видел королеву Екатерину.

— Объясни мне, пожалуйста, каким образом, увидев королеву, ты не видел принцессу, потому что королева ночует теперь в комнате своей дочери.

— Кто рассказал вам такой вздор, ваша светлость? — смеясь, спросил Ренэ.

— Нанси.

— Нанси дура и насмехается над вами, — холодно заметил флорентинец.

— Ренэ!

— Взгляните, ваша светлость, — продолжал парфюмер, показывая рукой на фасад Лувра, — видите вы свет, который мелькает в окнах кабинета королевы Екатерины?

Генрих Гиз взглянул и увидел, что действительно окна королевы были освещены.

— Если бы королева ночевала у своей дочери, — продолжал Ренэ, — она не работала бы у себя, я не видел бы ее четверть часа назад и не пришел бы сюда к вам...

— Как! — воскликнул с тревогой герцог. — Ты ждал меня?

— Да, ваша светлость, вы убежали от меня.

— Действительно, ты запер меня...

— Из осторожности, ваша светлость.

— А так как изменять тебе не впервые...

— Ваша светлость, я только что провел целый час с королевой Екатериной, и да поразит меня небо, если я хоть раз произнес ваше имя.

— Хорошо, я верю тебе...

— Ваша светлость напрасно не доверяет мне, и напрасно вы ходили в Лувр.

— Почему?

— Ваша светлость, вы хорошо изучили женщин?

— К чему этот вопрос?

— Ах, черт возьми! Потому что... потому что... на это довольно затруднительно ответить.

— Говори.

— У женщин время и расстояние не подвергаются общему закону: восемь дней стоят восьми лет, расстояния в сто миль не существует.

— Дорогой Ренэ, я ни слова не понимаю из того, что ты мне говоришь. Скажи яснее.

— Женщины непостоянны...

— Ну так что же?

— Человек, любимый вчера, забывается завтра.

Если бы Ренэ и герцог находились при дневном свете, то парфюмер заметил бы, как лицо герцога покрылось смертельной бледностью.

— Ты хочешь уверить
разлюбила меня и любит

— О, я не говорю
ненавидит бегарского

— Продолжай.

— Но мне кажется,

Герцог отступил на

— Берегись! — при

— Чего, ваша светл

— Слушай: если ты

— В таком случае я

ров и не вредим, — отве

убежденного в том, что

— Ренэ... Ренэ...

цог.

— Ваша светлость

вам: здесь неподалеку

лось занять ваше мес

— Ты лжешь!

— Что бы вы сд

я доказал вам, что к

принцессе Маргарит

ходит туда в девять

— Я вызвал бы

человека не существ

рита все еще любит

В голосе герцог

— Этот челове

— О! — прос

гу, которой у него

— И он недал

— Покажи м

— Ты хочешь уверить меня, что принцесса Маргарита разлюбила меня и любит принца Наваррского?

— О, я не говорю этого, мне кажется даже, что она ненавидит беарнского принца более чем когда-либо.

— Продолжай.

— Но мне кажется, что она вас более не любит.

Герцог отступил на шаг.

— Берегись! — пригрозил он.

— Чего, ваша светлость? — спокойно спросил Ренэ.

— Слушай: если ты солгал, то я убью тебя!

— В таком случае я уверен, что еще долго проживу здоров и невредим, — ответил Ренэ со спокойствием человека, убежденного в том, что он говорит.

— Ренэ... Ренэ... — глухим голосом прошептал герцог.

— Ваша светлость, что бы вы сделали, если бы я сказал вам: здесь неподалеку есть человек, которому посчастливилось занять ваше место в сердце принцессы Маргариты.

— Ты лжешь!

— Что бы вы сделали? — повторил Ренэ. — Если бы я доказал вам, что каждый вечер этот человек приходит к принцессе Маргарите и его провожает к ней Нанси. Он приходит туда в девять часов, а уходит в полночь...

— Я вызвал бы его на дуэль... и убил бы его. Но этого человека не существует, Ренэ... а ты сошел с ума... Маргарита все еще любит меня...

В голосе герцога слышались слезы.

— Этот человек существует, ваша светлость.

— О! — простонал герцог, пытаясь схватиться за шпагу, которой у него не было.

— И он недалеко отсюда.

— Покажи мне его... назови его имя...

— Слушайте, ваша светлость, — продолжал Ренэ, — возьмите мою шпагу, мой плащ и мою шляпу.

— Давай.

— Теперь взгляните на площадь, видите полоску света, пробивающуюся из окна вон того дома?

— Это кабак беарнца Маликана.

— Совершенно верно.

— А этот человек...

— Этот человек в кабаке. Его зовут де Коарассом... Войдите туда, ваша светлость, и спросите его.

— И... это он.

— Да, он.

Герцог молча накинул на себя плащ Ренэ, надел шляпу с пером, принадлежавшую парфюмеру, прицепил шпагу и направился к кабаку, шепча:

— Я должен убить этого человека.

XVIII

Вернемся назад и посмотрим, что делали Генрих и Ноэ в течение тех двух дней, когда мы потеряли их из виду.

Ноэ, уехав накануне из дома тетюшки Верконсен, где он оставил Паолу, не имел намерения вернуться туда.

Ноэ признался себе дорогой, что он сделался скорее жертвой обмана своего воображения, нежели своего сердца. Паола, дочь ужасного и коварного Ренэ, запертая в лавке под надзором Годольфина, к которой он мог проникнуть не иначе как при помощи лодки и веревочной лестницы, была очаровательной добычей и должна была увлечь Ноэ.

Но Паола вне веревочной лестницы, лодки и тысячи опасностей, которым из-за нее подвергались, лишалась своего обаяния.

«Я поторопился воспламенить свое воображение, — рассуждал молодой человек, — я люблю не Паолу, а Миетту».

Ноэ, как читатель, вероятно, помнит, отправился прямо в кабак Маликана. Он застал Миетту одну и решился признаться ей в любви.

Потом пришел Генрих.

Генрих явился из Лувра, где он обедал вместе с королевой у принцессы Маргариты.

В то время как они обедали, вернулся дворянин, ездивший с Нансеем в Шарантон, и подтвердил предсказание мнимого колдуна: трактирщик, действительно, видел двух дворян, молодого и старика, которые, не слезая с седла, выпили по стакану вина и один из них расплатился монетой с изображением покойного короля Наваррского.

Это обстоятельство настолько упрочило репутацию сира де Коарасса как колдуна, что королева-мать предложила ему переехать на жительство в Лувр.

Генрих попросил два дня на размышление.

В этот день оба молодых человека отправились ночевать в гостиницу Лестакада.

Утром на другой день Ноэ встал с намерением поехать в Шальо к Паоле, но, на свое несчастье, он проходил мимо кабачка Маликана.

Миетта, покраснев и опустив глазки, встретила его на пороге. Ноэ вошел.

«Честное слово! — подумал он. — Я, кажется, голоден... Позавтракаю здесь».

Прекрасные глаза Миетты и любезность Маликана, наливавшего в стакан Ноэ самого лучшего пиренейского вина, сильно повредили Паоле. Наступил вечер, а Ноэ все еще сидел за столом.

Было слишком поздно ехать в Шальо.

Потом Генрих вернулся в Лувр. Каждый раз, уходя от принцессы Маргариты, он слегка вздыхал по прекрасной ювелирше. Но на свиданиях с Саррой он никогда не забывал о ночных свиданиях, назначенных ему в Лувре.

Ноэ и Генрих поужинали у Маликана, потом принц отправился поболтать с принцессой Маргаритой и вернулся в кабачок Маликана как раз в ту минуту, когда последний собирался запереть его, выпроводив посетителей и оставшихся, по его выражению, со своей семьей.

Хотя Генрих и Ноэ не принадлежали к этой семье, но зато не были и совсем чужими. А вследствие этого оба они остались в кабачке уже после его закрытия.

Маликан ушел спать. Генрих взял руки прекрасной ювелирши в свои, а Миетта позволила взять свою руку Ноэ.

Вдруг на улице раздался пронзительный, отчаянный крик женщины.

Молодые люди подбежали к двери и открыли ее, но ночь была темная, а за первым криком не последовало ни звука.

«Право, это нас не касается, — подумал принц, запирая дверь, — я не пойду осматривать площадь с фонарем».

Он вернулся к Сарре, а Ноэ опять сел около Миетты.

Прошел еще час в безмятежном спокойствии, как вдруг на площади раздался шаг и в дверь постучали.

По тому, как стучали, легко было заключить, что стучавший не запоздалый пьяница, желавший утолить жажду.

Ноэ встал и отпер дверь.

Вошел человек с высоко поднятой головой, лицо его было бледно, а глаза горели.

Это был герцог Генрих.
Он остановился посреди
молодых людей, на юношу
угадал женщину, и на хор
молодой девушки как-то ст

— Господа, — обратил
из вас зовут де Коарассом
Генрих сделал шаг впе
— Меня, — сказал о
Герцог сделал также

клонился.

— Милостивый госу

чести быть известным в

— Совершенно вер

— Однако вам, вер

— Как вас зовут, с

— Я скажу вам это

— Уйдем отсюда,

его хотят вызвать на д

Он взял свою шл

улыбка его говорила,

молнии. Ноэ встал, ч

— Останься!

бишься мне, я позор

Генрих указал

пропустить его, и в

Ночь была по

направился к фон

нии.

Принц Нава

так же, как и он,

Генрих Гиз

Это был герцог Генрих Гиз.

Он остановился посреди комнаты, посмотрел на обоих молодых людей, на юношу-беарнца, в котором он не сразу угадал женщину, и на хорошенькую Миетту; наружность молодой девушки как-то странно успокоила его.

— Господа, — обратился он к молодым людям, — кого из вас зовут де Коарассом?

Генрих сделал шаг вперед и поклонился.

— Меня, — сказал он.

Герцог сделал также шаг вперед и также вежливо поклонился.

— Милостивый государь, — сказал он, — я не имею чести быть известным вам...

— Совершенно верно.

— Однако вам, вероятно, говорили обо мне.

— Как вас зовут, сударь?

— Я скажу вам это наедине.

— Уйдем отсюда, — сказал Генрих, догадываясь, что его хотят вызвать на дуэль.

Он взял свою шляпу и улыбнулся молодому беарнцу, улыбка его говорила, что он не боится ничего, даже удара молнии. Ноэ встал, чтобы последовать за принцем.

— Остайся! — сказал Генрих. — Если ты понадобишься мне, я позову тебя.

Генрих указал герцогу на дверь, посторонился, чтобы пропустить его, и вышел вслед за ним.

Ночь была по-прежнему темна. Принц Лотарингский направился к фонарю, горевшему на некотором расстоянии.

Принц Наваррский последовал за ним и остановился, так же, как и он, в кругу света, бросаемого фонарем.

Генрих Гиз просто сказал ему:

— Меня зовут Генрих Лотарингский, герцог Гиз.
Пораженный Генрих отступил на шаг и снял шляпу:

— Имею честь кланяться, ваша светлость.

Генрих Гиз был бледен и взволнован, Генрих Наваррский в несколько секунд овладел собой и стал спокоен и бесстрастен.

— Правда ли, — спросил герцог, — что вы каждый вечер ходите в Лувр и что вас любит принцесса Маргарита?

— Ваша светлость, — возразил Генрих, — ваш вопрос немного странен...

— Отвечайте, — настаивал с надменностью, свойственной его роду, герцог.

— А если я откажусь отвечать?

— Милостивый государь, — вспыхнул герцог, — если меня обманули, то я накажу клеветника.

— А... если вам сказали правду?..

— То я накажу вас.

— Извините, — спокойно заметил Генрих, — вы говорите немного свысока...

— Что?

— А так как вы, герцог Гиз, воображаете, что говорите с простым дворянином, то и повышаете несколько голос.

Герцог дерзко засмеялся.

— Тысячу раз прошу извинить меня, — насмешливо сказал он, — я и не знал, что Коарассы принадлежат к какому-нибудь королевскому дому.

— Ваша светлость позволит мне предложить самый простой вопрос?

— Говорите.

— Под каким именем вы здесь?

— Вам какое дело?

— Мне это очень важно знать. Что-то подсказывает мне, что мы будем драться...

— По крайней мере, таково мое намерение.

— Ну так предположите, что я нанесу вам опасную рану.

Герцог улыбнулся.

— Все возможно, — продолжал Генрих, — вас перенесут в соседний дом, и я скажу: «Этот человек герцог Гиз».

— Милостивый государь, — с живостью сказал герцог, — вы кажетесь мне человеком честным и, прежде чем мы будем драться, я попрошу вас дать мне клятву, что вы сохраните мое инкогнито.

— Даю...

— Что бы ни случилось?

— Клянусь честью!

— Хорошо, — сказал герцог, хватаясь за шпагу.

— Подождите минутку, — продолжал Генрих, — я попрошу вас дать мне такую же клятву.

— Меня?

— Да, вас.

— Значит, вас в Париже знают не под именем Коараса?

— Напротив. Но только это не настоящее мое имя.

— Ах! — воскликнул удивленный герцог.

— А чтобы вы не сожалели, что скрестили шпагу с простым дворянином, я жду только вашу клятву, чтобы доказать вам, что я принадлежу к довольно хорошему дому.

— Милостивый государь, какое бы вы ни носили имя, клянусь вам, что я сохраню его в тайне.

— В таком случае, — ответил, смеясь, Генрих, — вы можете обнажить шпагу, кузен...

— Гм! — удивился герцог. — Ваш кузен?..

— Меня зовут Генрих Бурбонский, и я должен стать королем Наварры, — тихо произнес принц.

Генрих встал в надменную позу человека знатного происхождения и гордо смерил взглядом герцога.

— Мы еще большие враги, чем я думал, кузен, — сказал герцог, обнажая шпагу.

— Правда, мы соперники не только в любви, — возразил Генрих, — но и в политике, и в религии.

— Да, и теперь представляется прекрасный случай померяться силами...

— Я в восторге...

Генрих Гиз и Генрих Наваррский, казалось, учились у одного и того же учителя фехтования, и оба владели оружием в совершенстве.

Они дрались уже более четверти часа и, подобно героям Гомера, сражаясь, обменивались репликами.

— Дорогой кузен, — сказал Генрих Наваррский, — вы любите принцессу Маргариту и хотели сделать ее герцогиней.

— Быть может, со временем более чем герцогиней, кузен, — усмехнулся герцог, шпага которого свистела как змея и извивалась как огненная лента.

— А я хочу сделать ее королевой, — продолжал Генрих.

— Ваше королевство меньше моего герцогства.

— Оно увеличится, кузен.

— Однако у вас недурной аппетит, мне кажется.

— И прекрасный желудок, который переваривает все.

— Честное слово! — продолжал герцог. — Меня несколько не удивит, если вы вспомните в один прекрасный день и о моем добром городе Нанси.

— Я уже думал о нем, — холодно заметил Генрих.

При этих словах герцог вздрогнул, а Генрих воспользовался этим и, вытянув руку, ранил своего противника в плечо.

Герцог вскрикнул от гнева и попал Генриху в предплечье.

— Есть особа, которая, быть может, более чем вы думает о моем городе Нанси.

— Кто же это?

— Королева Наваррская, — насмешливо сказал герцог.

Генрих Наваррский вспыхнул от бешенства. Оно было для него губительно: он перестал защищаться, и шпага герцога проткнула ему грудь пониже плеча.

— Если он умер, — пробормотал герцог Гиз, — тем хуже для него, если он только ранен, тем хуже для меня!.. Принц Лотарингский никогда не поражал лежащего человека...

И герцог бросился в кабачок Маликана.

Ноэ и обе женщины с беспокойством ждали возвращения Генриха, не подозревая о случившемся.

— Сир де Коарасс, — сказал вошедший герцог, — умер или серьезно ранен... бегите к нему... туда... он под фонарем!..

И не успел Ноэ, изумленный не менее женщин, остановить Генриха Гиза, как тот исчез во мраке и вернулся к Ренэ.

Ренэ ждал его на берегу.

Хотя он и слышал бряцанье оружия, но был слишком осторожен, чтобы подойти и узнать, чем кончилась дуэль.

— Если Коарасс убьет герцога, — размышлял он, — он не должен пока знать, что это я вовлек его в дуэль.

— Ренэ! Ренэ! — звал герцог.
— Ах! — воскликнул Ренэ. — Это вы, ваша светлость!
— Да, я.
— Ну как?
— Мне кажется, он умер!
— Как! Вы не уверены в этом?..
— Нет...
— Однако...
— Ренэ, — резко оборвал парфюмера герцог, — я отвечаю тебе в другой раз... Теперь мне некогда. Спокойной ночи...

— Куда вы идете, ваша светлость?

— В Лувр...

— В этот час!.. Подумайте!

— Я уже подумал. Прощай.

Герцог поспешно направился к Лувру и остановился только у калитки.

Швейцарец, стоявший на часах, не хотел пропустить его, но герцог вспомнил совет Нанси и на вопрос часового: «Куда вы идете и кто вы?» кашлянул трижды, с равными промежутками.

Швейцарец посторонился.

— Проходите! — сказал он.

Генрих Гиз знал Лувр не хуже герцогского дворца в Нанси, он взбежал по маленькой лестнице и прошел по коридору прямо к комнате принцессы Маргариты.

Сквозь замочную скважину проникал слабый луч света.

Генрих тихонько постучал.

— Войдите! — сказал голос, при звуке которого он вздрогнул.

Это был голос Маргариты.

Генрих нажал пружину, известную только немногим, и

дверь раскрылась, Маргарита Французская разговаривала в эту минуту с Нанси и не ожидала этого посещения, она громко вскрикнула от ужаса и, смущенная, отступила назад.

Перед ней стоял герцог Гиз, забрызганный кровью.

XIX

Вернемся к нашей приятельнице Нанси.

Хорошенькая камеристка, расставшись с герцогом Гизом, который ушел в убеждении, что королева Екатерина ночует в комнате своей дочери, — вернулась в свою комнату, где ее ждал Рауль.

Паж уже не лежал на полу, приложившись глазом к отверстию, а преспокойно развалился в удобном кресле.

— Ну, что случилось? — поспешно спросила Нанси.

— Ренэ ушел.

— От королевы?

— Да.

— А Нансей?

— Нансей вышел вместе с ним.

— Хорошо. Как же решила королева?

— Никак.

— Как это «никак»?

— Она просто сказала Ренэ: «Убирайся и дай мне подумать. Приходи завтра, тогда увидим».

— Ого! Да это предвещает грозу, — пробормотала Нанси. — А что же, Ренэ ушел?

— Да, вместе с дочерью, а Нансей ушел через парадные комнаты.

— Ну так останься здесь, миленький Рауль, и если услышишь шум в комнате королевы, слушай внимательно.

— Будьте спокойны.

— Если ты будешь верно служить мне, — прибавила молодая девушка, — то я вознагражу тебя когда-нибудь.

Она улыбнулась, показав свои беленькие зубки, чем привела в восторг Рауля, и поспешила уйти в комнату принцессы Маргариты.

Маргарита ничего еще не знала о том, что случилось в Лувре.

Генрих пришел по обыкновению и по обыкновению же провел более часа у ног принцессы, целуя ей руки, упиваясь ее взглядами и улыбкой и рассказывая ей все, что только мог изобрести дурного про принца Наваррского, за которого ее принуждала выйти политика.

Затем Генрих ушел.

— Боже мой, Боже мой! — прошептала Маргарита, оставшись одна. — Я уже думала, что никого не полюблю более, а теперь чувствую, что люблю его...

Принцесса еще не хотела ложиться в постель, она была слишком взволнована, чтобы заснуть. А потому села у маленького столика и, оперев свой прекрасный лоб на белую ручку, начала перелистывать роскошное издание «Софокла».

Маргарита бегло читала по-гречески, но мысли ее каждую минуту отвлекались от чтения.

Никогда еще юная принцесса не испытывала такого сильного волнения.

Мучили ли ее смутные предчувствия, или любовь, к которой она хотела отнестись шутя, разрослась в страстное чувство?

Как бы то ни было, но прошел уже целый час, а Маргарита все еще не успокоилась, она была по-прежнему сильно взволнована, когда вошла Нанси.

Нанси была так бледна, что вид ее поразил Маргариту.

— Что с тобой, моя милая? — спросила принцесса.

— Ничего. Ваше Высочество
— О, с тобой случилось что-то
перевела ее Маргарита.

— Да нет же...
Нанси, державшаяся иногда к
повелительницей, села рядом с ней
— Ваше Высочество позволил
которую я сочинила.

— Как! Ты сочиняешь притчи

— Да, когда этого требуют о

— Каким образом? Объясни

— Ваше Высочество желает

— Охотно.

— В таком случае я начинаю

Нанси положила свои обнаж

перед которым сидела принцесса

— Ваше Высочество, жил

ная, как день, и очень умная

вятнадцать лет, и сердце ее

Явился юный принц и начал

любила его...

— Я сомневаюсь, — у

Нанси продолжала:

— Однажды принц уеха

веки. Принцесса плакала оч

пока...

Нанси остановилась.

— Продолжай, — ска

— До тех пор, — пр

встретила простого дворя

красным характером...

— Ничего, Ваше Высочество... ровно... ничего...

— О, с тобой случилось что-нибудь... — с живостью перебила ее Маргарита.

— Да нет же...

Нанси, державшаяся иногда крайне свободно со своей повелительницей, села рядом с ней и сказала:

— Ваше Высочество позволит мне рассказать притчу, которую я сочинила.

— Как! Ты сочиняешь притчи! — вскричала принцесса.

— Да, когда этого требуют обстоятельства.

— Каким образом? Объяснись, милая моя.

— Ваше Высочество желает выслушать мою притчу?

— Охотно.

— В таком случае я начинаю.

Нанси положила свои обнаженные до локтя руки на стол, перед которым сидела принцесса, и начала:

— Ваше Высочество, жила-была принцесса, прекрасная, как день, и очень умная. Этой принцессе было девятнадцать лет, и сердце ее начинало тихонько биться. Явился юный принц и начал ухаживать за ней... Она полюбила его...

— Я сомневаюсь, — улыбнулась принцесса.

Нанси продолжала:

— Однажды принц уехал, сказав принцессе: прости навеки. Принцесса плакала очень сильно и долго, до тех пор пока...

Нанси остановилась.

— Продолжай, — сказала Маргарита.

— До тех пор, — продолжала Нанси, — пока она не встретила простого дворянина, красивого и умного, с прекрасным характером...

— Дитя мое, берегись, твою притчу нетрудно разгадать.

— Дайте мне закончить, Ваше Высочество. Принцесса, долго и безутешно плакавшая, приходившая в отчаяние и поклявшаяся, что образ беглеца будет вечно жить в ее душе, проснулась однажды утром и с удивлением заметила, что она вздыхает о дворянине, так превосходно рассказывающем историйки...

— А дальше что? — спросила Маргарита.

— Молодой принц был забыт, а принцесса полюбила дворянина.

— Молчи! Сумасшедшая...

Но Нанси продолжала:

— У принцессы была камеристка, преданная ей и готовая умереть за нее, принцесса, забывая свое звание, рассказывала ей иногда о своих печалях.

— Я делала эту ошибку, — улыбаясь, заметила Маргарита.

— Извините, Ваше Высочество, дело идет не о вас и не обо мне, а о принцессе из притчи и ее камеристке.

— Ну продолжай!

— Камеристка в качестве ее поверенной служила сначала и юному принцу, когда он уехал, она сокрушалась о нем, потому что принцесса, ее дорогая госпожа, много плакала. Но когда прекрасные голубые глаза принцессы высохли, а ее розовые губки снова начали улыбаться, благодаря остроумию дворянчика, камеристка, так же как и ее госпожа, забыла о прекрасном принце.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросила Маргарита.

— Подождите, Ваше Высочество. Принц уехал навсегда, он никогда не должен был вернуться и его оплакивали

как мертвого. Но говорят, однако, что мертвые возвращаются.

— Ах! — вскричала Маргарита, поспешно перебив Нанси и побледнев как смерть. — Я догадываюсь теперь, что ты мне хотела сказать.

— Ваше Высочество...

— Генрих в Париже!

— Может быть...

— Он здесь... и ты видела его... так ведь?

Маргаритой внезапно овладело сильное волнение.

«Ах! Неужели она его все еще любит?» — подумала Нанси. — В таком случае я поступила немного неосторожно с герцогом...»

— Да, теперь я понимаю, — продолжала Маргарита, — что за странное предчувствие преследует меня с утра. Генрих в Париже... Он в Лувре... ты видела его?..

— Увы, да, Ваше Высочество.

— И он, без сомнения, придет... он захочет увидеть меня... О, боже мой!

Маргарита страдала и боялась, она не в силах была определить, какое чувство преобладало в ней — вспыхнувшая снова прежняя любовь или страх, который внушал ей обманутый ревнивый любовник.

— Успокойтесь, Ваше Высочество, — сказала Нанси, — герцога нет в Лувре.

— Ах! — вздохнула Маргарита.

— Он уехал...

Маргарита вздохнула еще раз.

— Я уверила его, что королева Екатерина проводит ночи в вашей комнате, и убедила вернуться в гостиницу.

— И он согласился уйти?

— Да, Ваше Высочество.

— И... он не вернется?

— Ах, этого я не могла добиться от него... вы понимаете, но я выиграла время.

— О, боже, боже! — вскричала вне себя Маргарита.

— Успокойтесь, Ваше Высочество, — продолжала ловкая камеристка, — я найду средство... вот увидите...

Но не успела Нанси придумать что-нибудь, как постучали в дверь и Маргарита увидела вошедшего Генриха Гиза, забрызганного кровью.

Генрих был бледен, как те статуи, которые принцесса Маргарита приказала поставить в коридорах и на парадной лестнице Лувра.

Губы его кривились от нервной улыбки, а в насмешливых глазах виднелась грусть.

Под влиянием вспыхнувшей на мгновение любви или повинувшись минутному головокружению, Маргарита вскочила и бросилась было к нему, увидев кровь на его полукафтани, она в ужасе отступила.

— Ах... Генрих... — пробормотала она, — что случилось с вами?..

— Ваше Высочество, успокойтесь, — с напускным хладнокровием сказал герцог, — и не падайте в обморок: я только слегка ранен. Я получил царапину в плечо.

— Генрих! — прошептала Маргарита. — Вы дрались?

У нее мелькнуло страшное предчувствие.

— Ваше Высочество, — продолжал Генрих Гиз, к которому Маргарита не решалась подойти ближе, — я приехал в Париж час назад, я приехал сюда потому, что любил вас, потому, что хотел сделать вас герцогиней Лотарингской, я приехал, не обращая внимания на кинжалы наемных

убийц вашей матери, и только еще любите меня.

— Генрих! — прервала его

— Ваше Высочество, — стались всего несколько дней верности, так как вы потребовали спешного бегства...

— О, Генрих... Генрих... чем вы напоминаете мне о вам нужно пощение.

Маргарита еще не все — Не беда! — сказала не в этом. Я пришел, вы все еще любите меня

— Генрих!

Произнося это слово как и герцог.

— Отвечайте, Ваше

— Ах! Какой стал овладев собой. — З

Генрих? Зачем эти

— Я сейчас объясню герцог, взглянув на него.

— Час назад я знаете ли вы, подполнить мою просьбу

— Нет, — пр

— Под предвашей комнате. Н

Нанси стояла — Я повер

убийц вашей матери, и только потому, что думал, что вы все еще любите меня.

— Генрих! — прервала его, побледнев, Маргарита.

— Ваше Высочество, — продолжал герцог, — мы расстались всего несколько дней назад, дав взаимную клятву в верности, так как вы потребовали моего отъезда, моего поспешного бегства...

— О, Генрих... Генрих, — шептала принцесса, — зачем вы напоминаете мне об этом? Вы ранены, мой друг, и вам нужно попечение.

Маргарита еще не все угадала.

— Не беда! — сказал герцог. — Рана моя легкая и дело не в этом. Я пришел спросить вас, Ваше Высочество, вы все еще любите меня?

— Генрих!

Произнося это слово, Маргарита была так же бледна, как и герцог.

— Отвечайте, Ваше Высочество.

— Ах! Какой странный тон! — сказала она, наконец овладев собой. — Зачем глаза ваши смотрят так сердито, Генрих? Зачем эти угрозы? Зачем?

— Я сейчас объясню вам, Ваше Высочество, — сказал герцог, взглянув на Нанси, которая не решалась посмотреть на него.

— Час назад я просил Нанси провести меня к вам, и знаете ли вы, под каким предлогом Нанси отказалась исполнить мою просьбу?

— Нет, — пробормотала Маргарита.

— Под предлогом, что королева Екатерина ночует в вашей комнате. Нанси солгала. Зачем она солгала?

Нанси стояла, опустив глаза, Маргарита страдала.

— Я поверил Нанси, — продолжал герцог, — и со-

гласился уйти из Лувра. Но на набережной я встретил человека, который поджидал меня... вы знаете его, Ваше Высочество... его зовут Ренэ-флорентинец.

Нанси вздрогнула. Принцессой овладело какое-то ощущение.

— Ренэ сказал мне: «Королева Екатерина не ночует у принцессы Маргариты. Нанси солгала вам... и знаете почему? Потому что принцесса Маргарита вас более не любит!» Правду ли сказал Ренэ? — вдруг повысив голос, вскричал герцог.

Маргарита почувствовала, как в ней вспыхнула гордость.

— Я не собираюсь вам отвечать, — сказала она.

Герцог усмехнулся.

— Ренэ сказал мне еще: «Она не любит уже вас... но она любит другого...»

— Боже мой! — прошептала Нанси. — Я теперь догадываюсь...

— И вашего соперника, — прибавил Ренэ, — зовут сир Коарасс.

Маргарита вскрикнула и почти без чувств упала в кресло, с которого она поспешно встала при входе герцога.

— Ваше Высочество, — закончил лотарингский принц, — я нашел сира Коарасса... и мы дрались с ним...

При последних словах Маргарита вскочила, глаза у нее горели, горло пересохло, она хотела сказать что-то, но не могла.

— Сир Коарасс был в кабаке беарнца Маликана: я пошел туда. Мы обнажили шпаги под фонарем... он ранил меня... я опрокинул его на землю... не знаю, умер ли он, но....

Герцог не закончил. Подобно львице, дремлющей на желтом песке пустыни и пробужденной криком детенышей,

Маргарита вскочила, страшно жалея
цог и бросилась к двери.
— Идем, Нанси! Идем! —
том, что крики ее могут разбудить
Герцог, до сих пор улыбающийся,
сверкавшие глаза, остался один.

Жгучие слезы закатали у него
руками.

— Боже мой! — прошептал
его.

За несколько минут пере-
ли из кабака Маликана, в
в темноте.

Ноз, по приказанию ге-
лему круту, отбрасываем
Генриха.

Принц еще дышал, но
он был без чувств.

Ноз поднял его на ру-

— Помоги, Миетта
ди! — шептал вне себя

Он искал глазами ю-

Но ювелирши не б-

время, как Ноз и Миет

нения без чувств упала

Ноз и Миетта при-

бак.

Маликан живо вс-

ся вниз как раз в ту

со своей драгоценной

Маргарита вскочила, страшно вскрикнула, оттолкнула герцога и бросилась к двери.

— Идем, Нанси!.. Идем! — кричала она, не заботясь о том, что крики ее могут разбудить старый Лувр.

Герцог, до сих пор улыбавшийся, несмотря на гневно сверкавшие глаза, остался один, он зашатался и закрыл лицо руками.

Жгучие слезы закапали у него между пальцами.

— Боже мой! — прошептал он. — Как она любит его.

За несколько минут перед этим Ноэ и Миетта выбежали из кабачка Маликана, в то время как герцог Гиз исчез в темноте.

Ноэ, по приказанию герцога, направился прямо к светлomu кругу, отбрасываемому фонарем, и бросился к телу Генриха.

Принц еще дышал, но струя крови лилась из его груди и он был без чувств.

Ноэ поднял его на руки и понес, Миетта шла за ним.

— Помоги, Миетта, помоги мне. О, господи, господи! — шептал вне себя Ноэ.

Он искал глазами ювелиршу.

Но ювелирши не было. Сарра любила Генриха и в то время, как Ноэ и Миетта выбежали из кабачка, она от волнения без чувств упала на скамейку.

Ноэ и Миетта принесли бесчувственного Генриха в кабак.

Маликан живо вскочил на ноги и, полуодетый, спустился вниз как раз в ту минуту, когда Ноэ и Миетта вошли со своей драгоценной ношей.

— О, господи! — вскричал кабатчик, бросаясь к телу Генриха. — Убили моего принца!

— Нет, — возразил Ноэ, — он не умер, он дышит. Взгляните, он открыл глаза.

Действительно, молодой человек раскрыл помутившиеся глаза и с удивлением осмотрелся кругом.

Маликан побежал наверх, притащил матрац, и принцу приготовили походную постель, на которую его и положили. Ноэ разрезал застёжки на его полукафтани, разорвал рубашку и осмотрел рану.

Рана была неглубока, но вызвала сильное кровотечение, которое и было причиной обморока Генриха.

Маликан был пастухом в Пиренейских горах и потому знаком с хирургией. Он скоро объявил, что рана не смертельна.

Генрих, окончательно пришедший в себя, обвел спокойным взглядом Ноэ, Маликана и Миетту и, казалось, искал еще кого-то.

Он искал ювелиршу.

— Где же она? — спросил он, когда у него хватило сил произнести несколько слов.

Тогда только Миетта и Ноэ заметили, что Сарра исчезла, и с удивлением посмотрели друг на друга.

— В ту минуту, как я сходил вниз, — сказал Маликан, — я слышал глухой стон. Но когда я вошел, никого уже не было.

Ноэ и принц посмотрели друг на друга, но не успели они еще сказать ни слова, как дверь распахнулась и в комнату вбежала женщина, она была страшно бледна, волосы ее развевались, а одежда была в беспорядке, она бросилась к принцу и обвила его руками...

Это была Маргарита!

Два дня спустя после огни
ны, король Карл IX, котор
чам вследствие припадков из
спокойную ночь и проснулся

— Готье, мой милый, —
шему занавес у его постели.

— Погода прекрасная.

— Дождя нет?

— Солнце светит во всю

— Тем лучше! Позови
охотиться сегодня.

Пибрак был в это вре
ждал, когда проснется к

— Господин Пибрак,
ру. — Его величество

Пибрак был истин
роль в хорошем распе
на губах.

— Пибрак, друг

надо поехать поохоти

Пибрак поклонил

— Который теп

— Семь часов,

— Ну так я пое

— Я пойду от

— Предупреди

Пибрак вздрог

Король продо

— Ваших куз

— Ах! Ваше

XX

Два дня спустя после описанной нами трогательной сцены, король Карл IX, который давно уже плохо спал по ночам вследствие припадков из-за болезни сердца, провел очень спокойную ночь и проснулся рано.

— Готье, мой милый, — сказал он пажу, отдергивавшему занавес у его постели, — какова погода?

— Погода прекрасная, Ваше Величество.

— Дождя нет?

— Солнце светит всю...

— Тем лучше! Позови де Пибрака. Мне хочется поохотиться сегодня.

Пибрак был в это время в приемной и с нетерпением ждал, когда проснется король.

— Господин Пибрак! — крикнул паж, откинув портьеру. — Его величество желает вас видеть.

Пибрак был истинный придворный. Заметив, что король в хорошем расположении духа, он вошел с улыбкой на губах.

— Пибрак, друг мой, — обратился к нему король, — надо поехать поохотиться на оленя в Сен-Жермен.

Пибрак поклонился.

— Какой теперь час?

— Семь часов, Ваше Величество.

— Ну так я поеду в десять.

— Я пойду отдам приказания, Ваше Величество.

— Предупредите также ваших кузенов...

Пибрак вздрогнул.

Король продолжал:

— Ваших кузенов — Ноэ и Коарасса...

— Ах! Ваше Величество, — пробормотал де Пибрак

печально, — за Ноэ послать легко... но что касается Коарасса...

Пибрак о грустью покачал головой.

— Гм! С ним случилось какое-нибудь несчастье? — спросил король.

— Увы, да!

Карл IX не принадлежал к числу чувствительных людей, и ему даже доставляло удовольствие смотреть, как пытаются, вешают и колесуют, но теперь он горестно вскрикнул:

— Как! Неужели он умер!

— Он при смерти, Ваше Величество.

— Ранен?

— Ударом шпаги в грудь.

— Кем?

— Пока это тайна, Ваше Величество.

— Для меня не может быть тайн, друг мой Пибрак: я король! — гордо сказал Карл IX.

— Я не колдун, Ваше Величество, — простодушно ответил Пибрак, — и так как мне ничего не сказали...

— Однако вы знаете же, как все это случилось?

— Конечно, знаю. Сир Коарасс был вместе с Ноэ два дня назад в кабачке беарнца Маликана.

— Так! — подтвердил король.

— Я узнал об этом от Маликана, — продолжал Пибрак. — Ноэ и Коарасс спокойно беседовали за бутылкой муската, когда в комнату вошел какой-то человек. Это был дворянин с гордой осанкой, но никто из присутствующих не узнал его. Он попросил Коарасса последовать за ним, они вышли. Десять минут спустя незнакомец вернулся и сказал, что сир Коарасс умер или опасно ранен, затем он исчез.

— Странно! — произнес король.

— Коарасса принесли к Маликану, несколько минут

спустя прибежали две женщины. Одна из них сильно испуганная, приняла за служанку, другой.

— Значит, бедняга Карл IX...

— О, нет, Ваше Величество.

— Куда же его перенесли?

— Не знаю.

— Как! Вы... не знаете?

— Незнакомая дама...

... вместе с раненым, служанка...

— Но Ноэ должен...

— Я не видел Ноэ.

— И вы не имеете...

Коарасса?

— Никаких.

— Знаете ли, Пибрак...

... отличаюсь особенной...

бил Коарасса...

— Ах! Ваше Величество.

— И мне очень...

... править его на Гревс...

— Когда вы, Ваше Величество...

... будь своей дружбы,

— Причина это...

нию.

— Вы думаете,...

— Конечно, пр...

... Пибрак м...

спустя прибежали две женщины, которых Маликан тоже не знал. Одна из них сильно плакала, а другая, которую Маликан принял за служанку, казалась тоже сильно расстроенной.

— Значит, бедняга Коарасс остался у Маликана.

— О, нет, Ваше Величество.

— Куда же его перенесли?

— Не знаю.

— Как! Вы... не знаете?

— Незнакомая дама послала за носилками и уехала вместе с раненым, служанкой и Ноэ.

— Но Ноэ должен же был сказать вам?..

— Я не видел Ноэ.

— И вы не имеете более никаких сведений о бедном Коарассе?

— Никаких.

— Знаете ли, Пибрак, — сказал король, — хотя я и не отличаюсь особенной сентиментальностью, но очень полкбил Коарасса...

— Ах! Ваше Величество.

— И мне очень бы хотелось отыскать его убийцу и отправить его на Гревскую площадь.

— Когда вы, Ваше Величество, удостоиваете кого-нибудь своей дружбы, то доказываете ее на деле.

— Причина этой дуэли не подлежит никакому сомнению.

— Вы думаете, Ваше Величество?

— Конечно, причина — это неизвестная дама... черт возьми! Пибрак, мне пришла в голову престранная мысль.

Пибрак взглянул на короля.

— Какая мысль, Ваше Величество?

— Мне кажется, я угадал, кто эта женщина.

Пибрак по-прежнему смотрел на короля с простодуш-
ным видом.

— Да, — лукаво подтвердил Карл IX.

— Ваше Величество знает ее?

— Может быть...

— Коарасс, — продолжал де Пибрак, — красивый и предприимчивый юноша, а благосклонность, которой Ваше Величество удостоили его, могла возбудить расположение к нему какой-нибудь придворной дамы.

— Гм! Помните, Пибрак, бал, который я дал в честь испанского посланника?

— Да, Ваше Величество.

— Коарасс танцевал с моей сестрой Маргаритой.

— Совершенно верно, Ваше Величество.

Пибрак счел за лучшее не понять ни лукавой улыбки, ни насмешливого взгляда короля.

Король продолжал:

— Бедная Маргарита была так огорчена отъездом герцога Гиза, что явилась на бал, только повинуясь моему приказанию.

— Принцесса была в самом деле очень печальна.

— Зато, потанцевав с Коарассом, она уже слегка улы-
балась.

— Вот как! — воскликнул Пибрак.

— Не знаю, что он ей рассказывал, но она слушала его с удовольствием.

— Неужели, Ваше Величество.

— И меня несколько не удивит, Пибрак, если прекрас-
ная дама, которая увезла раненого... гм! гм! я знаю сестру
Марго... ей уже не в первый раз...

— Ах, государь, что у вас за мысли!

— У меня есть на это свои основания.

Пибрак не успел более ничего сказать в защиту принцессы, потому что в дверь постучали и в комнату вошел паж Рауль, поклонник Нанси, и низко поклонился.

— Что тебе нужно, мой милый? — спросил король.

— Ваше Величество, меня прислала принцесса Маргарита.

— А что нужно от меня сестре Марго?

— Ее Высочество поручила мне узнать, не проснулись ли вы, Ваше Величество?

— Видишь, у меня открыты оба глаза.

— И как вы изволили провести ночь?

— Я спал хорошо, как ты сам можешь убедиться.

— И, наконец, в каком расположении духа вы изволите быть?

— Мне грустно, — сказал король, — потому что с бедным Коарассом случилось несчастье, а он был знатоком псовой охоты и прекрасно играл в ломбер. Я очень любил сира Коарасса.

Рауль поклонился.

— Передай все, что я сказал, Марго, — закончил король.

— Ах! — вспомнил вдруг Рауль. — Ее Высочество поручили мне попросить Ваше Величество принять ее.

— Ну так передай ей, что я приму ее. — Готье!

Готье вошел.

— Одень меня! — приказал Карл IX, спрыгнув с постели. — А вы, Пибрак, распорядитесь всем, что нужно для охоты в Сен-Жермене.

— Иду, Ваше Величество.

Пока король одевался, Пибрак вышел.

Но вместо того чтобы немедленно отправиться в Сен-Жермен, капитан гвардейцев пошел к Маргарите.

Она была очень бледна и печальна и с нетерпением ждала возвращения Рауля.

Пибрак вошел вслед за пажом, и когда последний закончил свой доклад, Пибрак прибавил:

— Вы можете отправиться к королю, Ваше Высочество, и он исполнит все, чего вы попросите.

— Ах, друг мой, — с беспокойством сказала принцесса, — я так боюсь, чтобы этот отвратительный Ренэ не открыл убежище, где мы его скрыли.

— Нужно обо всем сказать королю, принцесса.

— Иду, — ответила Маргарита, вооружившись внезапной решимостью.

В это время король Карл IX заканчивал туалет.

Он надел зеленый охотничий кафтан, серые штаны и расчесывал бороду с таким старанием, как будто отправлялся не на охоту, а на любовное свидание.

Одеваясь, король рассуждал так:

«Бедная Марго, истинная внучка своей бабушки королевы Наваррской!.. Дело ясно: она любит Коарасса и... ей-богу, я особенно догадлив сегодня... я угадал причину дуэли и имя женщины... Гм! Победителем может быть мой кузен Гиз... Я его узнаю!»

Размышления короля были прерваны шуршанием платья, раздавшимся в приемной.

Вошла Маргарита.

— Здравствуй, Марго, — сказал король, любезно целуя руку сестры.

— Здравствуйте, Ваше Величество.

Король пододвинул ей кресло и дал знак Готье выйти.

— Как ты бледна и взволнована, моя бедная Марго! — сказал Карл IX.

— Я действительно являюсь
— И ты пришла к своему
знаешь, что он любит тебя и жа
закон.

Карл IX взял руку сестры

— Ах, Ваше Величество.

— Я готов сделать для
ное существо из моих род
шее мне.

Голос короля звучал ласк
руку сестры в своих руках.

— Ваше Величество, —

шла к вам, потому что вы мо
к вам потому что, вы коро
что сердце у меня разбито
ном проступке.

Король дал себе слов
сестре, что он догадывае
было так глубоко и искрен
и обнял принцессу.

— Я догадываюсь,
сказал он.

— Ах, Ваше Вели

— Ты любишь...

— Правда, госуда
но и просто признави

— И ты пришла
него.

— Нет, прежде

— Гм! — заме

Маргарита по

— Я действительно взволнована, Ваше Величество.

— И ты пришла к своему брату Шарло, потому что ты знаешь, что он любит тебя и каждый твой каприз для него закон.

Карл IX взял руку сестры в свои и тихонько пожал ее.

— Ах, Ваше Величество, как вы добры.

— Я готов сделать для тебя все... ты единственное существо из моих родных, никогда не изменявшее мне.

Голос короля звучал ласково, и он продолжал сжимать руку сестры в своих руках.

— Ваше Величество, — сказала Маргарита, — я пришла к вам, потому что вы мой брат и любите меня, я пришла к вам потому что, вы король и можете сделать все, потому что сердце у меня разбито и я должна признаться вам в одном проступке.

Король дал себе слово быть дипломатом и не показывать сестре, что он догадывается о цели ее прихода, но горе ее было так глубоко и искренно, что он не выдержал своей роли и обнял принцессу.

— Я догадываюсь, в чем ты хочешь мне признаться, — сказал он.

— Ах, Ваше Величество...

— Ты любишь... и тот, кого ты любишь, в опасности.

— Правда, государь, — ответила Маргарита, благородно и просто признаваясь в своей любви.

— И ты пришла просить меня, чтобы я отомстил за него.

— Нет, прежде всего я прошу защитить его, государь.

— Гм! — заметил король. — Сир де Коарасс...

Маргарита покраснела, услышав это имя, но откровенно сказала:

— Я люблю его, государь! Жизнь сира Коарасса теперь вне опасности, но ему все-таки угрожает смерть.

— От кого?.. От...

Король улыбнулся.

— Нет, Ваше Величество, герцог уехал. Я вижу, что вы все угадали.

— Он... уехал?

— Вчера утром. И не увидит меня более. Опасность не с этой стороны.

— Ого! Кто же в таком случае смеет грозить сиру де Коарассу.

— Прежде всего Ренэ.

— Ренэ! — гневно крикнул король. — Ренэ?

— Да, государь.

— Смешно, право, милая Маргарита, что все окружающие меня, все, кого я люблю, так боятся этого негодяя...

— Потом ему грозит опасность со стороны королевы Екатерины, нашей матери.

Король нахмурил брови.

— Ого! Этого осложнения я не ожидал.

Карл IX задумался.

— А что такое мог сделать сир Коарасс этому Ренэ?

— Он гадал королеве Екатерине.

— Что же такое он сказал королеве?

— Он дурно отзывался о Ренэ.

— Я не совсем понял тебя, Марго, — добродушно заметил король.

— Ваше Величество, я во всем признаюсь вам, я скажу вам все.

— Говори, дитя мое.

Маргарита рассказала королю о событиях последних дней и как, чтобы напугать Ренэ, Коарасс придумал при помощи

Ноэ разыграть роль колдуна. Она рассказала ему также, какую гнусную роль разыграл президент Реноден при содействии королевы в истории Ренэ.

Маргарита рассчитала верно: король действительно рассердился на то, что его обманули, и решился заступиться за Коарасса назло королеве Екатерине.

— А-а! — закричал он. — Если так, то я беру все дело на себя. Вот увидишь, Марго!

— Что вы сделаете, государь?

— Я прикажу арестовать президента Ренодена.

— А... затем?

— Прикажу повесить его.

— Ваше Величество лучше бы сделали, если бы отправили на виселицу Ренэ.

— Я и о нем думаю, — холодно сказал король.

— Но я не этого прошу у Вашего Величества, — продолжала Маргарита.

— Чего же тебе нужно?

— Я хочу, чтобы вы взяли под свою защиту моего бедного Генриха, вот и все.

— Будь покойна. Где он?

— Я приказала перенести его на улицу Сен-Жермен Л'Оксерруа, в дом преданного мне мещанина. Но я боюсь, чтобы о месте его убежища не узнала королева и чтобы Ренэ...

— Постой, Марго... мне пришла в голову хорошая мысль...

— Я слушаю вас, Ваше Величество.

— Не перенести ли твоего сира Коарасса в Лувр?

— Вы думаете, Ваше Величество?

— Ты увидишь... послушай...

— Я слушаю...

— Мой доктор Мирон предан мне.
— Я знаю это.
— Притом он сведущий врач.
— Так говорят, по крайней мере.
— И он будет лечить твоего Коарасса с таким же усердием, как если б он был французским королем.
— Но... наша мать, Ваше Величество?
Карл IX лукаво улыбнулся.
— Мы проведем ее, милая Марго.
— Каким образом?
— Я охочусь сегодня в Сен-Жермене и попрошу королеву-мать поехать со мной.
— Прекрасно!
— Я буду с ней как можно любезнее. А ты тем временем прикажешь перенести бедного Коарасса в твоих носилках. Он выдержит переезд в носилках?
— Надеюсь, государь.
— Его внесут в Лувр в то время, когда я буду со всем двором в Сен-Жермене.
— Хорошо! Куда же я прикажу перенести моего Генриха?
— В мою комнату, — сказал король.
Маргарита остолбенела.
— Ему приготовят постель здесь, в кабинете, и если Ренэ или королева Екатерина явятся за ним сюда, то я уже не буду королем Франции!
— Ах, Ваше Величество! — воскликнула принцесса в порыве благодарности. — Как вы благородны и добры!
— Я люблю тебя, добрая моя Марго, — ответил король, — я люблю тех, кого любишь ты.
Король поцеловал Маргариту, прекрасные глаза которой наполнились слезами.

Сир Коарасс был сп
лась Маргарита.

В то время как пр
короля взять под свою
ний находился на улиц
перенесли следующим

Принцесса, вбеж
Генриху и осыпала е

Маликан поспеш

— Успокойтесь,

Услышав это, М

— Рана велика

Маликан, — но у м

не пройдет недели,

Маликан хотел

положить на свою

Но Нанси, раз

ственный на появ

ла:

— Он не дол

— Почему?

— Ренэ... —

— Это прав

Маргарита

нила о мещани

рый был в дол

ность которог

Его звали

Сир Коарасс был спасен, на это по крайней мере надеялась Маргарита.

XXI

В то время как принцесса Маргарита ходила просить короля взять под свою защиту ее дорогого Генриха, последний находился на улице Сен-Жермен Л'Оксерруа, куда его перенесли следующим образом.

Принцесса, вбежав в кабачок Маликана, бросилась к Генриху и осыпала его поцелуями. Она горько плакала.

Маликан поспешил утешить ее:

— Успокойтесь, сударыня, рана несмертельна...

Услышав это, Маргарита вскрикнула от радости.

— Рана велика и глубока, — продолжал успокаивать Маликан, — но у меня есть настой из растений наших гор, и не пройдет недели, как рана закроется.

Маликан хотел было перенести принца в верхний этаж и положить на свою постель.

Но Нанси, разорвав платок принцессы и свой собственный на повязки, нагнулась к уху Маргариты и сказала:

— Он не должен оставаться здесь!

— Почему?

— Ренэ... — с ужасом пробормотала камеристка.

— Это правда, — согласилась принцесса.

Маргарита вдруг ударила себя рукой по лбу: она вспомнила о мещанине с улицы Сен-Жермен Л'Оксерруа, который был в долгу у нее за оказанную ему услугу и на преданность которого она могла рассчитывать.

Его звали Онезим Жодель, говорили даже, что он родственник поэта, носившего это имя.

Онезим Жодель, однако, не принадлежал к числу поэтов «Плеяды» и не имел ничего общего с парнасскими сестрами. Он торговал бакалейными и аптекарскими товарами, что составляет мечту каждого парижского буржуа.

Онезим Жодель аккуратно платил подати, был известен как честный человек и пользовался общим уважением в своем околотке. Его сливы были превосходны, медь чиста, а масло бесподобно.

К сожалению, нет совершенного счастья на земле, и честный бакалейщик, живущий счастливо до сих пор — он был вдов и ему было уже пятьдесят лет, у него была даже прелестная дочь лет пятнадцати-шестнадцати, по имени Бригитта — честный бакалейщик, говорим мы, возымел несчастную мысль вступить во второй брак; в этот раз он женился на мегере, вдове суконщика.

Новая госпожа Жодель была женщина сварливая, злая и ревнивая, несмотря на свои пятьдесят лет.

Онезим Жодель, когда женился, был толст, весел и румян. Через шесть месяцев после женитьбы он сделался худ, желт, бледен, а через год супружеской жизни он стал тенью самого себя. Таким сделал его нрав новой госпожи Жодель.

Однажды вечером, когда он сидел задумавшись на пороге своей лавочки, мимо него прошла молодая девушка и поклонилась ему. Она принадлежала к числу его покупателей.

— Здравствуйте, дитя мое, — сказал бедный Жодель и вздохнул.

Госпожа Жодель, которая в это время толкла что-то в ступке, услышала это приветствие и вздох, она выскочила, как фурия, и схватила мужа за клочок седых волос, уцелевший еще у него на затылке.

Что произошло в эту критическую минуту в кроткой душе лавочника, он и сам не осознал, но ягненок сделался волком, жертва возмутилась и стала палачом: он схватил пестик, которым его жена толкла в ступке, и ударил им жену по голове с такой силой, что во второй раз остался вдовцом.

Соседи не нашли в его поступке ничего предосудительного: по их мнению, госпожа Жodelь получила то, что заслужила.

К несчастью, главный судья не разделял их взгляды, и бедный лавочник был арестован и приговорен к повешению.

Однажды, около четырех часов вечера, принцесса Маргарита ехала верхом на лошади в сопровождении гайдука и двух пажей по Гревской площади и встретила палача Кабоша в тележке и несчастного Онезима Жodelя, которого он вез вешать. За тележкой шла очень красивая молодая девушка и плакала горькими слезами.

Это была Бригитта, дочь несчастного лавочника.

Принцессу Маргариту тронули слезы ребенка и честное, расстроенное лицо Онезима. Она приказала остановить шествие, узнала, чем провинился осужденный, попросила отсрочить казнь и поскакала в Лувр, там она бросилась к ногам короля и выпросила полное помилование преступнику.

Принцесса Маргарита подумала об этом лавочнике, Онезиме Жodelе.

— Жodelь — честный человек, — сказала она Нанси, — его дом довольно велик, и он легко может скрывать у себя в течение нескольких дней Генриха, маловероятно, что Ренэ или королева Екатерина станут искать его там.

Принцесса сообщила свой план Ноэ, который одобрил его.

— Однако нам нечего бояться Ренэ, — прибавил он улыбаясь.

— Вы думаете? — с сомнением спросила Нанси.

— Черт возьми! Я держу его в руках...

— Каким образом?

— Его дочь у меня.

Нанси покачала головой.

— Вы ошибаетесь, — сказала она.

— Неужели? — вздрогнув, воскликнул Ноэ.

— Паолы уже нет в Шальо.

— Полноте!

— Она ревновала... Годольфин проводил ее...

Ноэ побледнел.

Нанси, не желавшая рассказывать все Маликану, нагнулась к уху товарища Генриха и сказала шепотом:

— Два часа назад Паола видела, как вы держали в своих руках руки вон той хорошенькой девушки.

— Боже мой! — пробормотал Ноэ, который начал понимать все происшедшее.

Он вспомнил пронзительный крик, заставивший его открыть дверь кабака и с любопытством взглянуть в темноту ночи.

— Паола нашла своего отца, — продолжала Нанси, — она призналась ему во всем, поэтому наш бедный сир Коарасс плавает теперь в крови.

Так как Ноэ все-таки не вполне понимал все обстоятельства дела, то Нанси прибавила:

— Знаете ли вы, с кем дрался Генрих?

— Нет.

— С герцогом Гизом.

— Ах! — вырвалось у Ноэ.

— Ренэ все рассказал ему, а также королеве-матери.

Теперь сир Коарасс в ее глазах не кто иной, как лжец. Понимаете?

— Черт возьми! — пробормотал Ноэ. — Ну и попали же мы в беду!

— Маликан, — спрашивала в это время принцесса Маргарита, — можно ли перенести раненого, не подвергая его опасности?

— Да, Ваше Высочество.

Генрих смотрел то на Маргариту, то на окружающих. Говорить он, однако, не мог.

— Ну так идите на улицу Претр, в лавку Жоделя под вывеской «Золотая ступка».

— Это один из моих посетителей, — сказал Маликан. — С тех пор, как Ваше Высочество избавили его от виселицы, он потягивает вино.

— Теперь он должен быть трезв, — с улыбкой заметила Маргарита. — Ступайте, а если он спит, то разбудите его.

Когда Маликан вышел, Ноэ запер за ним дверь и встал около нее со шпагой в руке.

— Если Ренэ придет, то мы посмотрим...

Но Ренэ не явился, он, без сомнения, был занят другим.

Раненый все смотрел вокруг и, казалось, искал кого-то.

Прошло десять минут, потом раздались шаги, это вернулся Маликан, а с ним пришел и Жодель.

Лавочник после смерти жены снова растолстел и вернул свою силу Геркулеса.

При помощи Маликана он перенес раненого к себе вместе с походной постелью.

Ночь была темная, на площади Сен-Жермен Л'Оксеруа и на улице Претр не было ни души. Пробила полночь на башенных часах.

Жодель и Маликан несли раненого, Ноэ шел сбоку со шпагой в руке, а Маргарита, Нанси и Миетта шли сзади.

Два дня спустя мы находим Генриха, уже выздоравливающего, у Жоделя. Рана начала закрываться благодаря таинственному бальзаму Маликана.

Маликан был пастухом в Пиренейских горах и потому обладал секретом вылечивать раны соком растений.

Лавочник поместил Генриха в самую отдаленную комнату, и тайна его пребывания в доме была строго соблюдена приказчиками и слугами.

Каждый день, иногда даже утром и вечером, лавочник уходил в кабачок Маликана под предлогом выпить бутылку вина и подробно рассказывал ему, как раненый провел ночь, сколько часов он спал, много или мало он страдал и уменьшилась ли лихорадка.

Маликан, доморощенный хирург, давал свои предписания, и Жодель по возвращении исполнял их.

Иногда и Нанси удавалось украдкой ускользнуть из Лувра и пробраться после многочисленных обходов на улицу Претр, там она взбиралась по темной грязной лестнице, с засаленной веревкой вместо перил, в комнату раненого Генриха, теперь уже выздоравливавшего и лежавшего в постели со спокойным, улыбающимся лицом. Он поручал ей передать принцессе Маргарите, как он ее любит и как он признателен ей за ее преданность и любовь.

На другой день после того, как Генриха перенесли в дом Жоделя, его навестила сама принцесса. Маргарита, рискуя быть скомпрометированной, если бы узнали о ее посещении, вышла из Лувра, прошла мимо часовых-швейцарцев, как простая мещанка пробежала по улицам и явилась в квартиру Жоделя.

Она провела несколько
дней и вернулась в Лувр го-
дома лавочника, ей также
ней следом, и ею овладе-
нной, как Рене. Вот поче-
шись с Пибраком, она реши-
ему во всем.

В это время Генрих
кровати.

— Бедный мой Ноэ
мой кузен Гиз теперь в о-

— Почему?

— Потому что я не

— Фу! — восклик-

заметил, что принцесса

была отказать от мысл

ской.

Генрих загадочно у

— Герцог Гиз и я,

только любви.

— Как это?

— Я объясню тебе

— Отчего же не

— Еще не время

ский.

Он резко переме

— Что же случи

— Прекрасной

— Да.

— Она была в

о печальном исход

— И что же?

Она провела несколько часов у изголовья постели Генриха и вернулась в Лувр только ночью. Когда она вышла из дома лавочника, ей показалось, что какой-то человек шел за ней следом, и ею овладел ужас, она решила, что это не кто иной, как Ренэ. Вот почему на другой день, посоветовавшись с Пибраком, она решилась пойти к королю и признаться ему во всем.

В это время Генрих беседовал с Ноэ, сидевшим у его кровати.

— Бедный мой Ноэ, — говорил он, — я уверен, что мой кузен Гиз теперь в отчаянии.

— Почему?

— Потому что я не умер, черт возьми!

— Фу! — воскликнул Ноэ. — С той минуты, как он заметил, что принцесса Маргарита не любит его, он должен был отказаться от мысли сделать ее герцогиней Лотарингской.

Генрих загадочно улыбнулся.

— Герцог Гиз и я, дорогой Ноэ, соперники не в одной только любви.

— Как это?

— Я объясню тебе позже.

— Отчего же не сейчас?

— Еще не время, — холодно ответил принц Наваррский.

Он резко переменял тему разговора.

— Что же случилось с Саррой?

— Прекрасной ювелиршей?

— Да.

— Она была в комнате, когда пришел герцог и сообщил о печальном исходе дуэли.

— И что же?

— Миетта и я бросились к вам, мы думали, что она следует за нами.

— И?..

— Когда мы вернулись, неся вас на руках, дорогой Генрих, ее уже не было.

— Но... где же она?

— Исчезла! — воскликнул Ноэ.

Генрих молчал несколько минут, затем спросил, пристально посмотрев на Ноэ:

— Это Ренэ передал все герцогу?

— Да. Нанси так говорит, по крайней мере.

— Паола уехала из Шальо?

— Третьего дня вечером, вместе с Годольфином, и Ренэ известно все.

— Ну так весьма возможно, что пока я дрался с дорогим кузеном, проклятый парфюмер бродил поблизости...

— Очень вероятно.

— И, очутившись подле кабачка Маликана, в то время как я дрался...

— Гм! гм! — заметил Ноэ.

— Он воспользовался смятением, — продолжал Генрих, — и похитил Сарру.

— Но она закричала бы.

— Кто знает? Ты мог не слышать ее крика, или она упала в обморок.

— Проклятие! — проворчал Ноэ. — Если бы я знал это, я проткнул бы его сердце шпагой.

— Ты был бы неправ.

— Почему?

— Потому что Ренэ негодяй, с которым нельзя играть, как с ребенком.

— О! — воскликнул Ноэ со сверкающими от гнева

глазами. — Настанет час, когда он будет в моих руках, и я изрублю его, как рубят мясо для начинки пирога.

— Все преодолееет тот, кто умеет ждать, — наставительно заметил принц, — а пока что необходимо отыскать Сарру.

Не успел принц договорить фразу, как послышались шаги, и дверь отворилась: точно добрый гений захотел исполнить его желание, он увидел на пороге Сарру, прекрасную ювелиршу, взволнованную, но улыбающуюся и с блестящими от счастья глазами. Откуда она явилась?

XXII

Мы потеряли из виду Ренэ-флорентинца в ту минуту, когда герцог Гиз рассказал ему о результате своей дуэли с Генрихом и побежал в Лувр.

Прежде чем подойти к герцогу Лотарингскому и сообщить ему, что у него есть соперник в лице сира Коарасса, Ренэ отослал домой свою дочь и Годольфина, которых встретил на назначенном месте.

— Иди, дитя мое, — сказал он Паоле, — и жди меня на мосту Святого Михаила, спи спокойно, я отомщу за тебя.

Подвергая сира Коарасса гневу герцога Гиза, Ренэ забыл, что мстит не столько за дочь, сколько за себя.

В самом деле, Паола сердилась не на сира Коарасса, а на Ноэ, который обманул ее.

Ренэ же начал свою месть с сира Коарасса, а не с Ноэ, потому что он строго придерживался правила, что хорошо организованная благотворительность — это прежде всего не забывать самое себя.

Как бы то ни было, а Ренэ, узнав, что сир Коарасс получил добрый удар шпаги, чрезвычайно обрадовался и за-

был о дочери, он отправился побродить около кабака, дверь которого отворилась, и в то время, как Ноз и Миетта бросились поднимать Генриха, флорентинец увидел прекрасную ювелиршу, почти без чувств прислонившуюся к стене.

У Ренэ явилось внезапное дьявольское вдохновение.

— Ах! — вырвалось у него. — На этот раз ты не ускользнешь от меня... я узнал тебя, несмотря на мужскую одежду.

Флорентинец прыгнул, как пантера, и бросился на Сарру, обессиленную от волнения.

При виде своего врага, человека, так яростно преследовавшего ее, прекрасная ювелирша страшно вскрикнула и окончательно лишилась чувств.

Этот обморок пришелся как нельзя более кстати для преступных намерений Ренэ.

Он взял молодую женщину на руки, перекинул ее через плечо и побежал.

Когда ювелирша пришла в себя, она увидела, что ее быстро несут... ее окружала глубокая тьма, а свежий ветер хлестал ей в лицо.

Она лежала на плече Ренэ, который продолжал бежать.

Сарра хотела закричать, позвать на помощь, но от страха лишилась голоса, она попыталась высвободиться, но руки Ренэ держали ее точно в тисках.

Флорентинец не имел намерения отнести Сарру в лавку на мосту Святого Михаила. Там была Паола. У Ренэ было еще несколько квартир, помимо его помещения в Лувре.

Он перешел мост Менял и двинулся вдоль левого берега реки. Идя все время вверх по течению, он углубился в узенькую и пустынную улицу, вблизи собора Божьей Матери, там он остановился перед старым одноэтажным домом с воротами.

Он спустил ювелиршу на руки, начал стучать.

Сарра хотела выкрикнуть.

— Ваши усилия...

Она закричала в

к ней на помощь.

Ренэ засмеялся.

В это время мимо

— Помогите! —

Прохожий подош

в руках, но, к несча

нин узнал Ренэ, кото

верхом на лошади, —

В это время отво

Сарра, растеряв

человека со зловещи

пой в руке.

Этот человек б

играющий в мистер

рающий на мостах

рого была красна

штаны, на голове

у него были хитри

кий.

Звали его Гри

ночью — вором

убийцы и убивал

Дом был нан

месяц, и он жил

за мать.

Грибуль уд

торый старался

Он спустил ювелиршу на землю и, крепко ухватив ее за руку, начал стучать.

Сарра хотела вырваться.

— Ваши усилия бесполезны, моя милая, — сказал Ренэ.

Она закричала в расчете, что ночной патруль придет к ней на помощь.

Ренэ засмеялся.

В это время мимо них прошел запоздавший прохожий.

— Помогите! — крикнула молодая женщина.

Прохожий подошел и поднял палку, которая была у него в руках, но, к несчастью, поблизости стоял фонарь, мещанин узнал Ренэ, которого много раз встречал то пешком, то верхом на лошади, — испугался и убежал.

В это время отворилась дверь, в которую стучал Ренэ.

Сарра, растерявшаяся, полумертвая от страха, увидела человека со злобещим лицом и с маленькой треугольной лампой в руке.

Этот человек был одет почти как акробат или актер, играющий в мистериях, или странствующий музыкант, играющий на мостах, то есть в кафтан, одна половина которого была красная, а другая синяя, и в светло-желтые штаны, на голове была шапочка с петушиным пером, глаза у него были хитрые, губы толстые, нос плоский, лоб низкий.

Звали его Грибулем. Днем он был канатным плясуном, а ночью — вором, подчас он играл у Ренэ роль наемного убийцы и убивал за десять экю.

Дом был нанят для него флорентинцем за десять денье в месяц, и он жил там со старой цыганкой, которую выдавал за мать.

Грибуль удивился, увидев Ренэ и красивого юношу, который старался вырваться у него из рук, но, несмотря на

мужской костюм, он скоро узнал по голосу, что это была женщина, и перестал удивляться.

— Грибуль, — сказал флорентинец, — я привел к тебе эту прекрасную даму... Посвети нам.

Ренэ втокнул прекрасную ювелиршу в темный проход. Грибуль пошел вперед, освещая им путь своей лампой.

— Я привел ее к тебе, и ты отвечаешь мне за нее головой, — продолжал флорентинец.

— Прикажете убить ее? — спросил канатный плясун.

— Дурак!

— Прекрасно! Понимаю!..

Грибуль двусмысленно улыбнулся. Потом он отворил дверь, и прекрасная ювелирша, все еще подталкиваемая Ренэ, очутилась в низкой комнате, окна которой имели железные решетки.

В углу стояла кровать, а рядом с ней два табурета и стол.

— Милостивая государыня, — обратился Ренэ к ювелирше, — прошу извинить меня за то, что вам придется провести ночь в такой конуре. Смею вас уверить, что завтра у вас будет более приличная квартира, во всех отношениях достойная любовницы человека, которого королева удовлетворяет своими милостями.

Ренэ произнес эти слова хвастливым тоном, а молодая женщина ответила ему взглядом, полным презрения.

Грибуль по знаку флорентинца поставил лампу на стол.

— Вы позволите мне заменить вам горничную? — спросил Ренэ.

Слова эти вызвали такое негодование у Сарры, что у нее хватило силы воскликнуть:

— А, негодяй! Я в твоих руках, и ты можешь убить меня, но одна только моя жизнь в твоей власти, оскорблять же меня ты не смеешь.

Ренэ улыбнулся.

Вдруг взор ювелирши упал на стол, стоявший рядом с кроватью, и она увидела лежавший на нем длинный тонкий нож с роговой рукояткой, такой, какие носят крестьяне на испанской границе. Накануне Грибуль украл его у солдата, служившего в ландскнехтах.

Овладеть ножом и направить его острием к своей груди было для Сарры делом нескольких секунд.

Ренэ вскрикнул и хотел броситься к ней.

Но Сарра гордо взглянула на него и сказала:

— Если ты сделаешь хоть шаг, то я убью себя!

В глазах Сарры была такая решимость, что флорентинец тотчас же понял, что она способна исполнить угрозу, если он позволит себе хоть малейшее насилие над ней.

— Хорошо, прелестное дитя мое, — сказал он с насмешкой, — я уйду и дам вам заснуть. Завтра, надеюсь, вы будете спокойнее и поймете, что вам предстоят почести и выгоды.

— Убирайся, негодяй! — крикнула ювелирша.

Ренэ направился к двери, несколько смущенный.

Он сделал знак канатному плясуну.

— Иди сюда! — сказал он.

— Добрый вечер, сударыня!.. Спокойной ночи! — пробормотал Грибуль, кланяясь. — Если вашей милости понадобится что-нибудь, вам стоит только постучать в стену: я буду там.

— Прощайте, дорогая моя, — усмехнулся флорентинец, — успокойтесь... Я люблю вас и хочу устроить вам блестящую будущность... Если вы потребуете, я женюсь на вас, так как теперь, после смерти бедного Самуила Лорио, убитого разбойником Гаскарилем, вы свободны располагать своей рукой.

Ренэ вышел торжествуя.

Сарра слышала, как затворили и заперли на задвижку наружную дверь, и поняла, что только одна смерть может избавить ее от участи, которую готовит ей Ренэ.

Она опустилась на колени и обратилась к Богу с краткой, но горячей молитвой и, как новая Лукреция, схватила нож, чтобы нанести себе удар.

Но ее поднятая рука опустилась: в ее мозгу пронеслось воспоминание, быстрое как молния, и губы прошептали:

— Генрих!

Генрих умер или умирал в этот час, умирал тот Генрих, которого она любила, Генрих, который спас ее, и она в свою очередь хотела спасти его, если смерть не простерла еще над ним свое черное крыло.

Сарра отбросила нож: она захотела жить, и все ее мысли, все вдохновение сосредоточилось на одной мысли: увидеть Генриха.

И, как житель дремучих лесов, упавший в яму, вырытую охотниками, обходит свою тюрьму, напрасно ища выхода, так и Сарра осмотрела комнату, в которую ее заперли: она открыла окно и увидела железные решетки, потом начала трясти дверь из цельного дуба, но ей не удалось даже покачнуть ее, она начала исследовать стены, и скоро увидела, что они так же толсты, как стены настоящей тюрьмы.

В довершение несчастий, оба окна ее комнаты выходили не на улицу, а в маленький внутренний двор.

Сарра, однако, не потеряла мужества, она начала размышлять, к какому прибегнуть средству, чтобы избавиться от Ренэ хитростью.

Вдруг ей пришла в голову мысль, глаза ее заблистели, черты лица прояснились.

«Ах! — подумала
Остальную часть
дня, Сарра
прийти.

Сарра ошиблась
десяти часов к ней в
Канатный плясун

нес узнице на подно

Он поклонился

Ювелирша взгля
ными глазами.

— Где Ренэ? —

— Я не видел е

— Он придет?

— Не знаю, он

— Как тебя зов

— Грибуль к ва

сун, несколько не с

— Ты богат?

— Я с трудом

конце года мне уд

себя счастливым.

— Хочешь, я

Грибуль вздр

шу.

— Хочешь п

— Черт возм

назад, канатный п

чтобы получить

— Ни одно

— Гм! — с

«Ах! — подумала она. — Если бы он скорее вернулся».

Остальную часть ночи она провела в молитве. Наступил день, Сарра надеялась, что Ренэ не замедлит прийти.

Сарра ошиблась: прошло утро, а Ренэ не явился. Около десяти часов к ней вошел Грибуль.

Канатный плясун, которому Ренэ отдал приказания, принес узнице на подносе разные кушанья и вино.

Он поклонился Сарре с почтительностью слуги.

Ювелирша взглянула на него горящими, проницательными глазами.

— Где Ренэ? — спросила она.

— Я не видел его больше.

— Он придет?

— Не знаю, он ничего не сказал мне.

— Как тебя зовут, лакей?

— Грибуль к вашим услугам, — ответил канатный плясун, нисколько не обидевшись на звание лакея.

— Ты богат?

— Я с трудом зарабатываю на пропитание, и когда в конце года мне удастся свести концы с концами, я считаю себя счастливым.

— Хочешь, я помогу тебе разбогатеть?

Грибуль вздрогнул и посмотрел на прекрасную ювелиршу.

— Хочешь получить тысячу экю золотом?

— Черт возьми! — воскликнул, отступив в изумлении назад, канатный плясун. — Сколько человек я должен убить, чтобы получить такую сумму?

— Ни одного.

— Гм! — с сомнением заметил Грибуль.

— Ты попросту должен выпустить меня отсюда, — закончила ювелирша.

Сарра имела наивность думать, что человек, предложивший ей убить кого угодно, чтобы заработать тысячу эю, поспешит открыть перед ней все двери.

Сарра ошиблась.

Грибуль пробормотал:

— Тысячу эю, — это недурно!

— Ты получишь их через час.

— Но... — после минутной нерешительности сказал Грибуль, — если я выпущу вас, Ренэ убьет меня...

— Ты можешь убежать!

— От Ренэ не убежишь, это бесполезно!.. Не говорите мне больше о деньгах.

Грибуль направился к двери, потом вернулся и прибавил:

— К тому же, милая барышня, не надо приходить в отчаяние: вы долго не останетесь здесь.

— Ты думаешь?

— Ренэ готовит для вас хорошенький домик около улицы Гранд-Бательер... Настоящий дворец, по его словам.

Сарра пожала плечами.

— Если ты дашь мне возможность убежать, то я утрою сумму.

Грибуль покачал головой.

— Хоть удесятерите ее, все будет напрасно, — сказал он. — Ренэ вскипятит меня в масле или изжарит на углях.

Сарра с беспокойством прождала Ренэ весь день. Ренэ не пришел.

Вечером она почувствовала жажду и хотела выпить принесенное ей Грибулем вино, но побоялась, что в этот напиток подсыпано снотворное, и весь день и всю следующую ночь ничего не пила и не ела.

На рассвете она услышала визг отодвигаемых задвижек и звук ключа, который поворачивали в замке. Вошел флорентинец.

Ренэ победоносно улыбался.

— Ну, милое дитя, — спросил он, — мы рассудительнее сегодня?

Сарра снова схватила нож, служивший ей орудием обороны против Ренэ.

— Отойди! Не приближайся, негодяй! Выслушай меня... Быть может, мы и сговоримся, — спокойно продолжала Сарра, — с тем условием, однако, что вы не подойдете ни на шаг.

Ренэ, сам развращенный до последней степени, видел повсюду разврат. Он вообразил, что по зрелому размышлению ювелирша решила принять его любовь, но на известных условиях.

«Она хочет, чтобы я женился на ней», — подумал он.

Он сел в позу человека, решившего терпеливо слушать.

— Говорите, сударыня, я слушаю.

Сарра все еще сжимала рукоятку ножа.

— Господин Ренэ, — спокойно сказала она как человек, решившийся подтвердить на деле сказанные слова, — я тысячу раз предпочту смерть позору вашей любви.

— Гм! — усмехнулся Ренэ. — Вы не особенно вежливы, сударыня.

— Но я не хочу умирать.

— В таком случае полюбите меня.

— Сударь, — продолжала Сарра, не смущаясь нахаль-

ным тоном флорентинца, — я не хочу умирать и потому могу дорого заплатить за свою свободу.

Ренэ вздрогнул.

— Мы здесь одни, — продолжала Сарра, — и я думаю, что никто нас не слышит. Значит, мы можем говорить откровенно. Это вы убили Самуила Лорио, моего мужа.

— Сударыня! — сказал Ренэ, побледнев.

— Это вы! — повторила Сарра. — У вас была двойная цель: похитить меня и ограбить наш дом.

— Берегитесь! — вне себя от гнева крикнул Ренэ.

— Но вы не нашли ни меня, ни сокровищ, — закончила ювелирша. — Я одна могу указать, где находятся сокровища, и отдать их вам. Я предлагаю их вам за мою свободу.

— Я женюсь на вас и получу жену и сокровища, — дерзко ответил фаворит Екатерины.

— Вы ошибаетесь, — возразила ювелирша, — если вы не решитесь немедленно, я всажу этот нож в сердце и унесу в могилу тайну моего мужа Самуила Лорио: и вы не получите ни его жены, ни сокровищ.

Ренэ понял, что Сарра способна привести в исполнение свою угрозу и что ему придется отказаться от всего.

Подавив крик бешенства, готовый вырваться у него при виде обольстительной красоты молодой женщины, он взглянул на Сарру с сожалением и прошептал чуть внятно:

— Хорошо, я согласен...

Сарра решила пожертвовать всем своим состоянием, чтобы увидеть своего дорогого Генриха и избавиться от ненавистой любви Ренэ-флорентинца.

Х
Алчность Ренэ была си
С той минуты, как он ре
исчез и перед Саррой оста
пир, хищник, обогранные кро
но считали преступно приоб
Если он только что дро
шей в свое сердце каталанс
еще сильнее при мысли, что
его сокровищ Самуила Ло
Ужас так ясно отразил
же поняла, что теперь они
Теперь уже не Ренэ п
Сарра спокойно посм
— Я честная женщи
гом, ни перед людьми и
флорентинец Ренэ, отра
священнейшими обетам
— Но... — взволн
— Если я поклянусь
дение сокровища моего
как я ступлю на земл
защищена от твоих се
сдержу свою клятву.
Ренэ побледнел, н
— Ты выпустишь
и проводишь к беарн
правляюсь в Наварр
проводить меня, и
ции, я вручу ему пи
— А если вы о

XXIII

Алчность Ренэ была сильнее любви.

С той минуты, как он решился на жертву, влюбленный исчез и перед Саррой остался только отвратительный вампир, хищник, обагренные кровью руки которого беспрестанно считали преступно приобретенное золото.

Если он только что дрожал при виде Сарры, направившей в свое сердце каталанский нож, то теперь он вздрогнул еще сильнее при мысли, что она может, убив себя, лишить его сокровищ Самуила Лорио.

Ужас так ясно отразился на его лице, что Сарра тотчас же поняла, что теперь они поменялись ролями.

Теперь уже не Ренэ предписывал, а она.

Сарра спокойно посмотрела на флорентинца и сказала:

— Я честная женщина, никогда не лгала ни перед Богом, ни перед людьми и всегда держу свое слово. Но ты, флорентинец Ренэ, отравитель, убийца, ты издеваешься над священнейшими обетами, и я не поверю твоему слову...

— Но... — взволнованно заметил Ренэ.

— Если я поклянусь тебе, что ты получишь в свое владение сокровища моего покойного мужа в тот самый день, как я ступлю на землю Наварры, где я, слава богу, буду защищена от твоих сетей, если я поклянусь тебе в этом, то сдержу свою клятву.

Ренэ побледнел, ювелирша разгадала его.

— Ты выпустишь меня отсюда, — продолжала она, — и проводишь к беарнцу Маликану, откуда я завтра же отправлюсь в Наварру. Указанный тобой человек будет сопровождать меня, и как только я переступлю границу Франции, я вручу ему письмо на твое имя.

— А если вы обманете меня? — сказал Ренэ.

— Я никогда не нарушаю клятвы, — ответила ювелирша. — Выбирай.

Ренэ все еще медлил.

— Знаешь ли ты, — продолжала она, — что мой муж Самуил Лорио имел несметные богатства, золото, драгоценности, бриллианты на баснословную сумму? Все это так хорошо скрыто, что ты напрасно снес бы мой дом на улице Урс: тебе не удалось бы ничего найти. Выпусти меня отсюда, дай мне доехать беспрепятственно до Наварры, где я найду убежище у моего друга детства, графини Грамон, и все это будет принадлежать тебе... я повторяю свою клятву.

Сарра говорила так правдиво, что убедила в конце концов подозрительного флорентинца.

— Хорошо! — сказал Ренэ.

Он отступил и, отворив дверь, добавил:

— Вы свободны.

— Отойдите дальше! — крикнула ювелирша, боясь, чтобы Ренэ не бросился на нее и не отнял у нее нож.

Ренэ отошел и пропустил ее.

Сарра вышла в коридор, все еще держа у своей груди острие ножа.

Она отворила выходившую в переулок калитку и вышла из дома.

По улице шли несколько прохожих, солнце ярко светило над крышами, и ювелирша, оглянувшись, увидела остановившегося на пороге и смотревшего ей вслед Ренэ.

Сарра была свободна.

Она бегом миновала мост Менял и прибежала к беарнцу Маликану.

Миетта стояла как раз за дверями, когда вошла Сарра. Она бросилась ей на шею и радостно закричала:

— Ах, что случилось с вами? Откуда вы?

Но вместо ответа
— Генрих?
— Спасен! — от
— Спасен? .. —

сти.
— Да, его рана не
— Ах, я хочу вид
Сарра, думая, что
наверх.

— Его нет здесь,
— Где же он?
— На улице Пр
— Ах! Пойдем!

ная ювелирша.

Миетта покачал

— Ренэ может

нами.

Но Сарра не по
нулась.

— Я уже не бо
можем пойти к Ген

— Что вы хот

— Потом... я

Сарра увлекла

ством:

— Проводи м

Миетта, не д

стала бояться Рен

Но, повинув

Сарру через лав

Жодель, сид

чиков и с улыбка

Но вместо ответа Сарра произнесла только одно имя:

— Генрих?

— Спасен! — ответила Миетта.

— Спасен?.. — повторила ювелирша вне себя от радости.

— Да, его рана неопасна, он будет жив.

— Ах, я хочу видеть его, где он?

Сарра, думая, что Генрих у Маликана, хотела взбежать наверх.

— Его нет здесь, — сказала Миетта.

— Где же он?

— На улице Претр.

— Ах! Пойдем!.. Проводи меня... — молила прекрасная ювелирша.

Миетта покачала головой.

— Ренэ может проследить... он, вероятно, шпионит за нами.

Но Сарра не поняла слов Миетты и с торжеством улыбнулась.

— Я уже не боюсь Ренэ, — сказала она, — мы смело можем пойти к Генриху.

— Что вы хотите этим сказать?

— Потом... я объясню тебе... Идем!

Сарра увлекла за собой Миетту, повторяя с беспокойством:

— Проводи меня.

Миетта, не догадываясь, благодаря чему Сарра перестала бояться Ренэ, проводила ювелиршу прямо к Жodelю.

Но, повинувшись инстинкту осторожности, она провела Сарру через лавку.

Жодель, сидя на мешке с черносливом, бранил приказчиков и с улыбкой смотрел на прекрасную Бригитту.

Бригитта пошла навстречу Миетте, а приказчики, думая, что пришла покупательница, поспешили встать в почтительные позы за прилавками из цельного дуба.

Жодель, узнавший Миетту, подошел к ней и шепнул:

— Сегодня ему лучше, гораздо лучше...

— В таком случае проводите меня к нему, господин Жодель...

Лавочник с любопытством посмотрел на Сарру, все еще одетую как беарнский крестьянин.

— Это мой двоюродный брат, — сказала Миетта, которой некогда было пускаться в объяснения.

Теперь понятно удивление Генриха при виде Сарры, бледной, дрожащей, но здоровой и невредимой, бросившейся к принцу и схватившей его руку. Генрих хотел подняться, но он был еще слишком слаб и упал на подушку, вскрикнув от боли.

— Боже мой, — воскликнула ювелирша, нежно сжимавшая его руки в своих, — вы сильно страдаете?

Генрих улыбнулся в ответ и поднес к своим губам руку Сарры.

— Я более не страдаю, — сказал он, — потому что вы со мной.

Сарра вспыхнула, а насмешник Ноэ пробормотал:

— Ювелирша выдает тайну своего сердца, и если придет сейчас принцесса Маргарита, то это будет интересно.

Чтобы прервать молчание, которое не решались нарушить ни Генрих, ни Сарра, Ноэ вскричал:

— Откуда вы явились? Что с вами случилось? Говорите, ради бога!

— Я провела два дня в заключении, — сказала, улыбаясь, Сарра.

— В заключении
— Тюремщиком
— Ренэ!
Генрих и Ноэ пер
не могли не вздрогну
— Я чуть было
шавшая таким способ
ра, вынув и показыв
ла от Грибуля.
Она рассказала
она купила свою св
— Черт возьми
чил недурную сдел
— Что мне дел
спросила Сарра.
— Мы всегда
чал Генрих.
Сарра покачал
— Ребенок м
Генрих не воз
ворили: «Вы мол
матерью».
— Вы воле
Ноэ, — но я да
бы богатство Са
флорентинца.
— Я дала к
— Она пр
Но, одоб
на Ноэ, как бы
троим».
Миетта с

— В заключении?

— Тюремщиком был Ренэ.

— Ренэ!

Генрих и Ноэ переглянулись и, как ни были они храбры, не могли не вздрогнуть.

— Я чуть было не убила себя, как Лукреция, избавившаяся таким способом от Тарквиния, — продолжала Сарра, вынув и показывая каталанский нож, который она унесла от Грибуля.

Она рассказала все, что с ней случилось и какой ценой она купила свою свободу.

— Черт возьми! — воскликнул Ноэ. — Ренэ заключил недурную сделку.

— Что мне делать с сокровищами Самуила Лорио? — спросила Сарра.

— Мы всегда найдем, куда их употребить, — проворчал Генрих.

Сарра покачала головой.

— Ребенок мой умер! — сказала она.

Генрих не возразил ничего, но глаза его, казалось, говорили: «Вы молоды и прекрасны и можете еще раз быть матерью».

— Вы вольны, сударыня, обогатить Ренэ, — сказал Ноэ, — но я даю вам слово, что употреблю все силы, чтобы богатство Самуила Лорио не попало в руки проклятого флорентинца.

— Я дала клятву, — сказала на это Сарра.

— Она права, — заметил Генрих.

Но, одобряя ювелиршу, Генрих украдкой взглянул на Ноэ, как бы желая сказать: «Не беспокойся, мы это устроим».

Миетта скромно уселась в углу и потупила глаза, пото-

му что чувствовала, как восторженно смотрел на нее влюбленный Ноэ.

Ноэ взял руку ювелирши и усадил ее в кресло, стоявшее у изголовья кровати.

Потом он подошел к Миетте и отворил окно, выходившее на улицу.

— Миетта, — сказал он шепотом.

Миетта вздрогнула, подняла глаза и сильно покраснела.

Ноэ кивнул ей головой, и она встала, подошла к окну и облокотилась на подоконник рядом с молодым человеком.

— Милая Миетта, знаешь ли ты, что я чрезвычайно доволен, что с Саррой не случилось несчастья.

— О, еще бы!..

— Но клянусь тебе, что я был бы еще более доволен, если бы ее не было здесь.

— Почему это?

— Потому что... потому что...

Миетта с удивлением взглянула на Ноэ.

— Ты не понимаешь?

— Нет.

— Однако это очень просто...

Миетта вдруг нахмурила свои черные брови и закусила губы.

— Ах!.. Я понимаю! — сказала она.

— Тем лучше!

— Принцесса Маргарита может прийти...

— С минуты на минуту или прислать Нанси.

— И она увидит Сарру... а Сарра любит принца...

— Тебе это известно так же, как и мне...

— Принцесса Маргарита любит его также...

— А Генрих любит их обеих!

— О! — воск
ем Ноэ.
— Однако
— Неужели
временно?
— Я не ска
— Но это вс
— Нисколько
час объясню.
— Хорошо,
— Смотри: (с
что встал. Генри
доказывает тебе,
— Так!
— Но пред
Ноэ, — и после
— Правда,
— Ты, знач
— Ну а если
мя, когда Сарра
— Вот это
— А если б
Миетта, — что
— Тогда Г
больше.
— Котору
— Это тру
— Но все
— Между
Но я знаю.
— Вы зн
— Да.

— О! — воскликнула Миетта, недовольная замечанием Ноэ.

— Однако это так.

— Неужели, Ноэ, можно любить двух женщин одновременно?

— Я не сказал, что одновременно, дитя мое.

— Но это все равно.

— Нисколько, — серьезно сказал Ноэ, — я тебе сейчас объясню.

— Хорошо, я слушаю!

— Смотри: Сарра сидит в кресле, с которого я только что встал. Генрих взял ее руку и нежно ее пожимает. Это доказывает тебе, что в настоящую минуту он любит Сарру.

— Так!

— Но предположим, что Сарра ушла, — продолжал Ноэ, — и после ее ухода пришла принцесса Маргарита...

— Правда, — подтвердила беарнка.

— Ты, значит, поняла, дитя мое?

— Ну а если бы принцесса Маргарита пришла в то время, когда Сарра еще была бы здесь...

— Вот этого бы мне и не хотелось...

— А если бы это случилось, — упорно стояла на своем Миетта, — что тогда будет?

— Тогда Генрих убедится, что он любит одну из них больше.

— Которую!

— Это трудно сказать.

— Но все-таки...

— Между нами, Генрих, кажется, и сам этого не знает. Но я знаю.

— Вы знаете?

— Да.

Ноэ лукаво подмигнул.

— Знаешь ли ты, — продолжал он, — за что Генрих любит принцессу?

— Нет.

— За то, что она раньше любила герцога Гиза, и для него это победа. Самолюбие играет в этой страсти большую роль. А знаешь, за что он любит Сарру?

— Нет.

— За то, что Сарра несчастная женщина, всеми обиженная, у которой один отнял ребенка, другой состояние и свободу и которая неминуемо погибла бы, если бы не нашла защитника в Генрихе.

— Ваше объяснение вполне убедительно, но какое же из этого можно вывести заключение?

— Заключение очень просто: истинная любовь та, которая покровительствует.

— Какой странный вывод!

— Однако он верен. Женщина, которую любишь, ради которой рискуешь жизнью и даже честью, это существо, оставленное всеми, позабытое даже богом, это сирота, в которой никто не принимает участия, женщина, терпящая от мужа-тирана, ребенок, умирающий от неизвестной болезни, ради которой мы изучаем самые мрачные глубины науки. Вот, дитя мое, какую женщину мы истинно любим. Хочешь теперь узнать, какую женщину мы воображаем, что любим?

Миетта смотрела на Ноэ все с большим и большим удивлением.

— Женщина эта — красавица с розовыми щечками, веселыми глазами, цветущая здоровьем, — продолжал Ноэ, — это счастливая женщина, окруженная вниманием и лестью, принцесса, обаятельная вдвойне: благодаря своему происхождению и красоте, — женщина, не нуждающаяся

ни в нашей преданности, ни в нашем попечении, ни в покровительстве.

Миетта прошептала задумчиво:

— Вы правы, Ноэ.

— В таком случае ты понимаешь, что Генрих любит Сарру и воображает, будто любит Маргариту. Итак, если придет Маргарита, то он не в силах будет скрыть от нее то, что действительно чувствует.

Миетта была поражена этой логикой и с беспокойством посмотрела на Ноэ.

— А принцесса Маргарита — наша покровительница... — заметил Ноэ.

— Она откажется покровительствовать нам... она приревнует... Сарра должна уйти... — пробормотала беарнка.

— Да, это необходимо... но как это сделать?

— Подождите... я попробую...

Миетта подошла к Сарре, придумывая какой-нибудь благовидный предлог, чтобы увести ее, когда случай, расстраивающий самые замысловатые комбинации, вмешался в это дело.

В дверь тихонько постучали, и вслед затем в комнату вошла молоденькая, хорошенькая девушка.

Это была Нанси, камеристка принцессы Маргариты. Она нахмурила брови, увидев Сарру, руку которой сжимал Генрих.

Хотя на Сарре все еще было мужское платье, но Нанси была хитра и ее нелегко было обмануть.

Она угадала если и не все, то очень многое.

У Миетты и Ноэ дрожь пробежала по телу.

XXIV

Вернемся, однако, назад.

Герцог Гиз был страшно огорчен, когда увидел, как Маргарита, с растрепанными волосами, в отчаянии оттолкнула его и бросилась к сиру де Коарассу.

— Как она любит его! — прошептал он, в бессилии падая на стул.

И этот храбрый человек, этот смелый принц, грозивший из своего лотарингского дворца Лувру и приводивший его в трепет, герой, носивший на лице знаменитый шрам, словом, Генрих Гиз, зарыдал как ребенок.

Опустив голову на руки, он просидел целый час, заливаясь слезами, с глубоким унынием смотря на комнату, где провел столько счастливых часов, на статуи, картины и флорентийскую бронзу, все, что она любила и чем он восхищался вместе с ней.

Он не обращал внимания на время, которое проходило, забыл, что он в нескольких шагах от грозной, мстительной Екатерины Медичи, поклявшейся лишить его жизни, во-первых, потому, что она хотела выдать Маргариту за принца Наваррского, во-вторых, потому, что из трех лотарингских принцев она более всех других боялась Генриха Гиза.

Прошло два часа, а герцог все еще был в комнате принцессы.

Наконец он услышал легкие шаги, шуршание платья и стук отворившейся двери.

Вошла Нанси. Она была одна.

Камеристка принцессы рассчитывала, конечно, застать принца в кабинете Маргариты. Она уже вернула свое обычное хладнокровие и присутствие духа, благодаря которым являлась подчас очень мужественной девушкой.

Она подбежала к герцогу, взяла его руку и поцеловала ее.

— О, ваша светлость!.. — сказала она.

Это восклицание было произнесено голосом, полным такого сочувствия и сожаления, что герцог вообразил, что хотя Маргарита обманула его, но Нанси осталась ему верна.

— Ах, ваша светлость!.. — повторила Нанси. — Как вы страдаете!

— Душа моя умерла! — глухим голосом сказал герцог.

Нанси опять поцеловала ему руку и прибавила:

— Все это устроила королева Екатерина.

— Королева!

— Королева, ваша светлость!

— Но зачем? С какой целью? — спросил изумленный герцог.

— Чтобы... чтобы...

Нанси не решалась закончить.

— Говори!

— Чтобы заменить вас навсегда.

— Я не понимаю...

— Я и сама сначала не понимала, а потом...

— Что же потом?.. — с нетерпением и гневом спросил герцог.

— Потом я поняла.

— Объясни.

— Королеве гораздо приятнее было бы видеть свою дочь лотарингской герцогиней, чем королевой Наваррской... если бы...

Хитрая Нанси сделала вид, что не решается досказать.

— Говори! — умолял ее герцог.

— Если бы Лотарингия не была так близка к Фран-

ции... если бы принцы вашего дома не были так честолюбивы... если бы...

— Да, — прервал запальчиво герцог, — если бы лотарингских принцев не любили во Франции, где терпеть не могут Валуа.

— Совершенно верно, ваша светлость.

И Нанси продолжала с лукавой улыбкой:

— Королева так боялась, чтобы вы не сделали лишнего шага к французскому престолу, что подумала о будущем короле Наваррском. Это мужик, деревенщина, по ее мнению, неотесанный медведь, честолюбие которого не пойдет далее того, чтобы отнять у испанского короля несколько квадратных миль в горах и несколько десятин плодородной земли. Наваррский король никогда не станет мечтать о Лувре.

— Кто знает? — задумчиво сказал герцог Гиз.

Нанси не обратила на это внимания и продолжала:

— А так как принц Наваррский не едет, а Жанна д'Альбре все еще не решается сделать своей невесткой французскую принцессу, то королева Екатерина, которую сильно беспокоило, что принцесса Маргарита любит вас, бог весть где откопала сира де Коарасса, очень остроумного и красивого гасконца!..

— Довольно! — резко прервал слова Нанси герцог.

Между тем как Нанси молчала, герцог размышлял:

«Так как сир де Коарасс не кто иной, как принц Наваррский, то я понимаю теперь цель королевы Екатерины. Она хотела, чтобы Маргарита полюбила его, прежде чем выйдет за него».

— Ну так... этот сир де Коарасс умер?

— Нет, ваша светлость.

Герцог вздрогнул.

— Он не умер, и рана его, хотя и серьезна, но несмертельна.

Герцог от злости кусал усы.

Нанси продолжала:

— Ваша светлость не понимали, что надо соблюдать политику в любви. Вы побеждены, потому что были слишком смелы.

Эта фраза, несколько туманная, заставила герцога просительно посмотреть на камеристку.

— Вы возвели сира де Коарасса в герои, вонзив ему шпагу в грудь.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ах, — продолжала Нанси, стараясь доказать то, что она говорила, — если бы вы явились сюда три часа назад, то вы пришли бы как повелитель, возвращающийся к себе, как молния, прорезывающая облака, как лев, возвращающийся в свое логово, принцесса Маргарита, начинавшая едва замечать этого Коарасса, сначала вскрикнула бы от испуга, а потом закричала бы от радости... и бросилась бы в ваши объятия... Она забыла бы о настоящем ради прошлого...

— Разве я не так поступил! — печально спросил герцог.

— Нет, ваша светлость, вы ранили де Коарасса, вы сделали его интересным, и принцесса жалеет его, потому что он ранен и при смерти, она осталась у него... и проведет там ночь.

Из слов Нанси герцог заключил, что между ним и принцессой все кончено.

— Ах, ваша светлость, — продолжала камеристка, которая солгала, что принцесса проведет ночь у изголовья кровати Генриха, — будьте мужчиной! Вытрите слезу, которая катится у вас по щеке, возьмите свой плащ и уходите!

— Уйти!

— Конечно, вашей жизни грозит здесь опасность... Герцог пожал плечами.

— Я не боюсь смерти! — гордо сказал он.

— Ах, я знаю, — возразила Нанси, — что вы безумно храбры, но...

— Но? — вздрогнув спросил герцог.

— Но храбрые не боятся смерти днем, на поле битвы, при звуке выстрелов, сверкании шпаг на солнце...

— Да! — согласился Гиз.

— А здесь ваша светлость инкогнито, вы можете умереть от кинжала наемного убийцы, и ваша смерть не оставит следа для желающих отомстить за вас.

Лицо принца омрачилось печалью.

— Молчи, Нанси, молчи! — сказал он. — Иначе на меня нападет страх, чтобы не сбылось предсказание, сделанное мне в юности.

— Предсказание?

— Да, — мрачно ответил герцог.

Нанси не решалась спросить его.

— Вообрази, Нанси, — продолжал герцог, — этому прошло уже около пятнадцати лет. Стояла зима, река была покрыта льдом, небо серо, а крыши Нанси все в снегу, в нашем старом герцогском дворце было холодно.

Прижавшись лбом к окну в большой зале, где сидел герцог, мой отец, я смотрел, как на дворе паж и слуги играли в снежки.

Во двор вошел нищий и протянул руку, прося милостыню. Слуги оттолкнули его, а один из пажей бросил ком снега в его белые, как снег, волосы.

Хотя я был ребенком, но уже знал, какое уважение дол-

жно оказывать старости, и я бросился во двор вне себя от гнева и негодования.

Я ударил пажа по лицу, прогнал слуг, взял старика за руку и привел в залу, там я усадил его у камина и с почтением сказал ему:

— Обогрейтесь и отдохните.

Герцог, отец мой, был тронут моим поступком, он посадил старика с собой обедать и отпустил его только на другое утро, подарив ему кошелек, полный золота.

— А... предсказание? — спросила Нанси.

— Подожди, — продолжал герцог, — старик, уходя, посмотрел на меня пристально и сказал: «Вы будете великим принцем, храбрым генералом, искусным политиком и ваша достоправная жизнь будет увенчана прекрасной смертью».

«Каким образом я умру?» — спросил я его, смеясь.

«Вы умрете по приказанию короля, которого вы заставите трепетать в его дворце».

Хотя я был ребенком в то время, но запомнил его слова и... Нет, я не хочу верить этому предсказанию!

— Уходите, ваша светлость! — умоляла Нанси. — Уходите!

— Ты права, дитя мое!

Герцог взял перо и написал на пергаменте:

«Прощайте, Ваше Высочество, я возвращаю вам ваши клятвы... Любите того, кто любит вас... Я прощаю вас.

Генрих».

Он отдал письмо Нанси, поцеловал камеристку в лоб и ушел, вздохнув в последний раз.

В то время как по распоряжению Маргариты раненого Генриха Наваррского переносили в дом Жоделя, а Генрих

Гиз провел в отчаянии два часа в комнате принцессы, Ренэ-флорентинец похитил Сарру и отвел ее в дом акробата Грибуля.

Читателю уже известно, что произошло между флорентинцем и ювелиршей.

Ренэ поручил свою пленницу надзору акробата и вернулся на мост Святого Михаила.

Паола в сопровождении Годольфина вошла в лавку, откуда бежала несколько дней назад, она снова водворилась в своей комнате, и, точно ее волнение сразу утихло с ее возвращением в свой дом, она принялась за свои обычные занятия.

Тогда Годольфин вообразил, что он может потребовать награды за свою услугу.

Награда эта заключалась для него в улыбке и нескольких ласковых словах, сказанных Паолой.

Но молодая девушка смерила его взглядом, полным презрения, и надменно сказала ему:

— Чего тебе нужно, презренный?

— Ничего... — пробормотал сомнамбула, — однако я не заслужил, чтобы вы говорили со мной так...

— Я презираю тебя, — сказала Паола.

— За что?

— За то, что ты изменник.

— Кого же я предал?

— Ноэ.

— Я изменил ему ради вас... потому что я люблю вас.

— А я ненавижу тебя! Убирайся! — крикнула молодая девушка, гордо указывая ему на дверь.

Годольфин вышел с опущенной головой, со злобой и отчаянием в сердце.

Немного погодя пришел Ренэ.

Паола побежала
— Ну, что? —
В голосе ее слы-
Ренэ обещал ей, что
— Он опасно ра-
— Кто? Ноэ?
жаждало мщения.
— Нет, сир де К-
— Ах, — сказа-
тому что ей было бо-
расс.

— Завтра наст-
— Да услышит
ная итальянка, люб-
висть.

В эту минуту р-
— Ого! — ска-
Годольфин по-
Вошел герцог
Герцог вернул
собой, стараясь п-
был спокоен и гр-

— Ренэ, —
из Парижа и хот-
тельства, соедин-
де Коарасс жив-
настанет день, н-

— Пфуй! —
Коарассом, нич-
Герцог нах-
— Он беа-
он представляе-

Паола побежала ему навстречу.

— Ну, что? — спросила она.

В голосе ее слышалось беспокойство, глаза блестели. Ренэ обещал ей, что он отомстит за нее.

— Он опасно ранен... быть может, умер...

— Кто? Ноэ? — спросила Паола, сердце у которой жаждало мщения.

— Нет, сир де Коарасс.

— Ах, — сказала она тоном обманутого ожидания, потому что ей было безразлично, жив или умер сир де Коарасс.

— Завтра наступит очередь твоего любимца.

— Да услышит вас бог, отец!.. — прошептала мстительная итальянка, любовь которой перешла в страшную ненависть.

В эту минуту раздался стук в окно.

— Ого! — сказал Ренэ.

Годольфин пошел отпереть.

Вошел герцог Гиз.

Герцог вернулся из Лувра, он был бледен и едва владел собой, стараясь преодолеть свое бешенство, но внешне он был спокоен и грустно улыбался.

— Ренэ, — обратился он к флорентинцу, — я уезжаю из Парижа и хотел повидаться с тобой, потому что обстоятельства, соединившие нас сегодня, соединят нас снова... Сир де Коарасс жив... Он не умер, — прибавил герцог, — и настанет день, когда мы очутимся лицом к лицу.

— Пфуй! — сказал флорентинец с презрением. — С Коарассом, ничтожным дворянином.

Герцог нахмурил брови.

— Он беарнец, а для меня, — продолжал Генрих, — он представляет Наварру. Выслушай меня, Ренэ, близок час,

когда гугеноты и католики разделятся на два враждебных лагеря. Я не знаю, кто сделается главой первых, но клянусь тебе, что я с нынешнего же дня дал себе слово смертельно ненавидеть кальвинистов и преследовать их.

Герцог, не желая пускаться в более подробные объяснения, пожал руку Ренэ, вышел из лавки и исчез в темноте.

Час спустя он скакал по дороге в Нанси, увозя в глубине своего сердца смертельную ненависть к Генриху, будущему королю Наварры, возлюбленному прекрасной Маргариты, которую он, герцог Гиз, так страстно любил!

XXV

Ноэ страшно испугался, увидев входящую Нанси.

Генрих же был в эту минуту так занят прекрасной ювелиршей, что легкий румянец выступил у него на щеках.

Одна только Сарра осталась спокойна. Было ли ей известно о любви Маргариты к сирю де Коарассу, несмотря на все старания Генриха скрыть от нее эту любовь, или она все сразу угадала, — это трудно решить, но достоверно то, что она не покраснела и не побледнела и, не переставая улыбаться, продолжала держать в своих руках руку молодого принца, ни один мускул ее прекрасного лица не дрогнул.

Спокойствие ювелирши тотчас же вернуло Генриху хладнокровие.

— Здравствуй, малютка Нанси, — сказал он.

— Здравствуйте, господин Коарасс.

— Посмотри на этого молодого человека.

Генрих глазами указал ей на Сарру.

— Этот молодой человек — женщина, господин Коарасс, — сказала Нанси.

— Ага! Ты знаешь в этом толк.

— Немножко.
гариты.
— Может быть.
Говоря это, при
На розовых губах
— Наверное, это
зала она.
У Сарры хватало
бы покраснеть.
— И которую..
прибавила Нанси, г
— Вы ошибаете
— Так! — в се
ревнуешь ли ты, мо
— Во всяком с
ответила камеристк
Генриха раздра
но он все-таки про
— Как, дитя м
ристка, паж в юбк
угадала?
— Я угадала
что она так же, к
Маргарита прекр
торожности, —
— Что ты э
— В этом до
на то, что вас п
ограждены от о
— Конечно
принц Наварре
может справит

— Немножко, — скромно ответила камеристка Маргариты.

— Может быть, ты знаешь эту женщину, малютка?

Говоря это, принц посмотрел на ювелиршу.

На розовых губах Нанси появилась улыбка.

— Наверное, это женщина, которая вас любит, — сказала она.

У Сарры хватило героизма улыбнуться, вместо того, чтобы покраснеть.

— И которую... вы тоже, может быть, любите?.. — прибавила Нанси, грозя пальцем принцу.

— Вы ошибаетесь, — холодно возразила ювелирша.

— Так! — в свою очередь заметил принц. — Уж не ревнуешь ли ты, моя милая Нанси?

— Во всяком случае не за себя, господин Коарасс, — ответила камеристка.

Генриха раздражало насмешливое хладнокровие Нанси, но он все-таки продолжал:

— Как, дитя мое, ты — лукавое создание, хитрая камеристка, паж в юбке, знающий и видящий все, — и вдруг не угадала?

— Я угадала, что эту госпожу зовут Саррой Лорио, что она так же, как и вы, жертва Ренэ... и что принцесса Маргарита прекрасно поступила, приняв некоторые предосторожности, — серьезным тоном сказала Нанси.

— Что ты этим хочешь сказать?

— В этом доме, несмотря на преданность его хозяина и на то, что вас привезли сюда ночью, вы только отчасти ограждены от опасности.

— Конечно, милая Нанси, — жалобно пробормотал принц Наваррский, — в данную минуту каждый ребенок может справиться со мной.

— У Ренэ нюх старой охотничьей собаки, — продолжала камеристка, желая похвастать своей логикой, — если бы вы были здесь один, и то ему удалось бы открыть ваше убежище, а теперь, когда с вами эта дама, он найдет вас еще скорее. Две куропатки оставляют всегда больше следов, нежели одна.

— Совершенно верно.

— Я уйду, — сказала Сарра, поспешно вставая.

— Напрасно, сударыня.

— Почему?

— Потому что принцесса Маргарита, принимающая участие в господине Коарассе, нашла для него другое убежище.

— Вот как? — заметил Генрих.

— Более приятное и безопасное...

— Где же оно находится? — спросил принц, взглянув на Нанси.

— На берегу Сены.

— В верховье или в устье?

— Это довольно красивый дом, известный под названием Лувр.

У Ноэ, не перестававшего, несмотря на то, что он разговаривал с Миеттой, следить за каждым их словом и движением, вырвался возглас удивления.

В то же время прекрасная ювелирша слегка побледнела и подумала:

«Боже мой, если он уедет в Лувр, я его больше не увижу!»

— Ты с ума сошла! — сказал между тем принц.

— Да нет же, господин Коарасс.

— Как! Принцесса Маргарита хочет перевезти меня в Лувр?

— Да.

— Значит, королева...

— Ренэ уже почти...

довольно сильно стис...

вы-матери, то она чув...

чему служит то, что о...

— С кем?

— С королем, к...

Генрих подумал...

спрятать его или в...

второй.

Но Нанси тот...

ние.

— Король взя...

ности.

— Король!

— Ну да, бо...

Мирон, брат куп...

вязки.

— Я брежу...

лю все известно...

— Да, коро...

вас.

— Когда?

— Сегодня...

Ювелирш...

— Она в...

ка, — об инт...

торой вы очу...

— Марг...

кликнул Ген...

— Да.

— Значит, королева Екатерина умерла... а Ренэ утопился...

— Ренэ уже почти совсем перестал хромать, хотя Кабош довольно сильно стиснул ему ногу, что же касается королевы-матери, то она чувствует себя прекрасно, доказательством чему служит то, что она только что уехала в Сен-Жермер.

— С кем?

— С королем, который охотится сегодня.

Генрих подумал, что Нанси и Маргарита условились спрятать его или в комнате первой из них, или в будуаре второй.

Но Нанси тотчас же разрушила это предположение.

— Король взял на себя позаботиться о вашей безопасности.

— Король!

— Ну да, боже мой!.. И его доктор, знаете, добряк Мирон, брат купеческого старосты, будет делать вам перевязки.

— Я брежу... — прошептал Генрих, — значит, королю все известно!..

— Да, король знает все. Принцесса ходила просить за вас.

— Когда?

— Сегодня.

Ювелирша еще более побледнела.

— Она все рассказала ему, — продолжала камеристка, — об интригах Ренэ, гнев королевы и опасности, в которой вы очутитесь, как только заживет ваша рана...

— Маргарита — ангел! — довольно необдуманно воскликнул Генрих, позабыв, что женщина, сидевшая в ногах

его кровати, тоже любит его и, быть может, даже сильнее, чем Маргарита.

«Прекрасно! — подумала Нанси, заметившая бледность ювелирши. — Я задела ее за живое... Она любит его!.. Бедная Маргарита!..»

— Итак, король становится моим покровителем? — спросил Генрих.

— Против всех.

— Вот как!

Принц недоверчиво улыбнулся. Улыбка эта обидела Нанси.

— Разве вы не верите в покровительство короля? — спросила она.

— О, конечно, верю...

— Но почему вы это так странно сказали?

— Это потому, что... — Генрих остановился.

— Почему же? — обиженно спросила Нанси.

— Я только ничтожный дворянин, сир Коарасс.

— Ну так что же?

— А герцог Крильон — вельможа, с которым монархия всегда считалась...

— Продолжайте...

— Герцог Крильон был другом короля... Благодаря ему, чуть не колесовали Ренэ... однако...

Нанси, увидев, что Генрих собирается рассказать луврские тайны, остановила его.

— Однако, — продолжал принц, — когда королева Екатерина потребовала его изгнания, она добилась своего.

— Вы передаете луврские сплетни, — пробормотала Нанси.

— Я слышал это от Пибрака.

и все.
— Герцог Крильон

— Прекрасно, —
что случится со мной,

— Что же?

— Меня пошлют

Нанси расхохотал

— Ах, господин

жется, начинаете тру

принцессе Маргарит

— Замолчи, сум

— Вот и она, —

конник.

Он увидел на ул

носилки, на дверца

ции, носильщики б

какие носили все сл

силок шел алебард

Генрих взгляну

си.

Нанси была х

которых говорят,

Она угадала м

— Я понимаю

Лорио тоже увез

— Чтобы в

Генрих.

— И иметь

— Тс!

Приказани

дверь отворила

Маргарита

— Герцог Крильон попросту уехал в свое поместье, вот и все.

— Прекрасно, — смеясь, заметил принц, — а знаете, что случится со мной, не имеющим поместья?

— Что же?

— Меня пошлют на Гревскую площадь.

Нанси расхохоталась.

— Ах, господин Коарасс, — сказала она, — вы, кажется, начинаете трусить. Если бы вы так заговорили при принцессе Маргарите, она, пожалуй, разлюбила бы вас...

— Замолчи, сумасшедшая!..

— Вот и она, — сказал Ноэ, облокотившийся на подоконник.

Он увидел на углу Сен-Жерменской площади крытые носилки, на дверцах которых был изображен герб Франции, носильщики были одеты в желтые с голубым ливреи, какие носили все слуги принцессы Маргариты. Впереди носилок шел алебардщик, а позади — пажи Готье и Рауль.

Генрих взглянул сначала на ювелиршу, а потом на Нанси.

Нанси была хитрым и проницательным созданием, про которых говорят, что от них не укроется ничто.

Она угадала мысль Генриха и шепнула ему:

— Я понимаю... Вы хотите, чтобы прекрасную Сарру Лорио тоже увезли в Лувр.

— Чтобы вырвать ее из рук Ренэ, — наивно заметил Генрих.

— И иметь ее подле себя.

— Тс!

Приказание замолчать было излишне: в эту минуту дверь отворилась и в комнату вошла принцесса Маргарита.

Маргарита сияла от радости.

Несколько часов спустя король Карл IX возвращался в Лувр из Сен-Жермена, где он затравил десятирогого оленя.

Королева Екатерина ехала верхом рядом с ним, окруженная придворными.

Король был в хорошем расположении духа, королева-мать улыбалась.

Нужны были три условия для того, чтобы король был в хорошем расположении духа:

во-первых, спокойно проведенная ночь, во время которой он не страдал от болезни сердца;

во-вторых, удачная охота, во время которой собаки не попадали на ложный след;

в-третьих, и это главное, нужно было, чтобы королева Екатерина не говорила с ним ни о политике, ни о религиозных распрях.

Эти три обстоятельства, удачно соединившиеся в этот день, обратили обыкновенно угрюмого и вспыльчивого Карла IX в приятного, снисходительного монарха.

Для того чтобы королева Екатерина улыбалась, нужны были тоже три обстоятельства: ее астролог Ренэ должен был предсказать ей по звездам, что герцог Гиз умер насильственной смертью, или что в один прекрасный день гугеноты и король Наваррский задушили друг друга, или что королева Жанна д'Альбре после свадьбы сына с принцессой Маргаритой подавилась рыбьей костью, отчего неминуемо должна была последовать ее смерть.

Или же нужно было, чтобы король подписал приказ об аресте какого-нибудь вельможи из числа ее врагов, признанного, справедливо или нет, виновным в измене.

Или же, наконец, — и тогда королева улыбалась особенно счастливой улыбкой — нужно было, чтобы королеве

удалось выпросить у короля разрешение приказать утопить или втихомолку зарезать какого-нибудь дворянина, виновного, по ее мнению, в измене, но которого парламент, быть может, не нашел бы виновным в этом преступлении.

В течение целого дня королева Екатерина, казавшаяся помолодевшей на двадцать лет, галопировала около короля, и придворные говорили между собой:

— Королева Екатерина, занимаясь алхимией со своим любимцем Ренэ, наверное нашла какой-нибудь таинственный напиток, который в течение одной ночи вернул ей двадцать лет жизни.

В ту минуту, когда королевский кортеж въехал под своды Лувра, королева-мать нагнулась к королю и спросила его:

— Ваше Величество может принять меня сегодня вечером?

— С удовольствием, Ваше Величество.

— Между восемью и девятью часами, в вашем кабинете...

— Конечно.

— Мне нужно сообщить Вашему Величеству нечто.

Карл IX нахмурил брови.

— Вы опять хотите говорить со мной о политике?

— Нет, государь.

Король вздохнул свободно.

— В таком случае приходите, мы поиграем в ломбер.

— Хорошо, — сказала королева.

— Как досадно, что бедный сир Коарасс находится в таком жалком положении, — прибавил король.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила королева, привскочив в седле.

Ренэ приходил утром в Лувр, но по некоторым сообра-

жениям не решился рассказать королеве ни о своей встрече с герцогом Гизом, ни о любви принцессы Маргариты к Генриху, ни, наконец, о дуэли Генриха с герцогом Лотарингским.

— Сир Коарасс прекрасно играл в ломбер, — продолжал король.

— Как! Он умер?

— Нет, но он при смерти.

— Что же с ним случилось?

— Он поссорился вчера в одном кабаке и ранен в грудь.

— Неужели! — воскликнула королева, глаза которой заблистали злобной радостью.

— Я очень любил этого бедного сира Коарасса, — прибавил король, — он был славный охотник, прекрасный игрок... Он был чрезвычайно умен.

— О нем-то я и хотела поговорить с Вашим Величеством.

— В самом деле?

Карл IX удивился.

— Ах, да, — вспомнил он, — мне говорили, что он занимается колдовством и даже довольно удачно предсказывал вам. Правда это?

— Я расскажу вам об этом вечером.

Королева соскочила с лошади и отправилась в свои покои, между тем как Карл IX пошел к себе, подсмеиваясь исподтишка.

В его кабинете, соседнем со спальней, короля ожидала принцесса Маргарита.

— Ну что? — спросил Карл IX.

— Все сделано, — ответила Маргарита.

— Он там?

— Да.

— Как он перене-
— Прекрасно.
— Мирон видел
— Мирон руча-

дней.

— Отлично! —

— И если Ваше

вительствовать ему

— Ах, боже м

ответил король.

Маргарита взд

— Мне приде

весь день улыба

ется...

— Тогда обн

рава, — прошепт

— Но успок

будем сильны...

Король обн

бинета и проше

комнату, где п

Коарасса.

У изголовья

— Здравств

и ласково улы

Король

— Ну и

сил Карл IX

— Как он перенес переезд?..

— Прекрасно.

— Мирон видел его?

— Мирон ручается за то, что вылечит его в несколько дней.

— Отлично! — заметил король.

— И если Ваше Величество будете продолжать покровительствовать ему... — продолжала Маргарита.

— Ах, боже мой, милый друг, это не так-то легко, — ответил король.

Маргарита вздрогнула.

— Мне придется поссориться с матерью. Сегодня она весь день улыбалась мне, а ты знаешь, что когда она улыбается...

— Тогда обнажаются кинжалы и в воздухе носится отрава, — прошептала Маргарита.

— Но успокойся, дитя мое, — сказал король, — мы будем сильны... и хитры...

Король обнял Маргариту, потом отправился в свой кабинет и прошел к двери направо, ведущей в маленькую комнату, где по его приказанию поместили мнимого сира Коарасса.

У изголовья кровати больного были Мирон и Ноэ.

— Здравствуйте, дорогой сир, — сказал, входя, король и ласково улыбнулся Генриху.

XXVI

Король сел, а Ноэ почтительно встал.

— Ну как ваше здоровье, господин Коарасс? — спросил Карл IX.

— Ах, государь, — ответил принц, — Ваше Величество так добры ко мне, что мне кажется, я никогда не чувствовал себя лучше.

Король улыбнулся.

— Вы льстите, господин Коарасс, — заметил он и, взглянув на Мирона, спросил:

— Что ты думаешь о ране господина Коарасса, Мирон?

— Придись рана на дюйм выше или ниже, вправо или влево, и господин Коарасс был бы убит, — ответил Мирон. — Но ему повезло, и его рана зарубцуется в несколько дней.

— Значит, тогда вы будете в состоянии играть в ломбер, сир? — спросил король.

— О, конечно, Ваше Величество.

Король сделал знак Мирону.

— Пойди в мою комнату с господином Ноэ, — сказал он. — Ты найдешь там принцессу Маргариту, и вы побеседуете все вместе. Мне надо сообщить кое-что господину Коарассу.

Мирон и Ноэ поклонились и вышли. Король встал, затворил дверь и снова сел у изголовья постели Генриха.

Принц был немного удивлен, но оставался спокоен, потому что Карл IX был в прекрасном настроении.

— Господин Коарасс, — сказал он ему, — я в большом затруднении.

— В самом деле, Ваше Величество?

— Я уподобляюсь скале, которую разбивают два противоположных течения.

Генрих посмотрел на короля.

— Один из этих потоков — королева-мать, королева Екатерина.

Генрих вздрогнул.

— Другой. — про
гарита.
Легкий румянец
Но он все-таки пр
— Как, Ваше Вел
цесса Маргарита не с
— Нет, сир.
— Странно!
— Раньше они б
— Что же тепер
— Теперь межд
— Я, Ваше Вел
— И вы, мой ми
ко раздора, о котор
— Но, Ваше В
— Сестра Мар
просила меня перев
— Принцесса
— Так как я о
Коарасс...
— Ваше Вел
чайную милость и
— Как видит
го, но...
Карл IX зам
Генрих ждал
Король про
— Но, доре
ром о том, что
— Я, Ваше
— Короле
того и жду, что

— Другой, — продолжал Карл IX, — принцесса Маргарита.

Легкий румянец залил лицо молодого принца.

Но он все-таки притворился удивленным и спросил:

— Как, Ваше Величество, королева Екатерина и принцесса Маргарита не согласны между собой?

— Нет, сир.

— Странно!

— Раньше они были согласны, но теперь...

— Что же теперь? — с наивным видом спросил принц.

— Теперь между ними встали вы...

— Я, Ваше Величество?

— И вы, мой милый Коарасс, очень напоминаете яблоко раздора, о котором рассказывает старик Гомер.

— Но, Ваше Величество...

— Сестра Марго взяла вас под свое покровительство и просила меня перевезти вас сюда.

— Принцесса слишком добра.

— Так как я очень люблю Марго, а немножко и вас, де Коарасс...

— Ваше Величество изволит оказывать мне чрезвычайную милость и честь...

— Как видите, я исполнил все, о чем меня просила Марго, но...

Карл IX замолчал.

Генрих ждал с нетерпением.

Король продолжал:

— Но, дорогой сир Коарасс, я не знал еще сегодня утром о том, что вы не в ладах с королевой Екатериной.

— Я, Ваше Величество?

— Королева до такой степени сердита на вас, что я только того и жду, что она попросит меня засадить вас в Бастилию.

— Черт возьми!

— Вы ей гадали, вы насмехались над ней и над Ренэ, а вам, вероятно, известно, хоть понаслышке, дорогой Коарасс, что когда королева Екатерина и Ренэ вместе возненавидят кого-нибудь, то быстро приводят дело к концу.

— Государь, — почтительно ответил Коарасс, — я во власти Вашего Величества, и если вам угодно отправить меня в Бастилию или хотя бы на Гревскую площадь...

— Нет, — ответил, смеясь, король, — вы здесь, королева-мать об этом ничего не знает, Мирон и ваши друзья будут хранить тайну, а я разрешу королеве Екатерине искать вас повсюду, где вас нет.

— Ваше Величество, значит, думаете, что королева-мать очень сердится на меня? — спросил Генрих.

— Я уверен в этом.

— И она хочет жестоко наказать меня?

— Могу вас уверить, что я не желал бы быть в вашей шкуре, — ответил король.

— Значит, Ваше Величество; как только я выздоровлю и буду в состоянии держаться в седле...

— Тогда вы прекрасно сделаете, если вернетесь в Наварру, если только...

Король лукаво посмотрел на Генриха.

— Вот что, дорогой Коарасс, я хочу задать вам вопрос: отвечайте откровенно...

— Что угодно Вашему Величеству?

— Я прекрасно знаю причину ненависти королевы Екатерины, но мне неизвестна... — Король улыбнулся еще насмешливее. — ...мне неизвестна причина симпатии к вам принцессы Маргариты.

Генрих напустил на себя самый наивный вид и ответил:

— Принцесса так добра...

— Настолько добра, — насмешливо подхватил Карл IX, — что среди ночи она отправилась за вами в кабачок Маликана, куда вас перенесли. Знаете ли вы, господин Коарасс, что все это слишком смело с вашей стороны?..

— Ваше Величество!..

— Потому что в конце концов моя сестра Марго все-таки французская принцесса.

— Ваше Величество, — смиренно ответил Генрих, — если я заслужил наказание, накажите меня.

Но король продолжал улыбаться и сказал:

— Если бы я был принцем Наваррским, то приказал бы вас колесовать на Гревской площади, но король Франции не вмешивается в такие дела.

Генрих в свою очередь улыбнулся, но он все еще не понимал, к чему клонит король.

— К сожалению, — продолжал Карл IX, — свадьба моей сестры Марго с моим Наваррским кузеном отложена, и это обстоятельство, быть может, неприятно для вас...

Король остановился, ожидая возражений сира Коарасса, но последний хранил молчание.

Тогда король продолжал:

— Вот уже скоро месяц, как моя кузина, королева Жанна д'Альбре, уведомила меня и королеву-мать о своем скором приезде в Париж. С ней должен был приехать и сын.

— В самом деле? — спросил Генрих.

— Мне кажется, дорогой сир, что к тому времени вам надо решиться на что-нибудь.

— На что же, Ваше Величество?

— Если ваша рана заживет, то вы сядете верхом на лошадь и отправитесь в Наварру или в Лотарингию. Будьте уверены, что принц Генрих непременно примет вас прекрасно.

— Я вижу, — лукаво улыбнувшись, сказал Генрих, — что Вашему Величеству известно очень многое...

— Может быть, — сказал король.

— И что мне нечего сообщить вам...

— Ах, Господи! Марго была сегодня откровенна и многое открыла мне...

— Но я все-таки готов спорить, что могу сообщить Вашему Величеству, — сказал молодой принц, — кое-что еще.

— Относительно кого?

— Относительно принца Наваррского, перед которым я несколько провинился.

— Порядочно, — ответил король. — И вы хотите мне сообщить нечто о нем?

— Да, Ваше Величество.

— Посмотрим!

Генрих приподнялся, чтобы ему было удобнее говорить, и начал:

— Прежде чем начать говорить с Вашим Величеством о Его Высочестве Генрихе Бурбонском, я хочу рассказать вам одну легенду наших Пиренейских гор.

— А! У вас в Наварре есть легенды? — заметил король.

— Да, Ваше Величество, и одну из них я хочу вам рассказать.

— Я слушаю.

— Однажды, — начал принц, — в испанских горах жил пастух по имени Антонио, который был молод и предприимчив, притом довольно красив, и, следовательно, мог быть любим за свои качества.

— Вы шутите, сир Коарасс, за что же еще можно любить пастуха?

— Ах, боже мой, Ваше Величество! Антонио был бо-

шат, и молодые девушки его деревни постоянно считали число голов его стада и экую, которые его мать вместо копилки хранила в шерстяном чулке.

— Где только не гнездится честолюбие! — заметил, смеясь, Карл IX.

— Так уж создан мир, Ваше Величество. Однажды утром старуха-мать Антонио, жившая не в Испании, а на наваррском склоне гор, сказала ему:

«Дитя мое, тебе уже скоро двадцать лет и пора подумать о женитьбе».

«Я уже думаю об этом», — ответил Антонио.

«Я нашла для тебя в семействе наших родственников, в Наварре, невесту, красивую девушку — зовут ее Маргаритой, она твоя кузина».

— Вот как: ее звали Маргаритой! — воскликнул король.

— Да, Ваше Величество.

— Что же дальше, Коарасс?

«Ты должен поехать в Наварру, — продолжала мать Антонио, — и остановиться у твоих кузенов, братьев твоей невесты».

«Хорошо! — ответил Антонио. — Если она понравится мне, то я сделаю ее вашей невесткой».

«Однако, — продолжала мать, опытная и осторожная женщина, — недостаточно жениться на девушке и любить ее, но надобно еще, чтобы и она полюбила тебя».

— Умно сказано, — заметил король.

Генрих продолжал:

— Старая мать Антонио посоветовала ему отправиться в Наварру и как-нибудь под вечер постучаться в дверь своих кузенов и в качестве простого прохожего попросить гостеприимства.

Отправился наш Антонио; вот он пришел на ферму наварцев и был принят с той сердечностью, которую жители наших гор всегда оказывают путешественникам.

Он увидел Маргариту.

— Она была красива? — спросил король.

— Поразительно, Ваше Величество.

— И он полюбил ее?

— С первого взгляда.

— Ну... а она?

— Вот тут-то и начинается мой рассказ, Ваше Величество.

— Послушаем.

— Родители молодых людей еще за много лет условились относительно свадьбы Маргариты с ее испанским кузеном Антонио, так что Маргарита выросла с мыслью, что у нее никогда не будет другого мужа.

— Значит, она его полюбила заранее?

— Как раз наоборот, Ваше Величество.

— Отчего же?

— Потому что ей рассказывали, что Антонио неотесанный медведь, живущий в самой дикой, бесплодной и печальной равнине испанской Наварры.

— Собственно говоря, причина основательная!

— Но кроме этой были, пожалуй, причины и посерьезнее...

— Вот как!..

— У Маргариты был другой кузен... которого она любила.

— Почему же она не вышла за него?

— В этом-то и вся суть: потому что ее отец и братья дали слово Антонио и потому что они из разных побужде-

ний, о которых я сейчас не буду распространяться, предпочитали иметь зятем Антонио.

— Как звали другого кузена?

— Генрихом... он жил во Франции.

— Понятно! — сказал король, догадываясь, в чем дело.

— Братья Маргариты, предупрежденные пастухом, развозившим почту из Испании в Наварру, о скором приезде Антонио, поспешили удалить другого кузена, угрожая ему смертью, если он вернется на ферму. Кузен уехал накануне того дня, когда Антонио явился просить гостеприимства. Маргарита горько плакала.

Антонио сказал ей, что он испанец и хорошо знает ее будущего мужа.

Любопытство превозмогло горе, и Маргарита начала расспрашивать мнимого путешественника о том, руку которого она была принуждена принять.

Антонио постарался насколько возможно очернить себя и сказал ей: «Антонио уродлив, зол и глуп, настоящий неотесанный медведь».

Маргарите доставляли необычайное удовольствие рассказы о всех недостатках ее будущего супруга, и она с удовольствием слушала путешественника, который показался ей молодым, красивым и не лишенным ума.

При последних словах сира Коарасса король Карл IX понял все и сказал, протянув руку молодому принцу:

— Скажите лучше, кузен, что Антонио был очень умен.

И Карл IX, узнав в сире Коарассе своего кузена и будущего зятя, Генриха Бурбонского, сказал, приложив палец к губам:

— Тс! Выслушайте меня, кузен.

— Я слушаю, Ваше Величество.

— Маргарита не подозревает, что у сира Коарасса есть еще другое имя?

— Нет.

— Ну так позвольте дать вам совет.

— Какой?

— Оставайтесь как можно дольше сиром Коарассом.

— Я так и собирался поступить, Ваше Величество.

— Марго — девушка капризная, — продолжал король, — она может разлюбить вас, когда узнает истину.

— Но я все-таки не могу без конца хранить свое инкогнито.

— Почему?

— Потому что через две недели сюда приедет королева, моя мать.

— Ну так подождите еще две недели.

— А потом еще королева Екатерина и Ренэ, может быть, заставят открыться сира Коарасса.

— Вот это другое дело, — сказал король, — но подождем еще немного, кузен.

Не успел король произнести это, как в дверь, тщательно запертую, тихонько постучались.

— Ваше Величество, — послышался голос Мирона, — не впустите ли вы Ноэ? Королева-мать идет сюда.

— Фу ты, черт возьми! — воскликнул Карл IX, открывая дверь, он увидел Маргариту, сидевшую в другом конце комнаты и разговаривавшую с пажом Раулем.

Рауль пришел спросить короля от имени королевы Екатерины, может ли он немедленно принять ее.

Надо было поторопиться спрятать Ноэ.

Король указал ему движением руки на комнату, из которой он только что вышел.

Ноэ вошел, Маргарита пошла вслед за ним.

— Не надо, чтобы королева Екатерина встретила меня здесь, — сказала она королю.

Она затворила дверь, потом подошла и взяла за руки Генриха, который, улыбаясь, смотрел на нее. Мирон и король остались одни в соседней комнате, где вскоре раздались шаги королевы-матери.

— Она пришла требовать моей смерти, — прошептал, улыбаясь, Генрих.

— Всякий живущий в Лувре имеет привычку подслушивать у дверей... сделаем и мы, как все остальные! — сказала Маргарита, заглядывая в замочную скважину и приложив к ней ухо.

XXVII

Мы потеряли из виду флорентинца Ренэ с той минуты, когда прекрасная ювелирша Сарра вышла из своей импровизированной тюрьмы на свободу. Ренэ, которого все еще мучила его необузданная страсть, хотя ее сдерживала алчность, следил глазами за удалявшейся Саррой до тех пор, пока она не завернула за угол улицы. Тогда только он обернулся и увидел стоявшего за ним Грибуля.

Грибуль был поражен.

— Ваша честь сошли с ума! — воскликнул он.

— В самом деле! — заметил Ренэ.

Грибуль напоминал кошку, которая, уже захватив когтями мышь, имела неосторожность выпустить ее около дырки, достаточно большой для того, чтобы в нее пролезла мышь, но слишком маленькой для кошки.

— Почему же я сошел с ума? — холодно спросил Ренэ.

— Потому что она ушла.

— Дурак!

— Черт возьми! — пробормотал шут. — Не стоило заставлять меня ручаться головой за то, что она не убежит.

— Она заплатила выкуп.

Грибуль в свою очередь посмотрел на Ренэ.

— Простите, — сказал он, — я думал, что ваша честь привели ее сюда потому, что... потому, что...

Грибуль медлил.

— Говори же, дурак! — нетерпеливо воскликнул Ренэ.

— Ну, я думал, что ваша честь любит ее.

— Да... но...

— И я думал, что не ради ее денег...

«Ба! — подумал Ренэ. — Я прекрасно могу открыть Грибулю, в чем суть дела».

И он сказал:

— Представь себе, что я ее безумно люблю.

— Но она, по-видимому, не отвечает вам тем же.

— Увы! Я это знаю. Когда она увидела, что я подхожу к ней, то схватила нож, который ты оставил на столе. Зачем, черт возьми, ты бросаешь ножи?

— Я виноват, но я не мог предвидеть...

— Ну хорошо! Она схватила нож и пригрозила мне, что убьет себя.

— Ну, — насмешливо заметил Грибуль, — женщины громко кричат, но они дважды оглядываются, прежде чем прибегнуть к этой крайности.

— Она поступила бы так, как говорила, — убежденно ответил Ренэ.

— Что же тогда? — спросил шут.

— Тогда, — сказал Ренэ, — я принял ее предложение.

— Какое?

— Она меня сделала своим наследником.

— Не может быть! — пробормотал Грибуль. — Я ничего не понимаю.

— Почему?

— Потому что наследуют людям только после их смерти.

— В этом ты ошибаешься. Она отдала мне все, что имеет, за то, чтобы я отпустил ее.

— Хорошо. Понимаю. Но, — лукаво заметил Грибуль, — вы можете снова схватить ее, когда получите наследство.

— Нет, — ответил Ренэ.

— Почему же?

— Потому что я вступлю во владение ее имуществом только тогда, когда она будет за пределами Франции.

Ренэ подробно рассказал Грибулю, каким образом была заключена сделка между ним и ювелиршей.

Грибуль слушал его, кивая головой.

— Увы, — прошептал он.

— Что такое? — спросил взволнованный Ренэ.

— Вашу честь обокрали.

— Она дала мне слово.

— Женщины изменчивы, — сказал шут, обладавший кое-какими сведениями из истории и видевший замок Рамбулье и знаменитую оконную раму, на который Франциск I начертил свое не менее знаменитое двуступище.

Недоверчивость Грибуля взволновала Ренэ.

— Она честная, — сказал он.

— Все может быть.

— И я поступил с ней довольно добросовестно.

— У нее, наверное, найдутся друзья?

— Чего доброго.

— Они дадут ей совет.

Это последнее предположение, высказанное Грибулем, окончательно поколебало уверенность Ренэ.

— Ты, пожалуй, и прав, — сказал он, — я попытаюсь снова захватить ее.

Ренэ в самом деле выбежал из дома, но сообразил, что Сарра, по всей вероятности, отправилась прямо в кабачок Маликана.

Он в одно мгновение перебежал Биржевой мост и Дворцовую площадь.

Но Сарра порядочно опередила его и, конечно, бежала не менее быстро, чем Ренэ.

Прибежав на Сен-Жерменскую площадь, флорентинец увидал Маликана, спокойно сидевшего у порога.

— Здравствуйте, сударь, — сказал тот.

— Здравствуй, Маликан.

— Не угодно ли вам выпить.

— Нет.

— Может, вы выпьете бутылочку старого вина?

— Нет.

— Чем же в таком случае прикажете служить вам?

Ренэ пристально посмотрел на беарнца.

— У тебя была женщина, переодетая мужчиной? — спросил он.

Или Сарра, только что ушедшая с Миеттой на улицу Претр к своему дорогому Генриху, рассказала ему все, или он сам отчасти угадал истину, только он решительно ответил:

— Да, ваша честь.

— Где же она?

— Исчезла со вчерашнего вечера.

— Правда?

— Увы! Да.

— И ты больше не видел ее?

— Нет.

Маликан, лгавший с геройским спокойствием, глубоко вздохнул.

— Маликан, Маликан, — пробормотал флорентинец, — смотри, берегись!

— Чего, ваша честь?

— Если ты лжешь, я повешу тебя.

— Ваша честь, я говорю правду.

— Ну ладно! — грубо сказал Ренэ.

Он отправился в Лувр. В Лувре не знали, что и думать относительно флорентинца. Одни считали, что он более чем когда-либо находится в милости у королевы, другие думали, что королева Екатерина вырвала его из когтей палача Кабоша только потому, что он знал множество государственных тайн. Но, по мнению последних, Ренэ впал в немилость.

Швейцарец, стоявший у ворот Лувра, должно быть тоже разделял это мнение, потому что он преградил вход алебардой и сказал Ренэ:

— В Лувр можно войти только зная пароль.

— Я знаю его, — ответил Ренэ.

— Посмотрим.

Флорентинец Ренэ так часто присутствовал при отдаче пароля, что в конце концов запомнил наизусть все употребляемые в подобных случаях слова.

Наудачу он сказал «охота».

Король, проснувшись, назначил именно это слово.

Как нам известно, король должен был в этот день охотиться в Сен-Жермене.

— Проходите, — сказал швейцарец.

Ренэ прошел прямо к королеве Екатерине.

Королева, которую Карл IX за несколько минут перед

этим попросил сопровождать его на охоту, одевалась с не-
свойственной ее возрасту кокетливостью.

Увидя входящего Ренэ, она сказала:

— Я заранее знаю, о чем ты собираешься просить
меня.

— Может быть, Ваше Величество.

— Ты хочешь знать мое мнение о сире Коарассе?

Королева произнесла эти слова с такой злой улыбкой,
что Ренэ понял, что она уже решила в душе погубить Ген-
риха.

— Подобный обманщик, — сказал он, — заслужива-
ет, конечно...

— Примерного наказания. Я разделяю твое мнение. Но
я все-таки хочу подумать.

Ренэ закусил губы.

— К тому же избавиться от него не очень-то легко...

— Почему?

— Он кузен Пибрака.

— Так что же из этого?

— И король очень любит его.

Ренэ нахмурил брови.

— Я хочу еще подумать об этом. Иди!

Королева отпустила своего бывшего любимца.

Ренэ ушел, не имея ни возможности, ни желания рас-
сказывать королеве о случившемся накануне, то есть о дуэ-
ли герцога Гиза с сиром Коарассом.

Ренэ, конечно, хотел спасти герцога и сдержать данное
ему слово. Флорентинец не сомневался в том, что сир Ко-
арасс ранен серьезно, но он был уверен в том, что тот не
умер.

Если бы Генрих умер ночью, то у Маликана не было бы
такое спокойное лицо, какое только что видел Ренэ.

Это предпо-
сколько объясн

«Меня обм-
ру и я, наверно
вероятности, м

Ренэ снова

Маликан,

глубоким почт

— Дорог

Ренэ, — меня

— Короле

нимая глупов

— Корол

один из твои

любим.

— Да, эт

— И он

— Да, с

— Кото

— Нет,

ррезная...

— А!

успокоился

— Чер

— Ты

— Я у

— В т

ведь? Я -

Это предположение, которое он сделал уже уходя, несколько объяснило ему положение дела:

«Меня обманули, — решил он, — Маликан видел Сарру и я, наверное, найду ее около Генриха, который, по всей вероятности, лежит в кабачке».

Ренэ снова отправился к дому беарнца.

Маликан, не покидавший порога своего дома, опять с глубоким почтением поклонился флорентинцу.

— Дорогой Маликан, — слащавым голосом сказал Ренэ, — меня послала к вам королева.

— Королева, господин Ренэ? — спросил Маликан, принимая глуповатый и сильно удивленный вид.

— Королева узнала, что вчера у тебя подрался на дуэли один из твоих земляков, дворянин, которого она и я очень любим.

— Да, это сир Коарасс.

— И он дрался?

— Да, с каким-то неизвестным.

— Который, говорят, серьезно его ранил?

— Нет, — спокойно возразил Маликан, — рана несерьезная...

— А! Тем лучше, — пробормотал Ренэ, — я теперь успокоился.

— Через неделю он уже будет на ногах.

— Ты думаешь?

— Я уверен в этом.

— В таком случае все идет прекрасно. Он у тебя, так ведь? Я пойду взгляну на бедного сира Коарасса.

— Его нет у меня, ваша честь.

— Не может быть!

— Клянусь вам!

— Но ведь не мог же он дойти до своей гостиницы.

— Его перенесли туда. Его друг Ноэ сходил сегодня на рассвете за хозяином гостиницы, и тот пришел с двумя служителями и носилками.

Все, что рассказывал Маликан, было так правдоподобно, что Ренэ поверил ему на слово и отправился на улицу Святого Иакова в гостиницу «Ошпаренный монах».

Гасконец Лестакад сидел так же, как и Маликан, у порога своей гостиницы.

— Здравствуйте, — сказал ему Ренэ.

Флорентинца все знали и все опасались. Его личность была страшно популярна, и если он проходил через площадь, на которой играли дети, то они притихали, кланялись и решались снова приняться за игры только тогда, когда он уже был далеко.

Лестакад отвесил Ренэ такой же почтительный поклон, как и Маликан.

— Здравствуйте, ваша честь, — сказал он.

— Как здоровье сира Коарасса? — спросил Ренэ.

— Недурно... — ответил удивленный Лестакад.

— Как недурно? Ты, наверное, хочешь сказать, что ему лучше?

— Насколько я знаю, сир Коарасс совершенно здоров, — ответил трактирщик.

— Не может быть! — воскликнул Ренэ.

— Он не ночевал здесь последнюю ночь, я думаю, не остался ли он в Лувре у своего кузена господина Пибрака.

Лестакаду удалось окончательно убедить Ренэ, когда после вопроса последнего: «Как, разве ты не знаешь, что он сегодня ночью опасно ранен на дуэли?»

Лестакад, побледнев, с горестью воскликнул:

— Ах ты, Господи!

Но горе трактирщика мало интересовало Ренэ.

— Негодяй М
ся надо мной, —

Ренэ, захлеб
Святого Иакова
отомстить за себя

К счастью для
потому что тракт
нож, у флорентин
поразмыслить.

— Для того
чтобы он знал и
су, — решил он
узнать это тольк

Ренэ повери
хаила, где он ос

Несколько
лась с королем
аудиенцию в в

Войдя в св
Ренэ.

Ренэ весел
мен Л'Оксер

Но ни Гр
запного исче

Тогда
во стал оя

— Ты
ла она, вхо

— Да, л
— Он д

— Негодяй Маликан! — сказал он. — Ты издеваешься надо мной, — берегись!

Ренэ, захлебываясь от злости, возвратился по улице Святого Иакова и перешел мосты с твердым намерением отомстить за себя и разделаться с трактирщиком.

К счастью для Маликана, а, пожалуй, и для самого Ренэ, потому что трактирщик был бы способен всадить ему свой нож, у флорентинца было достаточно времени для того, чтобы поразмыслить.

— Для того, чтобы этот негодяй солгал мне, нужно, чтобы он знал или догадывался о моей ненависти к Коарассу, — решил он. — Он не у него... Так где же? Я могу узнать это только посредством хитрости.

Ренэ повернул назад и вернулся к мосту Святого Михаила, где он оставил Паолу.

Несколько часов спустя королева Екатерина возвращалась с королем из Сен-Жермена и испросила у Карла IX аудиенцию в восемь часов вечера.

Войдя в свой будуар, королева Екатерина увидела там Ренэ.

Ренэ весь день проблуждал около площади Сен-Жермен Л'Оксерруа, где он оставил наконец Грибуля.

Но ни Грибулю, ни Ренэ не удалось открыть тайну внезапного исчезновения раненого сира Коарасса.

Тогда Ренэ решился рассказать все королеве и терпеливо стал ожидать ее.

— Ты знаешь, что случилось с Коарассом? — спросила она, входя.

— Да, Ваше Величество.

— Он дрался на дуэли и серьезно ранен?

— Нет, рана его не опасна.

— Значит, он выздоровеет?

— За ним такой хороший уход! — наудачу насмешливо сказал Ренэ.

— В самом деле? Но кто же ухаживает за ним?

— Ваше Величество, — сказал Ренэ, тотчас же принимая серьезный и озабоченный вид, — я только что вырвался из когтей Кабоша и уверяю вас, что не имею ни малейшего желания снова попасться в них.

— Что ты там плетешь? — спросила удивленная королева.

— Ваше Величество, — продолжал флорентинец, — у сира Коарасса есть большая протекция — его любит король.

Екатерина пожала плечами.

— Король сделает все, что я захочу.

— Но в нем принимает участие не один только король.

— А кто же еще?

— Принцесса Маргарита.

Королева вздрогнула и пристально взглянула на Ренэ.

— Ах, господи! — лицемерно протянул Ренэ. — Это вполне понятно.

— Почему?

— Потому что он дрался за нее, Ваше Величество.

Пораженная королева встала с кресла, на котором она сидела.

— Что ты говоришь? — воскликнула она.

— Правду, Ваше Величество.

— Господин Коарасс дрался из-за принцессы Маргариты?

— Да, Ваше Величество.

— И... с кем?

— С его светлостью Генрихом Лотарингским, герцогом Гиз, — с жестоким спокойствием ответил Ренэ.

Королева Екатерина побледнела, и из ее сжавшегося горла вырвалось только одно слово:

— Говори!!!

По повелительному тону, которым было произнесено это слово, Ренэ понял, что отныне его влияние зависит от важности сообщений, которые он собирался сделать.

— Герцог Гиз прибыл вчера вечером инкогнито в Париж.

— Чтобы увидеть Маргариту?

— Только для этого, Ваше Величество.

— И... он видел ее?

— Сначала он увидел Нанси, которая уверила его, что принцесса Маргарита больна и не может принять его.

— Значит, он был в Лувре?

— Да, Ваше Величество.

— О! — воскликнула разгневанная королева. — Какие у меня дурные слуги! Герцог давно уже должен бы сидеть в Бастилии.

— Я вполне согласен с вами, — заметил Ренэ.

— А он, конечно, уже уехал?

— В данную минуту он уже далеко от Парижа.

— Но Маргарита все-таки видела его?

— Да, Ваше Величество.

— Ну... и что же?

— Ну! Она его больше не любит...

— В самом деле? — спросила королева.

— Потому что она любит...

Ренэ медлил.

— Говори же! — гневно закричала Екатерина.

— В конце концов, — начал Ренэ, к которому вернулась смелость былых дней, — герцог Гиз прекрасно сделал,

что хорошо хватил шпагой этого негодяя Коарасса, потому что он занял его место.

— Ренэ! — с глухой злобой проговорила королева. — Остерегайся лгать!

— Я не лгу.

— Значит, Маргарита?..

— Ее Высочество покровительствует сиру Коарассу, можете быть уверены в этом, Ваше Величество.

Королева Екатерина побагровела.

— О! — прошептала она. — Если это правда, то негодяй Коарасс умрет!.. Я иду к королю.

И хотя назначенный королем час еще не настал, королева Екатерина вне себя от гнева пришла к королю, так что последний едва успел втолкнуть Ноэ и Маргариту в комнату, где лежал Коарасс.

Королева Екатерина вошла к Карлу IX бледная, как смерть, глаза ее метали молнии.

— Бедный Генрих! — прошептала Маргарита, заглядывая в замочную скважину. — Чего-то она будет просить! Боже мой!

И Маргарита, обернувшись, бросила на принца взгляд, полный любви.

— Успокойся, — сказала она, — я здесь и люблю тебя!

XXVIII

— Что случилось, Ваше Величество? — воскликнул Карл IX, увидев королеву в таком волнении.

— Я могу сказать это Вашему Величеству только наедине.

Говоря это, Ека
но стоявшего в от
Король сделал
— Уйди, голу
Мирон вышел
Тогда королев
неможении.

— Я слушаю
Говорите...

— Государь
ко минут тому на
рить с вами отно
мне час...

— Ваши час
король.

— Почему в

— Потому ч

— Простит

деть вас, госуда

— Говорите

— Итак, я х

Коарасса.

— Я знаю,

улыбаясь, Карл

— В с

успокаи

Говоря это, Екатерина взглянула на Мирона, почтительно стоявшего в отдалении.

Король сделал ему знак удалиться и сказал:

— Уйди, голубчик МIRON.

МIRON вышел.

Тогда королева Екатерина упала в кресло, как бы в изнеможении.

— Я слушаю, Ваше Величество, — сказал король. — Говорите...

— Государь, — начала королева-мать, — несколько минут тому назад я просила у вас разрешения поговорить с вами относительно сира Коарасса, и вы назначили мне час...

— Ваши часы, должно быть, испортились, — заметил король.

— Почему вы думаете, Ваше Величество?

— Потому что теперь семь часов, а не восемь.

— Простите, мне нужно было как можно скорее увидеть вас, государь.

— Говорите, Ваше Величество.

— Итак, я хотела поговорить с вами относительно сира Коарасса.

— Я знаю, о чем вы хотите просить меня, — сказал, улыбаясь, Карл IX.

— В самом деле? — спросила Екатерина, понемногу успокаиваясь.

— Сир Коарасс способный человек...

— Слишком способный, Ваше Величество.

— Он умеет предсказывать будущее по звездам...

— По крайней мере он утверждает это.

— А так как вы очень уважаете астрологов, не так ли?..

— Настоящих, — заметила королева.

— То вы пришли попросить у меня какой-нибудь милости для сира Коарасса.

Королева злобно улыбнулась.

— Наоборот, Ваше Величество, я пришла просить вас жестоко наказать этого негодяя.

— Ах, боже мой, — пробормотал Карл IX, — в чем же он провинился?

— Он издевался надо мной...

— Если так, то он будет наказан!

Екатерина задрожала от радости...

— Но как же это могло случиться?..

Королева с удовольствием умолчала бы о всех сценах колдовства и черной магии, происходивших между ней и бедным Коарассом, но король хотел знать все подробности.

Ей пришлось последовательно рассказать, как сир Коарассу удалось, благодаря ловкости и обману, снискать ее доверие и как наконец она заметила, что ее провели.

— Черт возьми, я согласен с вами, Ваше Величество. Сир Коарасс заслуживает наказания. Хотите, я посажу его на неделю в Бастилию?

Королева удивленно и почти гневно воскликнула:

— Вы шутите, Ваше Величество!

— Как?

— Я пришла просить смерти этого негодяя.

— Невозможно, чтобы вы этого хотели, — заметил король. — Знаете ли вы, что для того, чтобы повесить, сжечь или обезглавить сира Коарасса, надо восстановить старый закон моих предков о колдунах?

— Ну так восстановите его в прежней силе, государь.

— Но так как не один сир Коарасс занимается колдовством, то надо будет повесить всех виновных в этом...

— Мне неизвестно
— Во-первых, ва

А потом...

— Кто же еще?

рина.

— Вы, Ваше Ве

Королева Екате

— Вы смеетесь

— Ах, боже м

роль, — сейчас я с

обидно видеть кор

щину, смелая поли

щуюся до мелкой

звездам вместе со

что гасконский д

хотел уронить в п

хера, в сущности

Король прои

Королева Ек

решительный ша

— Ваше Ве

обманщика.

— Прекрас

— Но я со

политики.

— Ого!

— Я бу

один пре

— В

Гизе иде

— М

— З

— Мне неизвестно, чтобы еще кто-нибудь...

— Во-первых, ваш любимец Ренэ, Ваше Величество.

А потом...

— Кто же еще? — нахмурив брови, спросила Екатерина.

— Вы, Ваше Величество, — холодно сказал король.

Королева Екатерина побледнела от злости.

— Вы смеетесь, государь, — сказала она.

— Ах, боже мой, Ваше Величество, — возразил король, — сейчас я объясню вам причину. Это потому, что обидно видеть королеву Франции, из дома Медичи, женщину, смелая политика которой удивляет Европу, опускающуюся до мелкой ненависти и низкой злобы, гадающую по звездам вместе со своим парикмахером и сердящуюся на то, что гасконский дворянин, в общем очень милый человек, хотел уронить в глазах Вашего Величества этого парикмахера, в сущности негодая.

Король произнес эти слова с большой твердостью.

Королева Екатерина поняла, что ей предстоит сделать решительный шаг.

— Ваше Величество, вы правы, и я сдаюсь. Я прощаю обманщика.

— Прекрасно.

— Но я сообщу вам нечто более важное, касающееся политики.

— Ого!

— Я буду говорить с вами о человеке, который может в один прекрасный день разрушить наши наилучшие планы.

— Ваше Величество, уж не о нашем ли кузене герцоге Гизе идет речь?..

— Может быть...

— Знаете ли вы, что он был вчера здесь?..

Королева до крови закусила губы.

— Вам известно, при каких обстоятельствах герцог Гиз уехал из Парижа?

— Ах, Ваше Величество, — возразил король, — это вы сами принудили его уехать, когда был решен вопрос о браке сестры Марго с принцем Наваррским...

— Государь, вы дали мне разрешение убить герцога Гиза, если бы он вернулся в Лувр.

— Правда.

— Герцог ловко ускользнул однажды.

— Скажите лучше дважды, Ваше Величество, потому что, насколько мне известно, третьего дня ночью герцог провел в Лувре три часа.

— Я не ожидала подобной дерзости. Но он уехал.

— Положим, но он может вернуться.

Екатерина покачала головой.

— Не думаю, — сказала она, — я пришла просить у Вашего Величества о новом разрешении.

— Убить герцога Гиза?

— Его... или другого.

— Как! Другого.

— Ваше Величество, — решительно сказала Екатерина, — Марго не любит больше герцога Гиза.

— А! Тем лучше...

— Но она любит другого...

— Вот как!

— А так как важно, чтобы ее брак с принцем Наваррским не расстроился...

— Ба! — воскликнул Карл IX. — Для принца Наваррского важно жениться на французской принцессе. Но... кто же этот другой?

— Простой дворянин.

— Согласитесь, положение и происхождение и происхождение Карл IX засмеял.

— Ваше Величество.

— Особенно для.

— Государь, вы.

этим дворянином та.

— Поступить с.

— Да.

— Извините!

ский принц не про.

вы убили его, то о.

мне, чем королю.

— Однако...

— Но зареза.

шегося в красные.

глаза Маргариты.

ля... фи!

— Ваше Ве.

ва, — предупред.

— А я дума.

— Если это.

— Черт во.

что теперь я зна.

— Ну! —

— Он где.

даже в комнате.

ровый.

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

— Согласитесь, что у Марго либеральные симпатии: положение и происхождение мало значат в ее глазах.

Карл IX засмеялся.

— Ваше Величество, то, о чем я говорю, очень важно.

— Особенно для принца Наваррского.

— Государь, вы должны разрешить мне... поступить с этим дворянином так, как я хотела...

— Поступить с герцогом Гизом, неправда ли?

— Да.

— Извините! Герцог Гиз беспокоит нас. Этот лотарингский принц не прочь сделаться королем Франции. Если бы вы убили его, то оказали бы этим гораздо большую услугу мне, чем королю Наваррскому.

— Однако...

— Но зарезать бедного дворянчика, юношу, влюбившегося в красные губки, черные волосы и большие голубые глаза Маргариты, так же, как кузена французского короля... фи!

— Ваше Величество, — решительно сказала королева, — предупреждаю вас, что свадьба не состоится.

— А я думаю — наоборот.

— Если этот дворянин...

— Черт возьми, — прервал король, — мне кажется, что теперь я знаю этого дворянина.

— Ну! — спросила королева.

— Он где-то встретился с герцогом Гизом, может быть даже в комнате Маргариты, и вчерашний ухажер нанес здоровый удар шпагой своему заместителю.

— Может быть, Ваше Величество...

— Я вижу, — сказал король, — что это бедный Коарасс...

Королева утвердительно кивнула головой.

— Ваше Величество, — серьезно сказал Карл IX, — я хочу сделать вам предложение.

— Я слушаю, государь.

— Господин Коарасс виноват, даже очень виноват, что он понравился Маргарите.

— Конечно!..

— Но согласитесь, что он еще более виноват в том, что захотел низвергнуть вашего любимца Ренэ...

Екатерина снова побледнела.

— Ну конечно, — сказал король, — я посмотрю сквозь пальцы на убийство Коарасса, хотя он хорошо играет в ломбер и умный юноша...

Королева задрожала от радости.

— С двумя условиями.

— Какими же, государь?

— Во-первых, чтобы убийство взял на себя один только Ренэ. Если кто-нибудь, кроме него, дотронется до кинжала, которым будет убит бедный Коарасс, то я велю повесить его, а вас отправлю в изгнание в замок Амбуаз.

— Я согласна, Ваше Величество.

— Прекрасно!

— А второе условие?

— Вот оно. Ренэ имеет право убить Коарасса только в том случае, если он застанет его у ног Маргариты...

— Где бы то ни было?

— Идет, — добродушно согласился король.

— Ваше Величество ручается мне в этом своим словом.

— Клянусь честью короля.

— Государь, — сказала, вставая, королева, — благодарю вас за себя и за государство, для которого будет большой услугой смерть этого человека, могущего помешать союзу с Наваррой.

Карл IX поцеловал
кабинета.

Но едва она перес
вами:

— Ваше Величе
об одолжении.

— Меня, госуда

— Да, вас.

— Вы имеете пр

— Надеюсь, чт

во просить вас отд

чрезвычайно полез

Королева Екат

сдержалась и прин

— Ваше Вели

нете его, — сказа

Королева ушла

— Пожалуй,

пробормотал коро

не дворян.

Король поспе

Наваррский, Ма

разговора с коро

Королева Ел

вращением герц

ная тем, что ей у

арасса.

Она верну

По сияющ

тотчас догада

просьбу.

Карл IX поцеловал руку матери и проводил ее до двери кабинета.

Но едва она переступила порог, как он остановил ее словами:

— Ваше Величество, я в свою очередь хочу просить вас об одолжении.

— Меня, государь?

— Да, вас.

— Вы имеете право приказывать.

— Надеюсь, что, уступив вам де Коарасса, я имею право просить вас отдать мне Крильона. Бедный герцог мне чрезвычайно полезен.

Королева Екатерина почувствовала сильную досаду, но сдержалась и принудила себя улыбнуться.

— Ваше Величество, вы прекрасно сделаете, если вернете его, — сказала она.

Королева ушла.

— Пожалуй, поручение придется не по вкусу Ренэ, — пробормотал король. — Он предпочитает убивать меццан, а не дворян.

Король поспешил отворить дверь комнаты, откуда принц Наваррский, Маргарита и Ноэ слышали каждое слово его разговора с королевой, и вошел в нее, смеясь от всей души.

Королева Екатерина ушла, сильно раздосадованная возвращением герцога Крильона, но в то же время обрадованная тем, что ей удалось добиться разрешения убить сира Коарасса.

Она вернулась в свой кабинет, где ее ожидал Ренэ.

По сияющему лицу, с которым она вошла, флорентинец тотчас догадался, что король согласился удовлетворить ее просьбу.

— Ренэ, — сказала Екатерина, — король дал согласие исполнить твое желание.

— Каким образом?

— Осудив Коарасса.

— На смерть?

— Да, — холодно подтвердила Екатерина.

— Ага! Значит, его тоже подвергнут пытке, — воскликнул флорентинец, глаза которого засверкали от радости, — ему тоже будут жечь руки, дробить кости?

— Нет, ничего подобного.

Ренэ соорудил гримасу балованного ребенка, которому отказали в удовольствии.

— Нам придется удовольствоваться простым повешением?

— Нет, — снова возразила королева.

Ренэ удивленно взглянул на нее.

— Короля не очень возмутило известие о том, что Маргарита любит Коарасса, — продолжала королева Екатерина, — но он охотно согласился на его смерть.

— На какую же, наконец?

— Он дал разрешение убить его.

— Ага! Прекрасно... у меня, кстати, есть под рукой способный малый.

Королева отрицательно покачала головой:

— Ошибаешься, — сказала она.

— Неужели, Ваше Величество?

— Король желает, чтобы ты лично взялся за это дело, бедный Ренэ.

— Как? — воскликнул флорентинец.

— Король продолжает думать, что это ты убил Самуила Лорио, — насмешливым тоном продолжала королева Екатерина.

— Так что же из этого?

— А то, что по его мнению, ты сумеешь обделать свои дела сам.

— Но...

— Ах! — с нетерпением воскликнула королева. — Решайся скорее!

Ренэ соорил выразительную гримасу, глубоко вздохнул, но наконец решился.

— В таком случае, — размышлял он вслух, — я убью его сзади... между лопаток... это удар верный.

— Это уж твое дело, но есть еще одно условие.

— Какое же?

— Ты имеешь право убить Коарасса только в том случае, если ты застанешь его у ног Маргариты.

— И это неизбежно?

— Да.

— Я могу убить его тотчас же?

— Если ты увидишь около него Маргариту.

— Ну так это не так трудно!

— Почему?

— Потому что он ранен и лежит в постели, а лежащий не защищается.

— Трус! — с презрением заметила королева.

— Каждый делает, как умеет, — возразил парфюмер.

— Прекрасно, но ты думаешь, что тебе легко удастся найти около него Маргариту?

— Надеюсь.

— В самом деле?

— Черт возьми! — пробормотал Ренэ. — Я не знаю, куда его перенесли, но, наверное, скоро узнаю.

— Каким образом?

— Ваше Величество отлично понимаете, — продол-

жал он, — что принцесса Маргарита не откажется увидеть его.

— Верно.

— Значит, я сам буду и другим тоже поручу следить за принцессой. В конце концов выйдет же она когда-нибудь потихоньку из Лувра — тогда я последую за ней.

— Ну, ладно, иди! — сказала королева. — Это уж твое дело... я добила, что твой поступок останется безнаказанным... Больше я ничего не могу для тебя сделать.

— Ваше Величество, вы можете спать спокойно, — ответил флорентинец, — мы отомстим за себя.

Ренэ твердым шагом и высоко подняв голову, с улыбкой вышел во двор Лувра, где ему низко поклонились слуги и пажи.

В эту минуту какой-то придворный садился на лошадь.

Ренэ подошел и узнал Пибрака.

Пибрак собирался сесть на большую, сильную нормандскую лошадь, а два чемодана, привязанные к седлу, указывали на то, что он собирался предпринять далекое путешествие.

Ренэ предупредительно поклонился Пибраку.

Пибрак вежливо и с улыбкой ответил ему поклоном.

— Куда это вы собрались? — спросил его флорентинец.

— В Прованс, господин Ренэ, в Авиньон.

— Далекое путешествие, господин Пибрак.

— Надеюсь, что мне не придется ехать до конца.

— Почему же?

— Король посылает меня за герцогом Крильоном, и если я не догоню его в дороге, то мне придется ехать до Авиньона.

— Вы, значит, надеетесь догнать его.

— Конечно, господин Ренэ, он едет медленно назад: он едет медленно.

— Я поеду быстро.

— Значит, король

— Да, с его стороны

«Черт возьми! — мне».

— Прощайте, господин Ренэ, капитан, — простите,

Пибрак прищипнул губы и пустил его в галоп.

В течение целой недели Ренэ в очень мучительной

Ренэ обрыскал Коарасса.

Тщетны были Сарры.

Куда же она

Этот последний зол и мстителен, бардец.

Жадность Ренэ

Сарра могла

он лишился бы

В глазах

чезновение

Однако Ренэ

гой, а так как

— Конечно, господин Ренэ, герцог уехал два дня тому назад: он едет медленно, как обыкновенно едут в изгнание, а я поеду быстро.

— Значит, король возвращает герцога?

— Да, с его стороны это был только каприз.

«Черт возьми! — подумал Ренэ. — Надо поторопиться убить Коарасса. Проклятый Крильон способен помешать мне».

— Прощайте, господин Ренэ, — сказал гвардейский капитан, — простите, я тороплюсь.

Пибрак прищипорил своего рослого нормандского коня и пустил его в галоп.

XXIX

В течение целой недели королева Екатерина и Ренэ были в очень мучительном состоянии.

Ренэ обрыскал весь Париж и нигде не напал на след сира Коарасса.

Тщетны были также его поиски прекрасной ювелирши Сарры.

Куда же она исчезла?

Этот последний вопрос очень занимал Ренэ. Ренэ был зол и мстителен, но в то же время он был жаден, как ломбардец.

Жадность Ренэ была сильнее его ненависти.

Сарра могла не сдержать своего слова, и в таком случае он лишился бы сокровищ Самуила Лорю.

В глазах его это было еще важнее, чем внезапное исчезновение сира де Коарасса.

Однако Ренэ не прекращал поисков ни того, ни за другой, а так как он не мог одновременно рыскать по улицам

Парижа и сторожить у дверей и в коридорах Лувра, то он должен был взять себе помощника.

Нетрудно угадать, что помощником этим сделался Грибуль.

Грибуль ходил с улицы на улицу, заглядывал во все двери, подслушивал, шарил, но везде оставался с носом.

Его можно было увидеть бродящим близ кабачка Маликана, иногда он даже заходил туда и спрашивал стакан вина.

Маликан с презрительным видом прислуживал Грибулю, как подобает уважающему себя трактирщику, который привык принимать у себя только важных особ. Это презрение давало Грибулю основание думать, что Маликан совсем не подозревает о его отношениях с флорентинцем Ренэ.

За целую неделю Грибулю не удалось ничего ни увидеть, ни узнать.

Однако Ренэ сказал ему:

— Ты должен не упускать из виду Миетту: она, наверное, знает, куда скрылась Сарра, и ежедневно видится с ней.

Ренэ ошибался, Миетта не выходила из дома.

Каждый вечер Жодель по обыкновению заходил к Маликану выпить стакан вина, а иногда и поиграть в кости.

Но Грибуль не подозревал, что этот простой лавочник, благодаря обстоятельствам, пускался в политические хитрости.

Честный Жодель, сделавшись дипломатом, то делал тайный знак Маликану, то многозначительно улыбался Миетте.

Но Грибуль не в состоянии был понять, сколько хитрости и лукавства может заключаться в жесте и в улыбке простого и наивного торговца.

Со своей стороны флорентинец Ренэ испытывал такие же неудачи.

Он блуждал, как го-
пирога, по залам и кор-
матери, то к принцессе

Королева бесилась
шем расположении ду-
Только к королю
нута.

Король всегда чу-
типатию. Эта антипат-
ства Лорио и следую-
нажды королева-мат-
поручением к Карлу

— Если ты еще
кажу убить тебя, как
ному или пажу.

Ренэ ушел, чув-

И так он надея-
нута принцессу М-
Лувра, чтобы увид-

Эта надежда б-
точно подозревая
немножко подраз-

Однажды в я-
носилки. Ренэ, бе-
за ней.

Принцесса от-
того Клавдия и

Она просто
пыхавшись.

Одно тольк-
принцесса Мар-
Король, ка

Он блуждал, как голодная собака в поисках сказочного пирога, по залам и коридорам Лувра, заходя то к королевематери, то к принцессе Маргарите.

Королева бесилась, принцесса была в необычайно хорошем расположении духа.

Только к королю Ренэ не решался да и не мог проникнуть.

Король всегда чувствовал к флорентинцу глубокую антипатию. Эта антипатия значительно увеличилась после убийства Лорио и следующих за ним событий, так что когда однажды королева-мать послала своего любимца с каким-то поручением к Карлу IX, король гневно крикнул:

— Если ты еще раз сунешься сюда, негодяй, то я прикажу убить тебя, как собаку, первому попавшемуся придворному или пажу.

Ренэ ушел, чувствуя себя крайне скверно.

И так он надеялся только на то, что ему удастся застигнуть принцессу Маргариту, когда она будет уезжать из Лувра, чтобы увидеться где-нибудь с сиром де Коарассом.

Эта надежда была небезосновательна. Юная принцесса, точно подозревая о существовании этой надежды, захотела немножко подразнить Ренэ.

Однажды в ясную лунную ночь Маргарита потребовала носилки. Ренэ, без ума от радости, принялся издали следить за ней.

Принцесса отправилась вдоль берега реки до парома святого Клавдия и вернулась, не выходя из носилок.

Она просто совершила прогулку, и Ренэ вернулся, запыхавшись.

Одно только могло тревожить его, а именно то, что принцесса Маргарита почти каждый день обедала у короля.

Король, как говорили в Лувре, уже несколько дней со-

чинял поэму вместе с господином Пьером Ронсаром, и принцесса Маргарита, очень интересующаяся литературой, приняла участие в их работе. Однажды королева-мать зашла к королю, чтобы попросить его подписать эдикт о торговых сношениях с Англией. Карл IX подписал эдикт, но сказал королеве Екатерине:

— Ваше Величество, ремесло короля менее интересно, чем занятие поэзией. Мирон, а он прекрасный врач, уверяет, что для меня полезнее всего развлечения. Оставьте же меня развлекаться.

Королева сделала гримасу.

— Я предоставляю вам на две недели заботу об общественных делах, — продолжал король, — с условием, что вы не будете вешать гугенотов и дадите мне возможность закончить спокойно мою поэму вместе с Ронсаром и сестрой Марго.

Когда королева ушла, король, следуя своему плану, строго приказал пажам и телохранителям не пропускать к нему никого ни под каким предлогом.

Но все это не возбудило подозрений Ренэ.

Между тем вот что происходило в покоях короля.

Сир Коарасс, рана которого уже заживала, начал вставать.

Ноэ заменял ему камердинера.

Кроме короля, принцессы Маргариты и Нанси, обо всем этом знали еще только четверо, а именно: Мирон, Ронсар и пажи Готье и Рауль.

Около шести часов король садился за стол, ему прислуживали Рауль и Готье.

Карл IX сажал слева от себя сира Коарасса, а справа принцессу Маргариту, напротив короля садились Ноэ и Ронсар. О поэме не было и речи, но зато после ужина Рауль

приготавливал картошку, был сир Коарасс, а в углу — ломбер. Только пропел он о поэзии.

На восьмой день вернулся Пибрак,

Пибрак ехал так раз в то время

Перекинувшись Крыльон поспешно

— Однако, — шепчет меня, если уши этому негодной изгнания Крыльон

Пибрак вернется немедленно извне

— Черт возмущ на сира Коарасса поэму. Что вы скажете

Принцесса несколько удивилась

— Тс! — меня... При слове

Между тем начал уже считать

Однажды когда Ренэ шептал принцессе Маргарите

Две силы к горлу кинжал

приготовлял карточный стол и король, партнером которого был сир Коарасс, а контр-партнерами Ноэ и Мирон, играл в ломбер. Только принцесса Маргарита и Ронсар рассуждали о поэзии.

На восьмой день после переезда сира Коарасса в Лувр вернулся Пибрак, отсутствовавший в течение шести дней.

Пибрак ехал так быстро, что догнал герцога Крильона как раз в то время, когда последний въезжал в Невер.

Перекинувшись несколькими словами с Пибраком, Крильон поспешно повернул обратно.

— Однако, — заметил он, — король напрасно возвращает меня, если он рассчитывает на то, что я не обкорнаю уши этому негодяю Ренэ, который осмелился стать причиной изгнания Крильона.

Пибрак вернулся в Лувр вместе с герцогом, и короля немедленно известили об их прибытии.

— Черт возьми! — воскликнул Карл IX, искоса взглянув на сира Коарасса. — Пожалуй, пора мне заканчивать поэму. Что вы скажете на это?

Принцесса Маргарита взглянула на короля и казалась несколько удивленной.

— Тс! — заметил Карл IX. — Коарасс понимает меня... При случае мы все объясним тебе...

Между тем Ренэ продолжал свои бесплодные поиски и начал уже считать себя околдованным.

Однажды, как раз в день приезда герцога Крильона, когда Ренэ шел по темному коридору, ведущему в будуар принцессы Маргариты, с ним случилось странное происшествие.

Две сильные руки схватили его сзади, приставили ему к горлу кинжал, и незнакомый голос сказал:

— Не шевелитесь... не кричите... вам не сделают ничего дурного, но если вы позовете на помощь, то будете убиты...

Ренэ был трус, а так как кончик кинжала колол ему шею, то он начал сильно дрожать.

— Чего вам нужно от меня? — спросил он.

— Я хочу дать вам совет.

— Но кто вы?

— Это тайна.

Ренэ напрасно вслушивался: голос был ему незнаком.

Его увлекли в конец коридора, и там при свете лампы, горевшей на лестнице, ему удалось рассмотреть, с кем он имеет дело.

Он очутился лицом к лицу с человеком среднего роста, закутанным в широкий плащ, лицо которого было скрыто маской.

Ренэ чувствовал, однако, что этот человек был силен, а клинок кинжала, на который падал свет от лампы, заставил его быть осторожнее.

У него даже не явилось мысли схватиться за шпагу.

— Кто вы? — спросил он еще раз.

— Человек, чужой при дворе и неизвестный вам.

— Что вам от меня нужно?

— Поговорить с вами несколько минут.

— Где?

— Здесь. Мы одни.

Ренэ был очень взволнован.

— Господин Ренэ, — начал незнакомец, — вы враг сира Коарасса.

Ренэ вздрогнул.

— Какое вам до этого дело? — спросил он.

— Мне это очень важно.

— Вы друг его?

— Напротив.
Ренэ чуть не
— Я его смер
— А правду
— Да, правд
— Прекрасн
ему руку. — В т
Незнакомец
— Вы хотит
знакомец, — я
— В самом
— Король Р
нанесете ему уда
— Соверше
— И непрем
— Да.
— Вот уже
са, я знаю, где
Ренэ вскри
— Он в Л
Удивленно
— Принце
— Но где
— Идите
Незнакомец
лестнице.
— Ваш к
— Он пр
— Превос
— Я зна
пробить.
— Какую

— Напротив, я ненавижу его.

Ренэ чуть не вскрикнул.

— Я его смертельный враг, — продолжал незнакомец.

— А правду ли вы говорите?

— Да, правду.

— Прекрасно! — воскликнул Ренэ, быстро протягивая ему руку. — В таком случае заключим договор.

Незнакомец крепко пожал руку флорентинца.

— Вы хотите убить сира Коарасса, — продолжал незнакомец, — я тоже хочу этого.

— В самом деле?

— Король разрешил вам убить его с условием, что вы нанесете ему удар сами.

— Совершенно верно.

— И непременно у ног принцессы Маргариты?

— Да.

— Вот уже неделя, как вы напрасно ищете сира Коарасса, я знаю, где он.

Ренэ вскрикнул от радости.

— Он в Лувре...

Удивленный Ренэ отступил.

— Принцесса Маргарита ежедневно навещает его.

— Но где же он? — спросил взбешенный Ренэ.

— Идите за мной.

Незнакомец взял Ренэ за руку и повел его по витой лестнице.

— Ваш кинжал хорошо закален, господин Ренэ?

— Он протыкает золотой.

— Превосходно.

— Я знаю только одну кольчугу, которую он не может пробить.

— Какую?

— Ту, которую по приказанию покойного короля Генриха выковал в Милане знаменитый оружейный мастер Гуаста-Карн, когда король собирался жениться на королеве Екатерине.

— Значит, ваш кинжал не может проткнуть ее? — спросил незнакомец.

— Нет. Однажды король, герцог Крильон и я сам попытались сделать это. Клинок согнулся.

— Кожа сира Коарасса будет помягче, — заметил незнакомец.

— Надеюсь, — злобно улыбнувшись, ответил Ренэ.

Они продолжали подниматься по лестнице.

— Значит, он поместился на самом верху? — спросил флорентинец.

— Да... в комнате пажа Рауля, которая, как вам известно, соединяется дверью с другой комнатой, где раньше жила мадемуазель Гито, первая камеристка королевы. Теперь эта комната свободна и принцесса Маргарита спрятала там сира Коарасса...

— И там же она навещает его?

— Да.

— Когда?

— Слушайте, — сказал вдруг незнакомец.

Послышался бой часов на колокольне Сен-Жерменской церкви.

— Девять часов. Теперь король встает из-за стола. Через несколько минут влюбленные увидятся.

— Но как же проникнуть к ним?

— У меня есть ключ.

Говоря это, незнакомец вошел в верхний коридор и, ведя Ренэ за руку, подошел к дверям той комнаты, в которую входил герцог Гиз, переодетый в платье трактирного слуги.

Незнакомец сунул
без шума.

Комната Рауля бы-
гато. На окнах висела
стояла кушетка. На кр-
алебастровым колпак

Незнакомец, шед-
занавески и сказал Р

— Спрячьтесь зд-
Ренэ повиновался

Тогда незнакоме

дверь.

Ренэ, сердце ко-
который предпочел

Лорио, чем с сирот-
нут.

Вдруг дверь, ч-
отворилась, и на по-

Женщина эта б-
вала бархатная мас-

Она вошла, пр-
дверь, ведущую из
азель Гито.

Женщина в м-
Дверь тотчас

сир Коарасс с не-
шийся на ногах.

Женщина в м-
ке, на которую с

Генрих вста-
их к губам и пр

— О! Доре

Незнакомец сунул в замок ключ, и дверь отворилась без шума.

Комната Рауля была невелика, но убрана довольно богато. На окнах висели толстые занавески, перед камином стояла кушетка. На круглом столе горела маленькая лампа с алебастровым колпаком, бросавшая мягкий свет.

Незнакомец, шедший на цыпочках, раздвинул оконные занавески и сказал Ренэ:

— Спрячьтесь здесь... и ждите...

Ренэ повиновался, занавески опустились.

Тогда незнакомец медленно удалился и запер за собой дверь.

Ренэ, сердце которого сильно билось от волнения и который предпочел бы иметь дело со вторым Самуилом Лорио, чем с сиром Коарассом, ждал около десяти минут.

Вдруг дверь, через которую исчез незнакомец, снова отворилась, и на пороге ее показалась женщина.

Женщина эта была одета в широкий плащ, лицо ее скрывала бархатная маска.

Она вошла, прошла в двух шагах от Ренэ и постучала в дверь, ведущую из комнаты пажа Рауля в комнату мадемуазель Гито.

Женщина в маске два раза стукнула в дверь.

Дверь тотчас же отворилась, и на пороге ее показался сир Коарасс с непокрытой головой, бледный и едва держащийся на ногах.

Женщина в маске крепко обняла его и увлекла к кушетке, на которую села.

Генрих встал перед ней на колени, взял ее руки, поднес их к губам и прошептал:

— О! Дорогая Маргарита...

Ренэ быстро раздвинул занавески и, высоко подняв кинжал, бросился сзади на сира Коарасса.

Женщина в маске громко вскрикнула, но Ренэ уже успел нанести удар кинжалом принцу между лопаток.

XXX

Ренэ наметил удар как раз между лопаток и нанес его с неимоверной силой. Но каковы же были его удивление и ужас, когда кинжал переломился на три части, а принц тотчас же встал. Быстрый и страшный, как тигр, бросающийся на неловкого охотника, Генрих схватил флорентинца за руку, вырвал у него обломок кинжала и в свою очередь приставил его к горлу флорентинца.

Бледный и дрожащий Ренэ спрашивал себя, уж не сам ли сатана вселился в Генриха Коарасса и сделал кожу его неуязвимой даже для кинжала, закаленного в Милане.

Ренэ был менее изумлен несколько дней назад, очутившись в распоряжении Кабоша и его помощников, и среди орудий пытки.

Генрих с минуту держал его, точно зачаровывая своим взглядом. Между тем переодетая женщина сбросила маску, и изумленный Ренэ увидел перед собой не Маргариту, а Нанси — Нанси, шалунью и хохотунью, которая, показывая свои белые зубки, насмешливо посмотрела на него и сказала:

— Какой вы злой! Вы хотели убить моего возлюбленного как раз в ту минуту, когда он признавался мне в любви.

В эту минуту отворились две другие двери, и Ренэ с ужасом увидел входящих короля Карла IX, Пибрака, Ноэ и герцога Крильона.

— Ваше Величество,
королю, — этот ч
— Я знаю это
— Ваше Величество
лал это по приказу

Король утверд
— И Ваше Величество
рого стучали от в
— Подождите

разрешил вам уби
го, а не у ног Нан
— Убить мо
Нанси. — Фи!

— Но так ка
потому, что ты н
— Но, Ваше
— Ты будешь
суждений завтра

— Ваше Величество
— Убить не
шло, — продол
са!

Ренэ набра
— Коарасс
— Вот как
риху, сказал: —

вы называете
Услышав с
все это во сне
шаяся в запад

— Я Генрих
родившийся н

— Ваше Величество, — сказал Генрих, обращаясь к королю, — этот человек покушался на мою жизнь.

— Я знаю это, — ответил король, — и все видел.

— Ваше Величество, — пробормотал Ренэ, — я сделал это по приказанию королевы Екатерины.

Король утвердительно кивнул головой.

— И Ваше Величество, — добавил Ренэ, зубы которого стучали от волнения, — разрешили мне это.

— Подождите, Ренэ, — надменно сказал король, — я разрешил вам убить сира Коарасса у ног моей сестры Марго, а не у ног Нанси.

— Убить моего возлюбленного! — сердито заметила Нанси. — Фи!..

— Но так как покушение равносильно преступлению и потому, что ты нарушил мои приказания...

— Но, Ваше Величество, маска...

— Ты будешь повешен, Ренэ, повешен без дальних рассуждений завтра же утром...

— Ваше Величество...

— Убить ничтожного дворянчика — это еще куда ни шло, — продолжал король, — но убить господина Коарасса!

Ренэ набрался смелости и решился ответить:

— Коарассы не королевской крови.

— Вот как! — заметил король и, обратившись к Генриху, сказал: — Объясните этому чудаку, кузен, почему вы называетесь Коарассом.

Услышав обращение «кузен», Ренэ подумал, что видит все это во сне, он страшно вскрикнул, точно гиена, попавшая в западню, когда принц холодно сказал:

— Я Генрих Бурбонский, наследный принц Наваррский, родившийся в замке Коарасс.

— Как видишь, бедный Ренэ, — сказал король со свойственным ему иногда жестоким добродушием, — ты отчасти заслужил свое наказание...

— Ваше Величество, пощадите! — пробормотал Ренэ, падая на колени.

Король пожал плечами.

— Герцог, — продолжал он, обращаясь к Крильону, — я уже поручал вам одно неприятное дело, а теперь хочу поручить другое.

— Ах, Ваше Величество! — ответил Крильон. — Я согласен, но...

— Но что же? — спросил король.

— Я хотел бы подумать.

— Почему это?

— Потому что или Ренэ вступил в союз с чертом...

— Возможно!..

— Или... королева-мать...

— Ах, герцог! — гордо возразил король. — Меня могут провести, когда дело идет о мещанине, но не о принце крови.

— Если б я попросил Ваше Величество дать мне слово...

— В чем?

— Вот в чем, — сказал Крильон, окидывая Ренэ взглядом, от которого тот похолодел до мозга костей, — когда Ренэ убил купца Лорио, то городской голова и все лавочки так кричали, что Ваше Величество сочли необходимым предать виновного суду парламента. Это в принципе очень хорошо, но обстоятельства выяснили, что этот порядок судопроизводства не пригоден.

— Вы правы, герцог!

— Я стою за более простой порядок суда: Ваше Величество, вы можете быть сами судьей в этом деле.

— Объяснись.

— Ну кто такой Ренэ? Ядовитое животное, бешеная собака, гадина, от которой надо как можно скорее избавиться...

— Вот это действительно недурной портрет, — заметила Нанси.

— Он ничуть не приукрашен, — сказал король, — а действительно верен...

— Итак, — продолжал герцог, — я придерживаюсь того мнения, что от Ренэ надо избавиться как можно скорее и без всякой процедуры.

— Это верно, — заметил король.

— Ваше Величество, дайте мне слово, что ни под каким предлогом не вырвете из моих рук Ренэ?

— Ни под каким, — сухо ответил король.

— Я поступлю как палач: возьму преступника и выдам расписку.

— Отлично!

— Потом с помощью троих моих швейцарцев спущу его во двор Лувра.

— Хорошо. Что же дальше?

— Запасусь хорошей новой веревкой...

— Превосходно.

— Веревку перекинут через фонарный столб...

— Фонарные столбы крепкие, — заметил король.

— ...а на конце веревки...

— Вздернут Ренэ, — закончил король.

— Будьте спокойны, Ваше Величество, — добавил Крильон, — мои швейцарцы будут караулить у столба до утра... Двенадцати часов более чем достаточно для того, чтобы как следует повесить человека.

— И вы беретесь исполнить это? — спросил король.

— Немедленно, Ваше Величество.

— Среди ночи?

— Двери рая открыты во всякое время. Если Ренэ должен попасть туда, в чем я сильно сомневаюсь, то его так же охотно примут там в полночь, как и в полдень.

Ренэ слушал, ничего не слыша, и смотрел, ничего не видя.

— Хорошо, — сказал король, — идите, герцог.

— Я жду... Ваше Величество...

— Чего же вы ждете?

— Вашего слова, что вы отдаете мне Ренэ с правом сделать с ним все, что я захочу.

Король только хотел ответить и дать слово, как дверь отворилась и появилось новое лицо, которого, без сомнения, никто не ожидал.

Это была королева-мать, Екатерина Медичи.

Королева услышала необычайный шум, взрывы смеха, голоса короля и Ренэ и поспешила прийти.

Она остановилась на пороге, увидела сира Коарасса, спокойного, с высоко поднятой головой, презрительно смотревшего короля, герцога Крильона, спокойного, как отдыхающий лев, насмешливую Нанси, улыбающегося Ноэ, Пибрака, с лицом дипломатичного гасконца, и Ренэ, посиневшего от ужаса.

Королева сразу угадала часть правды.

Она поняла, что король насмеялся над ней и что он покровительствовал сиру Коарассу.

Она поняла также, что Нанси разыграла комедию.

Наконец, она угадала, что герцог Крильон собрался заставить Ренэ жестоко поплатиться за свою кратковременную опалу.

Глаза Екатерины
бросила на сира Коарасса
— Ваше Величество,
полнил условий.
— Почему?
— Я ему разрешил
нет его у ног принца
— И что же, Ваше Величество?
— Ренэ не сдается
— Почему?
— Он нанес удар
когда тот объяснял
Королева посмотрела
Генрих даже
— Без сомнения
давний мысль
века он чувствовал
— Ваше Величество
— Это потому
покойного короля
При последнем
— Ваше Величество
монарх, полностью
сына, который
— Ваше Величество
те вам объяснил
— Я слушаю
— Богу
Но Богу так
собственным
— Я не
Король

Глаза Екатерины метали молнии, и взгляд, который она бросила на сира Коарасса, был ужасен.

— Ваше Величество, — сказал король, — Ренэ не исполнил условий.

— Почему? — спросила королева.

— Я ему разрешил убить сира Коарасса, если он застанет его у ног принцессы Маргариты...

— И что же, Ваше Величество?

— Ренэ не сдержал слова.

— Почему?

— Он нанес удар сире Коарассу как раз в ту минуту, когда тот объяснялся в любви Нанси.

Королева посмотрела на Генриха.

Генрих даже не был ранен.

— Без сомнения вы находите, — сказал король, угадавший мысль королевы-матери, — что для убитого человека он чувствует себя довольно хорошо... не правда ли?

— Ваше Величество...

— Это потому, что я ему одолжил кольчугу моего отца, покойного короля Генриха II.

При последних словах королева побледнела от гнева.

— Ваше Величество, — сказала она, — вы король, вы монарх, полный властелин, но вы мой сын и Бог накажет сына, который смеет издеваться над своей матерью.

— Ваше Величество, — возразил король, — позвольте вам объяснить в нескольких словах мой поступок.

— Я слушаю вас.

— Богу не угодно, чтобы я смеялся над своей матерью! Но Богу также не угодно, чтобы я позволил убить в моем собственном дворце своего родственника!

— Я не понимаю вас.

Король посмотрел на Генриха.

— Кузен, — сказал он, — объясните же королеве-матери, что вас зовут Генрихом Бурбонским.

Екатерина отступила, смутившись.

— Ваше Величество, — сказал тогда Генрих, взяв руку Екатерины и преклонив колени, чтобы поцеловать ее, — простите, что я разыграл перед вами роль колдуна, достойную Ренэ.

Королева с изумлением взглянула на Генриха.

— Ах, — сказала она наконец, — я должна была бы узнать вас: вы живой портрет вашего отца Антуана Бурбонского.

— Теперь вы понимаете, Ваше Величество, — сказал король, — что при всем желании угодить вам, я не мог со спокойной совестью приказать убить того, кому вы предназначили руку моей сестры Марго.

Изумленная королева не нашлась, что ответить.

К счастью, герцог Крильон прервал молчание:

— Ваше Величество, — сказал он, — я жду вашего слова.

Говоря это, он положил руку на плечо Ренэ.

Ренэ вскрикнул и упал на колени.

— Что вы хотите сделать с этим человеком? — спросила Екатерина.

— Ваше Величество, — ответил герцог Крильон, — я жду, чтобы Его Величество король передал его в мое распоряжение.

— Что же вы хотите с ним сделать?

— Повесить во дворе Лувра.

— Ах, Ваше Величество, — сказал король с усмешкой, — вы понимаете, что иначе я не смогу удовлетворить моего кузена принца Наваррского.

— Государь... — пробормотала королева, которая все

еще чувствовала н
нему любимцу.

— Слишком
во герцогу.

Екатерина вз
«Я погиб, —

она оставляет ме

И, следуя ка
ред Генрихом.

— Ваше В
Высочество... с

— А если я
сделаешь?

— Я всю ж

— Вздор, —

— Я дам с

— Ты бои

— Я... я...

— Все это

яться. — Я х

иное...

— Говори

говорите... пр

Он с ужа

— Но не

Крильон

— Ты о

— О! —

— ...и с

Михаила.

— Мое

растрогать

еще чувствовала некоторую привязанность к своему недавнему любимцу.

— Слишком поздно, Ваше Величество: я уже дал слово герцогу.

Екатерина вздохнула, но замолчала.

«Я погиб, — подумал Ренэ, побагровев от ужаса, — и она оставляет меня...»

И, следуя какому-то порыву, он бросился на колени перед Генрихом.

— Ваше Высочество... — пробормотал он, — Ваше Высочество... сжальтесь надо мной... простите меня...

— А если я тебя прощу, — спросил Генрих, — что ты сделаешь?

— Я всю жизнь буду благословлять вас...

— Вздор, — сказал принц.

— Я дам себя убить за вас...

— Ты боишься смерти...

— Я... я... я буду вашим рабом...

— Все это сказки! — сказал принц, тоже начиная смеяться. — Я хочу предложить тебе, мой друг Ренэ, совсем иное...

— Говорите, Ваше Высочество, — умолял Ренэ, — говорите... приказывайте! Но...

Он с ужасом посмотрел на Крильона.

— Но не оставляйте меня во власти господина герцога.

Крильон что-то проворчал сквозь зубы.

— Ты очень хочешь жить?... — спросил Генрих.

— О! — воскликнул Ренэ.

— ...и спокойно отправиться домой, на мост Святого Михаила.

— Моя дочь... — пробормотал Ренэ, который хотел растрогать Генриха своим родительским чувством.

— Выслушай меня, Ренэ, — продолжал принц, — неделю назад в твоей власти была женщина...

— Вот как! — прервал король. — Кто же это такая?

— Сарра Лорио, жена купца, которого ты, Ренэ...

— Гм! — заметил Карл IX. — Не будем говорить об этом, это неприятно королеве Екатерине.

Королева закусил губы.

— И дорого она купила свою свободу? — спросил король Карл IX.

— Да, Ваше Величество.

— Сколько же она заплатила за нее?

— Она дала Ренэ слово, что ему будут принадлежать все сокровища Самуила Лорио с того дня, когда она, Сарра, приедет в Наварру.

— Самуил был очень богат, — заметил герцог Крильон.

— И вы видите, Ваше Величество, что Ренэ не пощадил Сарру.

— Конечно.

— Ну! Ренэ, друг мой, если ты согласен сначала вернуть Сарре ее слово, а потом заключить маленький договор со мной, то я попрошу господина герцога не лишать тебя жизни.

— Ах, Ваше Величество, — сказал Крильон, — вы поступаете неблагоразумно.

— Почему это, герцог?

— Потому, что если вы уступите мне Ренэ, то ему уже не нужны будут сокровища Сарры.

— Это верно. Но у него есть дочь, и Сарра будет связана словом.

— Гм! — заметил Крильон. — Все это чрезвычайно неприятно... а я хотел произвести опыт.

— Какой? — спросил король.

— Я хотел убедиться, могут ли фонарные столбы в случае необходимости вполне заменить обыкновенную виселицу.

— Я понимаю вас, герцог, но для меня важно, чтобы ювелирша не была ограблена.

Генрих посмотрел на Ренэ.

— Ну, что же ты скажешь?

Ренэ бросил вокруг себя блуждающий взгляд и ничего не ответил. Но он чувствовал, что Крильон спешит покончить с ним, и понял, что даже сама королева-мать не решится больше защищать его.

К тому же Крильон не обращал на королеву ни малейшего внимания и только ждал знака Карла IX.

— Я согласен, — пробормотал Ренэ, — я освобождаю Сарру Лорио от ее клятв.

— Хорошо! — сказал Генрих. — Это первый пункт, теперь приступим ко второму.

Ренэ посмотрел на принца: что же еще могли отнять у него?

— Ты должен обещать, — продолжал принц, — что не коснешься ни одного волоса ни моего, ни Пибрака, ни моего друга Ноэ.

— Клянусь в этом... — снова пробормотал Ренэ.

Генрих только улыбнулся на его слова.

— О, — сказал он, — в этом должен поклясться не ты.

— Кто же? — спросил король.

— Ваше Величество, — ответил Генрих, — я хочу потребовать у Ренэ клятву за поручительством королевы.

— Что вы подразумеваете под этим, кузен?

— Очень просто. Королева Екатерина даст свое королевское слово, что Ренэ не станет покушаться на жизнь и

спокойствие Пибрака, Ноэ, ювелирши Сарры и ее покорного слуги принца Генриха Бурбонского.

— Ну, Ваше Величество! — сказал Карл IX. — Дайте клятву или Ренэ будет повешен.

— Хорошо, — согласилась королева, — я ручаюсь за Ренэ. Даю вам в этом слово.

Генрих вздохнул с облегчением.

Но, давая свое слово, королева посмотрела с такой ненавистью на Генриха, что он понял — отныне он приобрел в ее лице непримиримого врага.

— Черт возьми! — ругался Крильон. — Проклятый парфюмер снова вырвался здоровым и невредимым из моих когтей... Экая неудача!

XXXI

Только что происшедшая сцена была заранее обдумана в кабинете короля, по крайней мере относительно того, что касалось Нанси, но сначала не было и речи о том, чтобы открыть Ренэ настоящее имя сира Коарасса.

По мнению короля, опасно было сообщать принцессе Маргарите, что она любит человека, предназначенного ей в мужа, и решено было не разоблачать инкогнито принца.

С этой целью король придумал замаскировать Нанси, заставить ее разыграть роль принцессы и вовлечь таким образом Ренэ в западню. Король разрешил Ренэ убить сира Коарасса у ног Маргариты, он рассчитывал на то, что за нее могут принять Нанси. И если Ренэ совершит покушение на жизнь сира Коарасса, когда тот будет у ног Нанси, он нарушит приказание короля и попадет во власть герцога Крильона.

Непредвиденное обстоятельство изменило, однако, этот план.

Около семи часов, когда король еще сидел за обедом, пришел паж Готье и передал королю большой запечатанный конверт.

— Кто же принес его? — спросил монарх.

— Дворянин, во всю прыть примчавшийся из Нерака. Генрих вздрогнул, Пибрак и Ноэ переглянулись. Принцесса Маргарита побледнела.

— Ого! — сказал король. — Из Нерака?..

Он открыл запечатанный конверт и вынул одно за другим три письма. Одно было адресовано королю, другое Пибраку, третье королеве Екатерине. Король передал Пибраку его письмо и сломал печать послания, адресованного ему.

«Ваше Величество, брат и кузен, — писала Жанна д'Альбре, королева Наваррская, — я пишу вам это письмо, чтобы уведомить вас, что отправляюсь в дорогу сегодня, одиннадцатого июня, рассчитывая прибыть в Париж в конце текущего месяца с единственной целью, чтобы свадьба моего сына Генриха и вашей сестры Марго могла состояться немедленно.

Мой курьер садится на лошадь, он получил приказание не задерживаться в дороге по пустякам.

Он приедет в Париж много раньше, чем я.

В ожидании, Ваше Величество, брат и кузен, удовольствия видеть вас, молю Бога сохранить вас в добром здравии и ниспослать вам счастье и радость.

Жанна, королева Наваррская».

Король, пробежав глазами это послание, прочитал его вслух и посмотрел на принцессу Маргариту, которая сделалась блее статуи.

Между тем Ноэ шепнул Пибраку:

— Наверное, посланник королевы Жанны оставил нам письмо в гостинице на улице Святого Иакова.

Принц Наваррский смотрел на Маргариту и, казалось, разделял ее волнение.

Пибрак распечатал письмо, присланное ему королевой Жанной, и прочел про себя.

«Милый и дорогой Пибрак,

пишу вам потому, что опасаюсь, что принц, мой сын, все еще влюблен в графиню Грамон. Кроме того, я боюсь, что сплетни и клевета, которые распространяются по всему королевству относительно принцессы Маргариты, не заставили бы его отказаться от этой свадьбы, и потому прошу вас приложить все старания, чтобы уговорить его, обещайте ему от моего имени, что, как только состоится эта свадьба, я ему передам титул короля.

Прощайте, милый и дорогой Пибрак, я рассчитываю на вас.

Жанна».

Пибрак поспешно сложил письмо и спрятал его в карман.

Прибытие этих писем произвело дурное впечатление на собеседников короля.

В течение нескольких минут царило мрачное молчание, которое прервал король, обратившись к Коарассу:

— Дорогой сир Коарасс, мне надо поговорить с вами...

Говоря это, король встал из-за стола, открыл дверь в комнату, где последнее время спал Генрих, и вошел туда вместе с ним.

«Ах, — подумала взволнованная Маргарита, — он прикажет ему уехать...»

Маргарита
— Кузен
скому, — что
Жанны?
— Я думаю
раскрыть мое
— Вы нич
— Чего ж
— Марго
— Она ли
— В тако
спросил корол
— Говори
— Откро
— Хоро
— Остан
Генрих се
все еще цари
— Доро
дал поручени
— Пору
Маргар
— Пой
чения.
— К ко
— К п
Марга
бами вош
шись над
увидетьс
Генри
на Марга

Жанны оставил нам
Якова.
Маргариту и, казалось,
нное ему королевой
принц, мой сын, все
того, я боюсь, что
ются по всему ко-
ариты, не застави-
потому прошу вас
его, обещайте ему
эта свадьба, я ему
я рассчитываю
Жанна».
ятал его в кар-
ое впечатление
ное молчание,
ассу:
рить с вами...
ткрыл дверь
и вошел туда
— он при-

Маргарита ошиблась.

— Кузен, — тихо сказал Карл IX принцу Наваррскому, — что думаете вы о скором приезде королевы Жанны?

— Я думаю, Ваше Величество, что это принудит меня раскрыть мое инкогнито.

— Вы ничего не боитесь?

— Чего же мне бояться?

— Марго капризна.

— Она любит меня...

— В таком случае хотите выслушать мое мнение? — спросил король.

— Говорите, Ваше Величество.

— Откройтесь ей сейчас же.

— Хорошо.

— Останьтесь здесь, я к вам пришлю ее...

Генрих сел на кровать, а король вышел в столовую, где все еще царило гробовое молчание.

— Дорогая Марго, — сказал король, — я только что дал поручение господину Коарассу...

— Поручение, Ваше Величество?

Маргарита вздрогнула.

— Пойди к нему, он возьмется исполнить и твои поручения.

— К кому, Ваше Величество?

— К принцу Наваррскому.

Маргарита с холодным потом на лбу и побелевшими губами вошла в комнату, убежденная, что король, сжалившись над ней, доставил ей возможность в последний раз увидиться с Генрихом наедине.

Генрих был спокоен, серьезен и с любовью посмотрел на Маргариту.

Маргарита взяла его за руку и сказала:

— Я не хочу, чтобы вы уезжали!

— Это необходимо, — принц улыбнулся и прибавил, —
ведь вы скоро должны выйти замуж за принца Наваррского?

— Молчите!

— И вы должны любить только его.

— Любить его! — гневно воскликнула Маргарита. —

О, я ненавижу его!

— Почему?

— Потому что люблю тебя.

На губах молодого принца появилась лукавая улыбка.

— Вы возненавидели его раньше, чем полюбили
меня...

— Это правда.

— За что же?

— Потому что мне рассказывали, что он мужик, неотесанный медведь...

— И потому, — прибавил Генрих, — что вам пришлось
бы уехать в Наварру, к неракскому двору, где, как говорят,
очень скучно.

— Ах! — сказала Маргарита. — Если бы вместо того,
чтобы любить вас, я любила принца Наваррского, то это
было бы для меня безразлично.

— Я готов поспорить, дорогой друг, что вы согласились бы последовать за мной.

— За вами?

— Да, за мной.

— О, конечно! Хоть на край света.

— Даже в том случае, — спросил, улыбаясь, Генрих, —
если бы я оказался принцем Наваррским?

Маргарита вздрогнула и с удивлением посмотрела
на принца.

— Принцем Наваррским, — продолжал Генрих, — который инкогнито уехал из Нерака и, рискуя, что его не полюбят, попытался понравиться принцессе Маргарите под видом обыкновенного дворянина?

— Генрих... Генрих... не шутите, — сказала принцесса.

— Ваше Высочество, — ответил он, — король Карл IX только что сказал странную вещь.

— Что вам сказал король? — спросила Маргарита, продолжая смотреть на принца.

— Он сказал мне, что вы могли бы возненавидеть бедного Коарасса...

— Вы с ума сошли.

— Но если бы вы убедились, что он обманывал вас?

— Вы, значит, обманывали меня?

— Увы! Да.

Маргарита снова вздрогнула.

— Меня зовут Генрих Бурбонский, — сказал принц и, взяв за руки Маргариту, притянул ее к себе и крепко поцеловал.

Маргарита громко вскрикнула.

На этот крик прибежали король и Мирон, который принялся ухаживать за молодой принцессой, лишившейся чувств.

Обморок продолжался недолго.

Скоро Маргарита, которую посадили в большое кресло, открыла глаза и по очереди посмотрела на короля и на Генриха, державших ее за руки.

Она улыбнулась Генриху и сказала королю:

— Ваше Величество, вы были обо мне дурного мнения. Я готова так же горячо любить принца Наваррского, как любила господина Коарасса.

— В таком случае, — сказал король, — мы несколько

изменим шутку, которую я хотел сыграть над этим негодяем Ренэ.

С этими словами король снял со стены кольчугу, которую изготовили в Милане для короля Генриха II и о которую час спустя должен был сломаться превосходно закаленный кинжал флорентинца.

Два часа спустя, как мы видели, любимец королевы Екатерины попал в ловушку.

Ноэ разыграл роль незнакомца.

Когда королева Екатерина дала клятву, которую у нее потребовал Генрих Наваррский, король сказал:

— Теперь, Ваше Величество, я могу сообщить вам новость.

— Какую? — равнодушно спросила королева.

— Королева Жанна приедет через неделю.

— И теперь больше уже ничто не может служить помехой моей свадьбе, — послышался голос за спиной королевы Екатерины.

Королева-мать обернулась и увидела Маргариту, которая вошла и улыбнулась принцу Генриху Бурбонскому, будущему королю Наваррскому.

Ренэ был уничтожен.

XXXII

Через неделю после только что описанных событий Лувр принял необычайно торжественный вид.

С минуты на минуту ожидали приезда Ее Величества Жанны д'Альбре, королевы Наваррской.

Около двух часов пополудни в Лувр приехал курьер и

сообщил, что король
от Парижа.

Генрих Наваррский
шлись от имени де К
немедленно сел на
рока телохранител
Карла IX, команд
провожении это
матери.

Между тем к
Маргарита отдал
и во всех отнош
Французскому
лакеи с озабочен
дворам.

Придворные
болтали, точно
Наш друг Р
ему поручение
встретиться с Н

Рауль пок
Они остан
Сену, и под п
теж, приняли

— Дорог

— О чем

— Во-п

царит в Лув

— Хор

— И о

Нанси

— Вид

сообщил, что королевский кортеж находится недалеко от Парижа.

Генрих Наваррский, раскрыв свое инкогнито и отказавшись от имени де Коарасса, открыто поселился в Лувре. Он немедленно сел на лошадь и вместе с Ноэ, Пибраком и сорочка телохранителями короля, которыми, по приказанию Карла IX, командовал герцог Крильон, отправился, в сопровождении этой почетной стражи, навстречу своей матери.

Между тем королева Екатерина, король и принцесса Маргарита отдали приказание, чтобы прием был блестящий и во всех отношениях достойный королевы, родственной Французскому королевскому дому. Пажи, придворные и лакеи с озабоченным видом сновали по коридорам, залам и дворам.

Придворные разговаривали, лакеи развлекались, а пажи болтали, точно молоденькие девушки.

Наш друг Рауль, который только что исполнил данное ему поручение к королеве Екатерине, нашел возможность встретиться с Нанси.

Рауль покраснел, а Нанси засмеялась.

Они остановились недалеко от окна, выходящего на Сену, и под предлогом того, что хотят посмотреть на кортеж, принялись болтать.

— Дорогая Нанси, что вы думаете обо всем этом?

— О чем ты говоришь, Рауль?

— Во-первых, о спокойствии, которое последние дни царит в Лувре?

— Хорошо, а еще?

— И о радости, которую все выказывают сегодня?..

Нанси сделалась серьезна.

— Видел ты когда-нибудь берег моря?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Потому, что если бы ты видел океан, то знал бы, дорогой Рауль, что длительный штиль обыкновенно предшествует буре.

— Неужели!

— Потом есть еще пословица, — продолжала Нанси: — Кто смеется в субботу, будет плакать в воскресенье.

— А сегодня как раз суббота.

— И моя пословица может оправдаться.

— О, Нанси! Какая вы суеверная!

— Это правда.

— Разве вы предчувствуете несчастье?

— К сожалению!

— Боже мой! — воскликнул Рауль, пораженный серьезным тоном Нанси.

— Дорогой Рауль! — продолжала хорошенькая камеристка. — Я попросту луврская Кассандра, хотя моим предсказаниям не верят.

— Что же вы предсказали?

— Слушай: с тех пор, как господин Коарасс превратился в принца Наваррского, можно подумать, что вернулся золотой век.

— Это верно.

— Королева Екатерина и принцесса Маргарита с утра до вечера целуются, король уверяет, что он перестал скучать, королева-мать осыпает принца Генриха Бурбонского уверениями в любви, а Ренэ робко прислуживает ему и с утра до вечера просит у него прощения за покушение на его жизнь.

— И все это
Нанси?

— Да, голу

— И вы пр

— Да.

— Что же?

— Я предс

поссорится с ко

— Хорош

— Я предс

Ренэ убьет ил

— Что за

— Након

ему придется

быть даже и н

алтарем с при

— И что

— Он з

— Ну а

— Кор

— Так,

— При

— Не н

си?

— Дл

— Да,

— Мо

— Ка

Нанси

— Я

ром време

— К

— И все это вам кажется дурным предзнаменованием, Нанси?

— Да, голубчик Рауль.

— И вы предсказываете?..

— Да.

— Что же? — с любопытством спросил Рауль.

— Я предсказала принцессе Маргарите, что она скоро поссорится с королевой Екатериной.

— Хорошо, — сказал паж, — что же дальше?

— Я предсказала королю, что не пройдет и недели, как Ренэ убьет или отравит кого-нибудь.

— Что за странные мысли?

— Наконец, я предсказала принцу Наваррскому, что ему придется испытать множество неприятностей, а может быть даже и несчастий, прежде чем ему удастся стать перед алтарем с принцессой Маргаритой.

— И что же ответил на это принц?

— Он засмеялся мне в лицо.

— Ну а король?

— Король пожал плечами.

— Так, а принцесса Маргарита?

— Принцесса Маргарита сказала, что я сошла с ума.

— Не найдется ли у вас и для меня предсказания, Нанси?

— Для тебя, Рауль?

— Да, для меня.

— Может быть.

— Какое же?

Нанси лукаво улыбнулась и сказала:

— Я предсказываю тебе, голубчик Рауль, что ты в скором времени совершишь большое путешествие.

— Куда же?

— На юг.

— Я отправлюсь в Наварру, — сказал Рауль, покраснев, как вишня.

— Должно быть, король пошлет тебя туда.

— Нет, Нанси, я сам попрошусь ехать туда.

— Зачем?

— Ах, черт возьми! Потому что туда вернется принц Наваррский.

— Хороша причина.

— И он увезет туда свою жену, принцессу Маргариту.

— Что же из этого? — спросила Нанси.

— А принцесса Маргарита возьмет с собой вас.

Нанси в свою очередь немного покраснела.

— Голубчик Рауль, — сказала она, — ты только что не сдержал своего обещания.

— Как так? — спросил Рауль.

— Ведь между нами было решено, что ты никогда не будешь мне говорить о своей любви.

— Да, пока я буду пажом.

— Но ты еще паж.

— Мне исполнилось восемнадцать лет.

— Уже?

— И в конце этого месяца я попрошу принца взять меня шталмейстером. Я вас слишком люблю, а потому не могу оставаться дольше пажом.

— Чудак, — сказала Нанси, грозя ему пальцем. — Ты увидишь, что я сдержу свое обещание.

— Что же вы мне обещали?

— В течение недели сердиться на тебя, если ты осмелишься еще раз повторить, что любишь меня...

Рауль набрался смелости. Он взял маленькую, беленькую ручку камеристки и, целуя ее, сказал:

— Хорошо, се
потому что я два ра
Нанси не успе

зу, как вдали пос
залась толпа наро
ду рекой и дома
под руку и увлек

— Идем смо
тебя завтра.

Они оперли
нетерпением ож
Жанны д'Альб

Звуки труб

Король Кар

при первых зву

ими телохран

в галоп и встр

— У нас

уль? — сказа

— Мы у

— Смот

ребенок.

Действи

ды Лувра. З

Окруж

шего на них

ны д'Альб

шади, сбру

ва от носи

Пибрак. С

Встре

леве Жан

— Хорошо, сердитесь на меня, если хотите, две недели, потому что я два раза согрешил: я люблю вас!.. я люблю вас!..

Нанси не успела еще привести в исполнение свою угрозу, как вдали послышались звуки труб. В то же время показалась толпа народа, волнуясь, точно морские волны, между рекой и домами Старого Парижа. Нанси взяла Рауля под руку и увлекла его к решетке окна.

— Идем смотреть, — сказала она, — я рассержусь на тебя завтра.

Они оперлись на стрельчатое окно старого Лувра и с нетерпением ожидали приближения кортежа Ее Величества Жанны д'Альбре, королевы Наваррской.

Звуки труб взволновали Лувр.

Король Карл IX, уже приготовившийся сесть на лошадь, при первых звуках труб вскочил в седло и, окруженный своими телохранителями, выехал из Лувра. Он пустил лошадь в галоп и встретил кортеж на площади Шатле.

— У нас хорошее место, не правда ли, дорогой Рауль? — сказала Нанси.

— Мы увидим весь кортеж.

— Смотри, — сказала камеристка, шаловливая, как ребенок.

Действительно, кортеж скоро въехал под широкие своды Лувра. Зрелище было величественное.

Окруженные толпой народа, с любопытством смотревшего на них, медленно подвигались носилки королевы Жанны д'Альбре. Носилки везли четыре прекрасные рыжие лошади, сбруя которых была украшена колокольчиками. Справа от носилок ехали верхом принц Генрих Бурбонский и де Пибрак. Слева герцог Крильон и Ноэ.

Встретив носилки, король сошел с лошади и сел к королеве Жанне, которой он любезно поцеловал руку.

Впереди и сзади носилок шла стража короля и тридцать офицеров и придворных, составлявших свиту королевы Наваррской.

Когда носилки подъехали к главным воротам Лувра, над которыми находилось окно, выбранное Нанси и Раулем для наблюдений, камеристка сказала пажу:

— Теперь изменим немножко развлечение.

— Зачем?

— Пойдем.

Она взяла Рауля за руку и провела его через весь коридор к другому окну.

Это окно выходило во двор Лувра, как раз над главным входом.

— У тебя хорошее зрение? — спросила Нанси у Рауля.

— Как у сокола.

— Отлично, смотри же внимательнее на королеву Наваррскую, когда она выйдет из носилок.

— Зачем?

— Только для того, чтобы увидеть, какова она из себя, я близорука.

Нанси, может быть, немного приувеличила, потому что она только что отлично рассмотрела стоящих на большом балконе как раз над ней, разодетых в лучшие наряды королеву Екатерину и принцессу Маргариту. Вокруг них толпились придворные дамы, с большим нетерпением ожидавшие прибытия королевы Жанны.

Наконец носилки остановились.

Король Карл IX вышел первый и сразу подал руку Жанне д'Альбре.

Королева Наваррская вышла из носилок и... вызвала всеобщее удивление.

Так же, как при дворе Франции ожидали встретить

в принце Генрихе Бурбонском не элегантного и умного сира Коарасса, а неотесанного медведя, мужика и охотника, одетого в грубое сукно, от которого несет чесноком, и королеву Жанну д'Альбре представляли себе женщиной некрасивой наружности и суровой, так как она стояла во главе одной из партий кальвинистов.

Ее представляли высокой, худой женщиной, грубо одетой, с мрачным взглядом и тяжелой пуританской походкой.

Французский двор ошибся. Королева Наваррская была молода и казалась еще моложе своих лет, ей было за сорок, а на вид нельзя было дать и тридцати. Она была хороша, как истая беарнка, — с живыми черными глазами, красными губами и роскошными черными выющимися волосами.

Рядом со своим сыном Генрихом Бурбонским она казалась его старшей сестрой.

Она подошла к королеве Екатерине, сошедшей с первых ступенек балкона, с любезностью и достоинством женщины высокого происхождения, она дала поцеловать свою руку принцессе Маргарите, показывая ей этим движением, что она уже считает ее своей невесткой, затем королева Жанна, опираясь на руку короля, поднялась на балкон.

— Наваррский двор не такой отсталый, как я предполагала, — шепнула Нанси на ухо Раулю.

— Я согласен с вами, — сказал Рауль.

— Королева Жанна одета с замечательным вкусом.

В Лувре была большая зала, известная под названием тронной, где всегда принимали принцев и коронованных особ. По приказанию Карла IX в день приезда королевы Жанны стол был накрыт там.

Королева Жанна села по правую руку короля.

Справа от королевы Екатерины, сидевшей напротив короля, сидел принц Генрих Бурбонский.

Слева от короля сидела принцесса Маргарита, а слева от королевы-матери герцог Крильон.

Нанси, которая по своему скромному положению не могла занять место за королевским столом, продолжала болтать в углу большой залы с пажом Раулем.

Рауль сказал:

— Я убежден, что королева искренно простила господина Коарасса.

— Неужели, — с таинственным видом спросила Нанси, — ты этому веришь?

— Вы видите, какой у нее веселый вид?

— Когда королева улыбается, это дурной знак.

В эту минуту в комнату вошел какой-то придворный.

Это был Ренэ, снова попавший в милость с тех пор, как его простил принц Наваррский, Ренэ, вернувшийся снова в Лувр, которому опять кланялись все придворные.

Но, против обыкновения, он сделался вежлив и даже скромен, он раскланивался почти со всеми придворными и подавал руку каждому пажу.

Нанси толкнула локтем Рауля и сказала:

— Смотри.

Рауль увидел, как Ренэ быстро переглянулся с королевой и прошел, не останавливаясь.

Королева Екатерина не переставала улыбаться, но ее глаза заблестели.

Нанси заметила это.

— Сир Коарасс останется жив, — пробормотала она.

И так как Рауль не понял ее, то она прибавила:

— Королева не совсем простила его.

— Но принц Генрих все-таки женится на принцессе Маргарите? — спросил Рауль.

— Да, но... — на этом «но» Нанси остановилась, а потом резко продолжала. — Ты еще слишком молод, голубчик Рауль, чтобы смыслить что-нибудь в политике, видишь ли, теперь за этим столом сидит некто, кого королева-мать ненавидит еще сильнее, чем принца Генриха Бурбонского.

— Кто же это? — с удивлением спросил Рауль.

— Это королева Наваррская.

Рауль остолбенел.

— За что же это? — спросил он.

— За что? За то что ей сорок пять лет, а можно дать только тридцать, тогда как королеве Екатерине свободно можно дать все ее сорок пять лет.

— Что за странная мысль?

— Видишь ли, Рауль, — сказала Нанси, — я имела полное основание предполагать, что ты ничего не смыслишь в политике.

— А я думаю, дорогая Нанси, что вы все видите в черном свете.

— Тсс! — остановила его Нанси. — Слушай...

Действительно, в эту минуту королева-мать сказала королеве Наваррской:

— Ваше Величество, я предоставляю вам право обновить только что построенный мной отель на улице Жур. Вы первая поселитесь в нем, и он готов принять вас.

Королева Наваррская поклонилась.

В эту минуту Ренэ снова прошел через всю комнату и опять переглянулся с королевой.

Тогда Нанси опять шепнула Раулю:

— Королеве Наваррской грозит смертельная опасность...

XXXIII

Отель, который Екатерина Медичи построила на улице Жур или Босежур и который потом получил название отель Суасон, в то время не был еще окончен, но уже представлял собой чудо искусства.

В часы, свободные от занятий политикой и религиозных споров, королева-мать становилась достойной дочерью Медичи, то есть нежной женщиной, поклонницей искусств и наук, обожающей картины, статуи и прекрасные произведения архитектуры.

Левое крыло отеля Босежур было нарочно приготовлено для приема Ее Величества Жанны д'Альбре, королевы Наваррской.

За последний месяц редко проходил хоть день, чтобы королева Екатерина не отправлялась туда в своих носилках для личного наблюдения за работами архитекторов, и каждый раз она говорила:

— Моя сестра и кузина королева Наваррская — настоящая крестьянка, которая в своем замке в Нераке или в своем домишке в По сидит на сосновой скамье, она способна разуться при входе сюда из боязни испортить паркет своими тяжелыми сапогами, подбитыми гвоздями.

Изящная одежда и величественные манеры Жанны д'Альбре вывели из заблуждения королеву Екатерину.

Королева Наваррская была светской женщиной. Она жила в Мадриде, при дворе короля Филиппа II, она присут-

ствовала при
испанцы до с

Обеим ко
бы понять др

«Она дос

«Мне сов
подумала Жа
тельском лаг

Около д
его двор про
жур.

Жанна б
кий, изящн

Маргариты

Карл IX

— Ваш

ным поэтом
бы иметь в
соту.

Между

— Пр

неры, чем

Принц

— Я

Нераке.

Свита

хине.

Ее со

достоинс

Француз

Заме

плечу ка

ствовала при упадке этого великого царствования, которое испанцы до сих пор называют веком Карла V.

Обеим королевам достаточно было одного взгляда, чтобы понять друг друга.

«Она достойная соперница», — подумала Екатерина.

«Мне совершенно верно описали королеву Екатерину, — подумала Жанна д'Альбре, — я буду у нее точно в неприятельском лагере».

Около десяти часов вечера король Карл IX и весь его двор проводили королеву Наваррскую в отель Босе-жур.

Жанна была очаровательно любезна и обнаружила тонкий, изящный, отчасти легкомысленный ум своей матери Маргариты Наваррской.

Карл IX был очарован ей и, целуя ее руку, сказал:

— Ваше Величество, я желал бы быть моим придворным поэтом Пьером Ронсаром единственно ради того, чтобы иметь возможность достойно воспеть ваш ум и красоту.

Между тем придворные шептались:

— При неракском дворе можно встретить лучшие манеры, чем мы предполагали.

Принцесса Маргарита шепнула Екатерине:

— Я надеюсь теперь, что не слишком буду скучать в Нераке.

Свита королевы Жанны соответствовала своей монархини.

Ее составляли умные молодые люди, державшие себя с достоинством, замечательно любезные и смотревшие на французских придворных дам влюбленными глазами.

Заметив это, Карл IX, вставая из-за стола, ударил по плечу капитана своих гвардейцев и сказал ему:

— Пибрак, друг мой, вторжение твоих соотечественников произведет большие перемены при моем дворе.

— Это возможно, Ваше Величество.

Сказав это, Пибрак дипломатично замолчал.

По приезде в отель Босежур королева Екатерина сама проводила королеву Жанну в ее спальню и уступила ей своих собственных камеристок.

Королева Наваррская захватила с собой только мужчин, а женщину для услуг решила выбрать в Париже.

Когда королева-мать и король удалились, королева Наваррская осталась одна со своим сыном, принцем Генрихом, и Ноэ.

Принц с нетерпением ждал возможности поговорить со своей матерью, которой едва успел коротко рассказать, как ему пришлось раскрыть свое инкогнито.

Королева расположилась в кресле и жестом пригласила молодых людей сесть.

— Ну, дети, — сказала она, — поболтаем.

Ноэ насмешливо улыбнулся, что очень шло к его белоклым усам.

— Если Ваше Величество желаете услышать подробное описание наших приключений, то вам придется не спать всю ночь, — сказал он.

Жанна улыбнулась и с любовью посмотрела на сына.

— В самом деле? — спросила она.

— Мы возобновили историю паладинов, Ваше Величество.

— Ноэ преувеличивает, — сказал принц.

— Генрих нашел способ заставить короля, а также и принцессу Маргариту, полюбить его, зато навлек на себя ненависть королевы-матери.

Жанна д'Альбре нахмурила брови.

— Это большая ошибка, — сказала она.

— У нас есть еще более непримиримый враг, — продолжал Ноэ.

— Кто же?

— Флорентинец Ренэ.

— Пибрак в своих письмах часто писал о нем, он, кажется, очень злой человек, — сказала королева.

— И отравитель, — прибавил Ноэ.

Жанна д'Альбре вздрогнула и лицо ее сделалось серьезным.

— Мой милый Ноэ, — сказала она, — сделай мне одолжение.

— Какое, Ваше Величество?

— Никогда не говори при мне о яде и об отравителях.

Ноэ и принц с удивлением посмотрели на Жанну д'Альбре.

— Мне предсказали, что я умру от отравы.

Генрих гордо улыбнулся.

— Кто же осмелится на это? — спросил он.

— Оставим это, — продолжала королева, — расскажите лучше о своих похождениях.

С этими словами молодая мать, скорее походившая на старшую сестру, взяла их обоих за руки.

— Я всегда признавал за Ноэ дар красноречия, — сказал Генрих, — и потому предоставляю ему рассказать нашу Одиссею.

— Рассказывай, Ноэ, — сказала Жанна д'Альбре.

Ноэ посмотрел на принца, как бы спрашивая его:

«Должен ли я все рассказывать?»

Принц утвердительно кивнул головой.

Тогда Ноэ рассказал об их поездке в замок Коризандры, графини Грамон, о последнем свидании Генриха с ней

(тут королева слегка нахмурила брови), об отъезде из Нерака и о встрече несколько дней спустя с прекрасной ювелиршей и с флорентинцем Ренэ.

Ноэ рассказывал быстро и хорошо. Несмотря на его предупреждение, что королеве придется не спать всю ночь, если она пожелает все узнать, он закончил свой рассказ меньше чем за два часа.

Флорентинские часы, стоявшие в углу спальни, указывали полночь, когда он закончил рассказывать.

Королева слушала внимательно, ни разу не прервав рассказчика, но Генрих, следивший за малейшим движением ее лица, скоро заметил, что все его приключения причиняют ей большое беспокойство.

Жанна д'Альбре с минуту помолчала.

— Дитя мое, — сказала она наконец, — хочешь знать мое мнение?

— Я слушаю вас, Ваше Величество.

— Ненависть королевы-матери сильнее дружбы короля и любви принцессы Маргариты.

— Но Ваше Величество, — заметил принц, — Ноэ, видящий все в черном свете, забыл сообщить вам, что королева Екатерина простила принцу Генриху Бурбонскому похождения сира Коарасса.

Жанна покачала головой.

— Екатерина Медичи никогда не прощает, — сказала она.

— Она очень любезна со мной.

— Дурной знак, — пробормотал Ноэ.

— Наконец, Ваше Величество, — с оттенком нетерпения по отношению к Ноэ сказал принц, — раз я собираюсь жениться на принцессе Маргарите... я не вижу, какое основание может иметь королева Екатерина, чтобы ненавидеть меня.

Жанна д'Альбре сначала ничего не ответила. Она сидела молча, опустив голову на руки, как бы заглядывая в будущее.

— Выслушай меня внимательно, сын мой, — вдруг сказала она, — и тебе многое сделается ясно.

Генрих вопросительно посмотрел на мать.

— Знаешь ли ты, — продолжала Жанна д'Альбре, — почему королева-мать пожелала этой свадьбы?

— Да, чтобы по возможности удалить от французского трона герцога Гиза.

— Это верно, сын мой... Лотарингский дом и Бурбонский почти одинаково близки к французскому трону. Династия Валуа, представителями которой являются три молодых принца, — династия погибшая, преждевременно вымирающая.

Генрих вздрогнул.

— Король Карл IX, несмотря на то, что ему еще только двадцать три года, выглядит стариком... В его взгляде есть болезненный блеск, на лице заметно веяние смерти. Король Польский Генрих никогда не будет царствовать во Франции ...

— Что вы говорите, Ваше Величество?

— Если бы он когда-нибудь покинул Варшаву, чтобы приехать короноваться в Париж, поляки убили бы его.

— Они стоят друг друга! — серьезно заметил Ноз.

— Остается герцог Алансонский Франциск Валуа, двадцатилетний старик, погибающий от кутежей, думающий только о попойках, такой же жестокий и мстительный, как и его мать... О! — воскликнула королева Наваррская, охваченная таинственным предчувствием. — Клянусь вам, что этот никогда не будет царствовать!

Королева вздрогнула, потому что ей послышался позади легкий шум.

— Что это? — спросила она, вставая.

Генрих и Ноэ, хотя ничего не слышали, но тоже встали, обошли всю комнату, отворили дверь и убедились в том, что в соседней комнате никого не было.

— Мне показалось, что передвинули стул, там... за мной... Но мне это, должно быть, почудилось. Это верно был шум снаружи, — сказала королева.

Она снова села.

— Продолжайте, Ваше Величество, — сказал Генрих.

Чтобы объяснить причину шума, услышанного королевой Наваррской, нужно вернуться немного назад и указать на некоторые топографические особенности отеля Босежур. В двух шагах от этого отеля находился полуразвалившийся необитаемый дом.

Архитектор королевы Екатерины, начав строить отель, высказал мнение, что следовало бы снести эту хижину.

Но королева без всяких объяснений воспротивилась этому.

Она купила дом и подарила его флорентинцу Ренэ.

Потом некоторое время спустя архитектор, после тайного совещания с королевой Екатериной, должно быть, убедился в пользе этого сооружения, потому что больше уже не заговаривал о том, чтобы снести его. Флорентинец Ренэ мог бы, наверное, сообщить, что королева Екатерина, пожалуй, больше дорожит этим полуразвалившимся домом, чем своим дворцом, который она наполнила различными шедеврами и редкостями, и при случае мог бы рассказать историю этого дома.

Эта исто-
местности, на
которой был
мяч, а до того
сенного коро
монахам боле
ледный приор
имени Пандр

Приор бы
нахи против
чайно красив

Когда вд
в царствован
ход из подва

Когда К
Меллеро уж
мал только о
нии своей ре

Он при
был открыт
для отеля Б
уведомленн

земный хол

Короле

тайные ход

стые полы

показалос

королева

ролева Ек

в Лувр вм

наты, она

логом не

Эта история была очень странная и касалась местности, на которой строился отель Босежур. Земля, на которой был построен отель, служила прежде для игры в мяч, а до того представляла сад монастыря кармелиток, снесенного королем Карлом VI, после того как он уступил этим монахам более обширное место близ дворца Турнель. Последний приор этого монастыря был красивый мужчина, по имени Пандриль Буржую де Тевено.

Приор был молод и любезен. Он был пострижен в монахи против желания и сохранил горячую любовь к чрезвычайно красивой вдове де Меллеро.

Когда вдова де Меллеро построила дом, развалившийся в царствование Карла IX, приор велел прорыть подземный ход из подвалов монастыря в подвалы этого дома.

Когда Карл VI приказал снести монастырь, вдовы де Меллеро уже не было в живых. Состарившийся приор думал только о спасении своей души на том свете и о сохранении своей репутации святого человека.

Он приказал тщательно заделать подземелье и проход был открыт только спустя два века, когда рыли фундамент для отеля Босежур. Королева Екатерина Медичи, первая уведомленная об этом открытии, вместе с Ренэ вошла в подземный ход и прошла им до подвалов старого дома.

Королева Екатерина слишком любила подземелья, потайные ходы, таинственные коридоры, двойные стены и пустые полы, чтобы не уделить своего внимания тому, что ей показалось бы полезным. Дом сохранялся. В тот вечер, когда королева Жанна д'Альбре поселилась в отеле Босежур, королева Екатерина, проводив ее, вернулась в своих носилках в Лувр вместе с королем и всей свитой. Пройдя в свои комнаты, она приказала пажам удалиться и ни под каким предлогом не беспокоить ее.

Но вместо того, чтобы лечь спать, королева разделась, сняла парадное платье и надела куртку и штаны такого цвета, какие носили ее придворные.

Накинув широкий плащ и надвинув на глаза шляпу, она спустилась к реке по знакомой нам маленькой лестнице.

Благодаря темной ночи, ей удалось обойти Лувр незамеченной ни одним из придворных и солдат, выходивших из королевского жилища.

Она перешла через площадь Сен-Жермен Л'Оксерруа, быстро прошла мимо отеля Босежур и постучалась в дверь дома, который считался необитаемым.

Дверь отворилась, и королева вошла.

— Это вы, Ваше Величество? — спросил чей-то голос в темноте.

— Да, это я.

Подошел какой-то человек.

— Это ты, Ренэ? — в свою очередь спросила Екатерина.

— Я.

Ренэ взял королеву за руку и сказал:

— Идите за мной, Ваше Величество. Высесть огонь можно будет только в подвале. Эти проклятые гасконцы, наводившие отель вместе с королевой Жанной д'Альбре, знают уже, что дом этот заброшен, и луч света возбудил бы их подозрение.

— Веди меня, я пойду за тобой.

Ренэ провел королеву несколько шагов в полной темноте, потом нагнулся и открыл люк.

— Вот вход, — сказал он.

— Хорошо. Я нашла его.

— Станьте на первую ступеньку и смело спускайтесь. Я поддержу вас, Ваше Величество.

Королева
дцать, но ко
сырости воз
лье.

Ренэ вы
— О! Г
ва. — Я не
Наваррская
— В сам
Екатери
— Она

шимость и
И она с
ди с фонаре

Подзем
дриля Бур
ну и прохо

На ме
Екатерина
архитектор
ной; она в
ром, прохо

Этот
ным в раз
Корол
случай уст
или посла
Одно

Королева спустилась приблизительно ступеней на тридцать, но когда очутилась наконец на ровном месте, то по сырости воздуха поняла, что находится у входа в подземелье.

Ренэ высек огонь и зажег фонарь.

— О! Пойдем скорее! — сказала, улыбаясь, королева. — Я не прочь узнать, что думает и говорит королева Наваррская, которую я ненавижу от всей души.

— В самом деле? — спросил Ренэ.

Екатерина зло улыбнулась и сказала:

— Она красива... умна, и я прочитала в ее взгляде решимость и непоколебимое мужество... Я не этого ждала!

И она смело вошла в подземелье, Ренэ, шедший впереди с фонарем, освещал ей дорогу.

XXXIV

Подземный ход, прорытый по приказанию аббата Пандриля Буржю де Тевено, имел около двухсот метров в длину и проходил под садами отеля Босежур.

На месте его прежнего выхода в монастырь королева Екатерина велела построить толстую стену, внутри которой архитектор устроил маленькую лестницу в два фута шириной; она вела в первый этаж отеля и заканчивалась коридором, проходившим тоже внутри стены.

Этот коридор вел к маленьким углублениям, устроенным в различных комнатах отеля.

Королева Екатерина предвидела, что ей представится случай уступить свой отель какому-нибудь королю, принцу или посланнику, тайны которого она пожелает узнать.

Одно из этих углублений очень напоминало таинствен-

ный коридор, открытый в Лувре Пибраком, из которого он часто наблюдал за всем происходившим в будуаре принцессы Маргариты.

В углублении был единственный стул, на который села королева Екатерина, Ренэ встал за ней и из осторожности потушил фонарь.

Тогда королева заметила луч света, проходивший в маленькую дырочку в стене. Эта дырочка терялась в скульптурной раме картины, повешенной над кушеткой, стоявшей в роскошно убранной комнате, предназначенной для королевы Жанны. Екатерина начала смотреть в эту дырочку и увидела сидевшую в комнате королеву Жанну д'Альбре, ее сына, принца Генриха, и Ноэ, заканчивавшего рассказ об их похождениях.

Королева и Ренэ, сдерживая дыхание, принялись слушать.

Королева услышала опасения королевы Жанны д'Альбре относительно ненависти королевы Екатерины к Генриху.

«Она поняла меня!» — подумала Екатерина.

Капли пота выступили на ее лице, когда она услышала слова королевы Наваррской.

«Династия Валуа — погибающая, преждевременно умирающая династия».

Наконец, когда Жанна д'Альбре воскликнула: «Герцог Алансонский, жестокий и мстительный, погибающий от кутежей двадцатилетний старик, никогда не будет царствовать!» — королева Екатерина, услышав это мрачное предсказание, почувствовала такое волнение, что подскочила на стуле.

Это-то движение и вызвало шум, который услышала королева Наваррская.

К счастью, Екатерина обладала способностью владеть

собой, и к ней
Бурбонский ск

— Продол

Королева

тельно слушат

— Да, с

помните, что

это кажется,

Генрих в

— Корол

продолжала

молодые и п

которые умр

помни, сын м

тии, нашу и

один прекра

Франции.

— Но т

— Ах!

ко дней наз

ством униз

— А..

— На

царьками,

стремлени

за счет И

гугенот м

Франции

тии.

Ты п

д'Альбр

собой, и к ней уже вернулось хладнокровие, когда Генрих Бурбонский сказал своей матери:

— Продолжайте, Ваше Величество.

Королева Екатерина снова тихо села и принялась внимательно слушать.

— Да, сын мой, — сказала королева Наваррская, — помните, что Лотарингский и Бурбонский дома ближе, чем это кажется, к трону Франции.

Генрих вздрогнул.

— Королева-мать, должно быть, предчувствует это, — продолжала Жанна д'Альбре. — Все трое Валуа, на вид молодые и полные жизни, на самом деле дряхлые старики, которые умрут один за другим, не оставив потомства. Запомни, сын мой: королева Екатерина проклинает обе династии, нашу и Гизов, соперничающие между собой, которые в один прекрасный день будут оспаривать друг у друга трон Франции.

— Но тогда... этот брак?..

— Ах! — продолжала Жанна д'Альбре. — Несколько дней назад этот брак казался королеве Екатерине средством унижить дом Гизов. Она опасалась лотарингцев.

— А... нас?

— Нас она не опасалась, считая ничтожными горными царьками, бедняками без войска, руководимыми только стремлением расширить немного свои наваррские границы за счет Испании. Королева Екатерина считала, что принц гугенот может безнаказанно быть даже кузеном короля Франции и служить оплотом против лотарингской династии.

Ты под именем сира Коарасса, — продолжала Жанна д'Альбре, — приехал ко Французскому двору и сумел

в несколько дней завоевать себе независимое и в то же время враждебное положение. Ты нажил себе непримиримых врагов в лице королевы Екатерины и Ренэ, этих двух настоящих правителей Франции...

Но, — добавила Жанна, — королева Екатерина думала встретить во мне простодушную пуританку, одетую в грубое сукно, а встретила сравнительно молодую королеву, говорящую языком придворных, взгляд и манеры которой доказывают, что она занимается политикой. Теперь, сын мой, она начинает бояться нас, а следовательно, и ненавидеть.

— Неужели вы думаете, Ваше Величество, — прервал ее Генрих, — что королева Екатерина, так желавшая этого брака, попытается помешать ему?

— Нет, на это она не решится, но... — Жанна остановилась.

— Я слушаю, Ваше Величество, — сказал Генрих.

— Но, — продолжала Жанна д'Альбре, — она способна приказать убить вас на другой день после свадьбы.

— О! Ваше Величество!

Королева Наваррская замолчала и долго сидела в раздумье.

— Ну что же! — воскликнула она, как будто ею снова овладело смутное предчувствие. — От судьбы не уйдешь.

— Я согласен с вами, Ваше Величество!

— Что-то говорит мне, — продолжала королева, — что Бурбонский дом ожидает блестящая будущность.

— Почему знать? — с гордостью воскликнул Генрих.

Жанна д'Альбре бросила на сына долгий, нежный, полный гордости взгляд.

— Ты будешь королем Франции! — сказала она.

И, как бы раскаиваясь в том, что зашла слишком далеко, она быстро добавила.

— Ну, иди, сын мой, я хочу лечь спать... Завтра утром я позову тебя.

Она дала молодым людям поцеловать свою руку и отпустила их.

Королева Екатерина все слышала, и несколько раз по телу ее пробежала дрожь.

Даже Ренэ испугался.

— Ваше Величество, — тихо спросил он ее, — слышали вы?

— Да, все.

— Что за женщина!..

— Идем, — прошептала Екатерина, — я задыхаюсь здесь.

И, взяв Ренэ за руку, она вышла из углубления, прошла коридор, спустилась по потайной лестнице. Через десять минут они были уже у выхода из подземелья, откуда вышли с прежними предосторожностями.

— Послушай! — сказала королева Екатерина. — Иногда и стены могут слышать, а я хочу поговорить с тобой о том, чего кроме тебя не должен слышать никто на свете.

— Куда же нам пойти? — спросил Ренэ.

— Туда, на берег Сены, напротив Лувра.

— Идемте, Ваше Величество.

Королева, убежденная в том, что не возбудит подозрения в своем костюме придворного, фамильярно взяла парфюмера под руку.

К тому же, как мы говорили, ночь была темная и толпа солдат, придворных и народа, собравшихся к приезду королевы Наваррской, уже разошлась.

Ренэ и Екатерина спустились по зеленеющему откосу и остановились только на берегу реки. Там они, оглядевшись по сторонам, убедились, что были одни.

— Я слушаю вас, Ваше Величество, — сказал тогда Ренэ.

Королева села на опрокинутую рыбачью лодку, лежавшую на откосе, и, несмотря на темноту, флорентинец увидел, что глаза ее метали молнии.

«Она сердится и берет меня в поверенные, — подумал он. — Я в милости больше, чем когда бы то ни было».

— Ренэ, — сказала Екатерина, — я поступила опрометчиво.

— В чем, Ваше Величество?

— Я желала брака моей дочери Маргариты с принцем Генрихом Бурбонским.

— Его можно еще расстроить...

— Нет, теперь уже слишком поздно.

— Почему?

— Потому что король желает этого брака, и, наконец, он все-таки король...

— Ах, если бы король тоже слышал королеву Наваррскую...

— Но он не слышал ее, а если бы я передала ему ее слова, он не поверил бы мне...

— Может быть...

— К тому же Маргарита любит принца, а я не достаточно сильна, — глухо добавила королева, — чтобы вести открытую борьбу одновременно с королем и Маргаритой.

— Но, Ваше Величество...

— Молчи и слушай...

Ренэ понял, что Екатерина что-то придумала, и замолчал.

— Ты слышала своему сыну

— Она

— Нет,

которых я боюсь

— Но

герцог Алан

— Поч

королева,

— Ах!

— Ренэ

принца Генри

матери....

глубину ее

любовь сделат

шое королю

мне показ

Ну хороши

будет!..

— Ко

— Лу

ком моего

конног

левство б

ской вой

Гиза.

— Я

зал Ренэ

— Е

Европе,

жать Ф

в прису

— Ты слышал, — сказала королева, — она предсказала своему сыну, что он будет королем Франции!

— Она сошла с ума...

— Нет, но она опасна, она в сто раз страшнее Гизов, которых я боялась.

— Но король жив. Живы также король Польский и герцог Алансонский...

— Почем знать, — с внезапным волнением заметила королева, — почем знать, не ускорят ли их кончину?..

— Ах! Ваше Величество.

— Ренэ! Ренэ! — пробормотала Екатерина. — Не принца Генриха Бурбонского опасуюсь я — я опасуюсь его матери.... О! Наши глаза встретились, мой взгляд проник в глубину ее души, и я поняла, что эта женщина задалась целью сделать из крошечного королевства своего сына большое королевство, и поэтому, когда она осматривала Лувр, мне показалось, что она чувствует себя здесь как дома... Ну хорошо! Видишь ли, Ренэ, этого не должно быть и не будет!..

— Конечно, нет! — подтвердил флорентинец.

— Лучше назначить простого дворянина наследником моего последнего сына, лучше поднять на щите незаконнорожденного, лучше сжечь Париж и оставить королевство без правителя, предоставив его ужасам гражданской войны, чем увидеть на троне Франции Бурбона или Гиза.

— Я разделяю ваше мнение, Ваше Величество, — сказал Ренэ, от всей души ненавидевший Генриха.

— Вот уже двадцать лет, как я предписываю законы Европе, — продолжала Екатерина. — Я, заставившая дрожать Филиппа II, испугалась этой женщины, я дрожала в присутствии этой королевы гор, сделавшейся апостолом

новой веры, которая через нее навербовала себе уже множество сторонников в моем собственном королевстве... Ренэ, я боюсь...

Говоря это, Екатерина действительно испытывала сильное волнение. Ренэ молчал.

— Я не боялась бы Генриха Бурбонского, — продолжала она, — если бы ему не давала советы и не руководила им его мать. Он ветрен... этого достаточно, чтобы заставить его поступать по-своему, но она...

Ренэ начал понимать.

— Приказывайте, Ваше Величество, — сказал он, — я все исполню.

— Мне нечего приказывать, — сказала Екатерина, — но я хочу кое-что напомнить тебе.

— Я слушаю вас, Ваше Величество.

— Неделю назад я дала клятву принцу Генриху.

— Я помню это.

— Клятву, что ты не покусишься на его жизнь и жизни ювелирши Сарры, Пибрака и Ноэ.

— И я не решусь на это, Ваше Величество.

— Ты прав, я держу свои клятвы, но...

Королева медлила. Ренэ ждал молча.

— Но, — продолжила она наконец, — принц забыл обезопасить жизнь одной личности.

Ренэ вздрогнул.

— Понимаю, — сказал он.

— Больше ни слова об этом, и поступай как знаешь.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Но выслушай мой совет.

Ренэ посмотрел на королеву.

— Кинжал — слишком простое оружие, советую тебе выбрать что-нибудь понадежнее.

— Ваше Величество, — ответил Ренэ, — производя опыты алхимии, я открыл отличный яд.

— В самом деле? — спросила королева.

— Он не оставляет никаких следов.

— Ну это уже твое дело... Прощай...

И Екатерина, оставив Ренэ, вернулась в Лувр.

Ренэ долго сидел на киле лодки, погрузившись в глубокое раздумье.

Наконец он встал.

«Пойду к Паоле! — подумал он. — У меня возник план...»

И он пошел по направлению к мосту Менял.

Подойдя к стоявшему у входа на мост фонарю, он увидел в углу человеческую фигуру.

В то же время он услышал молодой женский голос:

— Добрый господин, сжальтесь над бедной голодной девушкой, которая не знает, к кому обратиться за помощью.

Тень придвинулась, встала перед Ренэ, и он увидел при мерцающем свете фонаря молодую, очень красивую женщину, одетую в лохмотья, которая смиренно протянула ему руку.

— В самом деле, бедное дитя, — спросил Ренэ, — неужели ты умираешь с голоду?

— Вот уже два дня как я ничего не ела.

Обыкновенно флорентинец не отличался щедростью, но в настоящую минуту он был так обрадован только что полученными ужасными приказаниями Екатерины, что даже расщедрился.

— Прекрасное дитя мое, — сказал он, доставая из кармана кошелек, — я дам тебе золотой, чтобы ты могла ска-

зять, что флорентинец Ренэ добрый и сострадательный человек.

— А! Так вы господин Ренэ? — спросила нищая.

— Конечно, — ответил парфюмер, не заметив устремленного на него горящего взгляда молодой девушки.

— Господин Ренэ, парфюмер королевы?..

— На свете есть только один Ренэ, — ответил он.

С этими словами он заглянул в кошелек. В ту же минуту нищая быстро выхватила кинжал, лезвие которого блеснуло от упавшего на него света фонаря.

— А, негодяй! — воскликнула она. — Вот уже две недели я поджидаю тебя.

И она с яростью ударила Ренэ, прежде чем тот успел отступить и защититься.

XXXV

В то время как королева-мать и ее злой гений флорентинец Ренэ спешили уйти из углубления, откуда они слышали предсказания королевы Жанны д'Альбре, Генрих и Ноэ выходили от королевы Наваррской.

Как уже говорил Ренэ, гасконцы, привезенные королевой Жанной, заняли отель Босежур и этим как бы обратили его в крепость.

Человек десять расположились в нижнем этаже и выставили караул у дверей.

Десять других устроили себе походные кровати.

Наконец, последние десять составили нечто вроде караула в двух комнатах, соседних со спальней их государыни.

— Я вижу, что моя мать может сегодня спать спокойно, — заметил, улыбаясь, принц, похлопывая по плечу беарнских придворных.

— Конечно
дат, с гордостью

— Я не с
пришлось бы
ронством уро

— Успоко
будь благора

с моим кузене

Генрих в

— Куда

— Осве

— В так

— Да, п

— Но в

— Ну т

рих.

— И ес

— А! Э

— Но к

ние.

— Поч

— Чер

очень позд

кую-нибуд

— О

принц, —

— Чт

тым небо

— Н

Ноэ н

— Р

спросил с

— Конечно, Ваше Высочество, — ответил старый солдат, с гордостью покручивая седые усы.

— Я не советую королю Карлу IX атаковать нас: ему пришлось бы плохо, — добавил молодой человек с фанфаронством уроженцев юга.

— Успокойся, Навайль, — сказал, улыбаясь, принц, — будь благоразумен, мой друг, если не хочешь поссорить меня с моим кузеном, французским королем.

Генрих взял под руку Ноэ и вышел из комнаты.

— Куда же мы идем, принц? — спросил Ноэ.

— Освежиться.

— В такую-то пору?

— Да, потому что у меня мигрень.

— Но ведь нам приготовлен здесь ночлег...

— Ну так что ж? — с пренебрежением ответил Генрих.

— И если вы не предпочитаете идти ночевать в Лувр...

— А! Это недурная мысль.

— Но которую я не советовал бы приводить в исполнение.

— Почему?

— Черт возьми! Принцесса Маргарита ложится теперь очень поздно и вы может быть захотите рассказать ей какую-нибудь сказку, чтобы усыпить ее.

— Ошибаешься, милый друг, — возразил, смеясь, принц, — я не пойду в Лувр.

— Что? Ваше Высочество хочет ночевать под открытым небом?

— Ничуть. Я вернусь ночевать сюда.

Ноэ вытаращил глаза.

— Разве вы уже разлюбили принцессу Маргариту? — спросил он.

— О! Если бы... но...

— Но? — спросил Ноэ.

— Последние два дня мне кажется, что... моя любовь...

Генрих замолчал.

— Ну и что же? — настаивал Ноэ.

— Мне кажется, что моя любовь сделалась благоразумней, по крайней мере более спокойной, — заключил принц.

— Хорошо, я понимаю.

И Ноэ насмешливо улыбнулся.

— Я понимаю, — продолжал он, — почему произошла эта перемена.

— Ну? Почему же?

— Вы, наверное, помните, Генрих, что накануне нашего отъезда из Нерака, когда я провожал вас на ваше последнее свидание с бедной графиней Грамон, вы рассказали мне прекрасную теорию любви.

— Я не помню этого.

— Теорию, которую вы почерпнули из рассказов вашей бабушки, королевы Маргариты Наваррской.

— Мне изменила память.

— Королева Наваррская говорила, — продолжал Ноэ, — что любовь очаровательна...

— Только тогда, когда она добывается путем, полным препятствий, — досказал, вспоминая, Генрих.

— Ну, — продолжал Ноэ, — королева Наваррская была права. Неделью назад вы гораздо более любили Маргариту...

— Возможно.

— ...когда Нанси водила вас за руку по таинственному коридору...

Генрих вздохнул.

— ...когда вы входили тайком к принцессе Маргарите, дрожа при малейшем шуме, и когда вам грозил кинжал Ренэ.

— Опасность имеет такую большую прелесть!

— Но теперь сир Коарасс уступил место принцу Генриху Бурбонскому, который во всякое время дня и ночи может войти в Лувр, принц Генрих Бурбонский должен жениться на принцессе Маргарите...

— Ну! — спросил принц. — Какое же ты выводешь из этого заключение?

— То, что я знаю, куда вы, Ваше Высочество, идете в такой поздний час.

— Куда же?

— Вы идете побродить по улице Претр-Сен-Жермен.

— Пустомеля.

— В окрестностях лавки бакалейщика Жоделя.

— Верно, и ты пойдешь со мной.

— Идет.

Разговаривая таким образом, молодые люди вышли из отеля Босежур и подошли к площади Сен-Жермен Л'Оксерруа.

Ноэ посмотрел на кабачок Маликана и вздохнул.

— Что с тобой? — спросил Генрих.

— Я думаю о том, что Маликан — неотесанный медведь.

— Что? — спросил Генрих. — Теперь ты будешь злословить о Маликане?

— Не совсем.

— О человеке, преданном нам душой и телом.

— Вам, Генрих.

— И тебе тоже, Ноэ.

— О! Только случайно.

— Но что же сделал тебе Маликан?

— Ничего.

— Зачем же ты злословишь о нем?

— Потому что он имеет несчастье быть дядей Миетты.

— По-твоему, это несчастье?

— Миетты, у которой такие маленькие ножки и ручки, такой хорошенькой, что можно поклясться, что она благородного происхождения...

— Которую ты любишь.

— И которую я сделал бы графиней Ноэ, если бы в ее красном переднике был хотя бы крохотный пергамент.

— О! — воскликнул Генрих. — Это пустяки.

— Что вы хотите этим сказать, Генрих?

— Когда я буду королем Наварры, то пожалую Маликану дворянство...

Ноэ пожал плечами.

— Это будет для меня слишком юное дворянство, Ваше Высочество.

Ноэ снова вздохнул и продолжал путь.

У входа на улицу Претр Генрих сказал ему:

— Останься здесь и сторожи.

— Это лишнее, на улице не видно ни души.

— Но может пройти кто-нибудь.

— К тому же вам больше не грозит кинжал Ренэ.

— О! Нет... но я боюсь другого...

— Чего же?

— Ревности Маргариты. Я не доверяю этому беленькому румяному чертенку, которого зовут Нанси.

— Но ведь Нанси предана вам!

— Она, действительно, была очень предана сиру Коассассу... но почем знать, не изменит ли она принцу Генриху Бурбонскому.

— О,
гически и н
Но Ген
улицы.

Подой
наверх и у
«В то
ные», —

Прин
время пес

Через
рилось ок

Генри
Прио

время чей
— Э

— Д
Прин

ры и по

— С
— В

Сарра,
— Р

— Т
— А

— П
— К

— Л
— М

таком с
Ген
погляди

— О, знатность рода! Ты только пустой звук! — трагически и насмешливо воскликнул Ноэ.

Но Генрих уже быстро удалялся, оставив Ноэ на углу улицы.

Подойдя к дому Жоделя, принц Наваррский взглянул наверх и убедился, что там темно.

«В тот час, когда спят лавочники, не спят влюбленные», — подумал он.

Принц запел вполголоса очень распространенную в то время песенку.

Через минуту после того, как он умолк, тихо приотворилось окно в нижнем этаже.

Генрих подошел и запел снова, но еще тише.

Приотворенное окно раскрылось совершенно, и в то же время чей-то взволнованный голос спросил:

— Это вы, Генрих?

— Да, это я.

Принц подошел еще ближе, взял маленькую ручку Сарры и пожал ее.

— О! Дорогая Сарра!.. — прошептал он.

— Ваше Высочество... — с дрожью в голосе спросила Сарра, — с вами ничего не случилось?

— Решительно ничего. К чему этот вопрос, мой друг?

— Теперь так поздно, — заметила ювелирша.

— Да, уже полночь.

— Прежде вы приходили раньше!

— Да, милая Сарра, но сегодня приехала моя мать.

— Королева Жанна! — воскликнула ювелирша. — В таком случае мы спасены.

Генрих облокотился на подоконник и время от времени поглядывал по сторонам.

— Спасены! — сказал он, отвечая на слова Сарры. — О, да, конечно... и вам теперь уже нечего бояться Ренэ.

— А вам?.. — все еще взволнованно спросила она.

— Мне дала слово королева Екатерина. К тому же...

— К тому же вы женитесь на принцессе Маргарите, — заметила Сарра.

— Ах, Сарра, дорогая Сарра! — воскликнул Генрих. — Не говорите мне о Маргарите... я люблю вас...

— Нет, Ваше Высочество, — сказала ювелирша, — вы должны любить не меня... а ее...

— О! Замолчите...

— Генрих, — ласково прошептала Сарра, — вы должны любить женщину, предназначенную вам в супруги... ту, которая еще больше приблизит вас к трону Франции.

— Сарра!

— У вас благородное сердце, принц, и какое-то смутное предчувствие говорит мне, что вы будете со временем великим королем...

Генрих вздрогнул, вспомнив, что час тому назад ему предсказала то же самое его мать.

— Короли имеют обязанности по отношению к своему народу, — продолжала Сарра, — у них есть высокое призвание, которое не всегда позволяет им следовать влечениям сердца.

— А между тем я чувствую, дорогая Сарра, — горячо возразил Генрих, — что люблю не Маргариту, а вас...

— Быть может, вы любите нас обеих...

Несмотря на ее грустное настроение, в голосе Сарры слышалась ирония.

Принц вздохнул и замолчал.

— Но повторяю вам, Генрих, что вы должны любить не

меня, — продолжала Сарра. — Если будет нужно, я уеду от вас... и вы забудете меня...

— Никогда!

Генрих произнес это слово с такой горячностью, что Сарра услышала учащенное биение его сердца.

— О! Нет Сарра, — продолжал он, — я никогда не соглашусь забыть вас, я никогда не буду в состоянии расстаться с вами.

— Это необходимо, Генрих...

— Подождите, Сарра, выслушайте меня. Клянусь вам, что я исполню все, что сейчас скажу.

— Говорите...

— Если вы оставите меня, если вы вернетесь к Кори-зандре, я не послушаюсь моей матери, откажусь от женитьбы и последую за вами.

— Вы сошли с ума!..

— Может быть...

— Вы этого не сделаете!

— Сделаю, потому что люблю вас...

Сарра с минуту помолчала, в то же время Генрих покрывал ее руки горячими поцелуями, и она не решалась отнять их.

— Генрих, — вдруг сказала она, — теперь вы должны выслушать меня.

Голос Сарры сделался тверже, и в нем послышалась решительность.

— Я слушаю вас, — ответил принц.

— Вы любите меня, — продолжала Сарра, — и я верю этому, я чувствую это... Но я тоже люблю вас и найду мужество пожертвовать собой.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я сумею пожертвовать собой ради вашего будущего.

го, Генрих, я сумею заглушить голос своего сердца и перестану думать только о вас...

— Ах, Сарра, Сарра!.. Не говорите мне этого.

— Выслушайте меня до конца. Если бы вы были настолько безумны, чтобы расторгнуть предстоящий брак с принцессой Маргаритой, то у меня хватило бы решимости удалиться в монастырь и навсегда бежать от вас...

— О, Сарра? — с горестью воскликнул Генрих.

— Хотите, Генрих, чтобы я была вашим другом, но только другом, тогда я не уеду. Вы устройте меня около королевы, вашей матери, и, знаете что... Мне что-то говорит, что я буду играть в вашей судьбе роль ангела-хранителя.

Генрих не успел ответить, потому что услышал шум быстрых шагов в конце улицы, противоположном тому, где стоял на страже Ноэ.

— Прощайте!.. До завтра! — сказал он, довольный тем, что не успел дать решительного ответа на предложение прекрасной ювелирши.

— Прощайте... до завтра... — повторила она.

Окно затворилось.

В ту же минуту, прежде чем принц успел отойти, он наткнулся на женщину, которая, нервно смеясь и размахивая кинжалом, бежала так быстро, что задыхалась.

Принц схватил ее за руку и, думая, что имеет дело с сумасшедшей, остановил ее.

— Кто вы? — спросил он.

— Пустите! Пустите! — крикнула в ответ женщина. — Пропустите меня... я убила его!

Она смеялась, как безумная, стараясь вырваться из рук принца.

— Кого же вы убили? — спросил он.

— Его! Ф
Генрих чу
— Вы уб
— Да...

мост...

— Ноэ!

Ноэ приб

— Повто

ивал принц.

Молодая

— Да...

демте со мно

как весь свет

Нищая,

молодых лю

жать и таки

На мост

мелькнула м

Но фон

виднелись н

Ноэ и

Это бы

рокоплеча

бами и гу

бы за вак

да, котор

вания три

хождение

Это б

— Его! Флорентинца!.. Ренэ...

Генрих чуть не вскрикнул.

— Вы убили Ренэ? — воскликнул он.

— Да... пять минут тому назад... он упал у входа на мост...

— Ноэ! — закричал Генрих. — Ноэ, идите сюда!

Ноэ прибежал.

— Повторите то, что вы только что сказали, — настаивал принц.

Молодая женщина, нищая, продолжала смеяться.

— Да... да... — повторяла она, — я убила его... пойдемте со мною... пойдемте... потому что и вы так же, как я и как весь свет, должны ненавидеть Ренэ!

Нищая, которой овладело безумие, взяла за руку обоих молодых людей. Они пошли за ней, потом пустились бежать и таким образом достигли моста Меньял.

На мосту не было ни души, и у молодых людей промелькнула мысль, что они сделались жертвами обмана.

Но фонарь освещал парапет моста, и на белом камне виднелись капли крови.

XXXVI

Ноэ и принц внимательно посмотрели на нищую.

Это была очень красивая девушка, высокая, ладная, широкоплечая, с темно-голубыми глазами, чувственными губами и густыми черными волосами. В Афинах ее приняли бы за вакханку, в Риме — за одну из тех женщин из народа, которые несут на руках своих голых детей по пути следования триумфатора. В Париже легко определить ее происхождение.

Это была девушка из предместья, смесь галльской и

римской крови, отпрыск Валеда из Арморика и предшественница слишком известной Теруань де Мерикур. Она была среднего мужского роста, и ее прекрасно округленная рука, казалось, обладала могучими мускулами.

— Какая красивая девушка! — воскликнул принц.

— Клянусь честью, что вы правы, Генрих, — добавил шутник Ноэ.

Ницая с недоумением смотрела на землю.

— Дитя мое, — сказал Генрих, — ты, вероятно, его только оцарапала, и он должно быть пошел дальше.

— Я ударила его очень сильно, но почувствовала, как кинжал мой наткнулся на какое-то препятствие, — возразила она, — да вот посмотрите...

Она показала рукоятку кинжала, обагренную кровью, и на лице ее отразилось глубокое отчаяние.

— Ты, значит, сильно ненавидишь его? — спросил принц.

— Что же он сделал тебе? — прибавил в то же время Ноэ.

Ницая зло засмеялась.

— Я вижу, — сказала она, — что вы не знаете, кто я...

— Кто же ты?

— Я Фаринетта.

— Ну так что же? — спросил принц, в первый раз слышавший это имя.

Ницая с удивлением посмотрела на Генриха Наваррского.

— Это правда. Вы знатные люди, и поэтому не знаете, кто такая Фаринетта, — сказала она.

— Конечно, нет.

— Но если бы вы бывали во Дворе Чудес, то вам сказали бы там, кто я такая.

— Ну, кр
рих.

— Я вдо

Она прои

— Гаскар

— Да, Га

вого лейтена

Двором Чуд

Конечно

ного, которы

повешен вме

И оба то

Молода

Гаскариле с

ворила бы с

— Ага

Ренэ, — п

отвращени

— Я п

— И я

— На

человек, о

— Эт

рих.

— Да

— Чт

— С

Говор

— В

риль счи

и которы

тили и по

— Ну, красавица, скажи нам это сама, — спросил Генрих.

— Я вдова Гаскариля, милостивый государь.

Она произнесла это имя с гордостью.

— Гаскариля!

— Да, Гаскариля-шута, Гаскариля-вора, Гаскариля, первого лейтенанта цыганского короля, который управляет Двором Чудес.

Конечно, ни Генрих, ни Ноэ не забыли имени несчастного, который дал себя провести президенту Ренодену и был повешен вместо Ренэ.

И оба тотчас же поняли ненависть Фаринетты.

Молодая женщина гордо подбоченилась и говорила о Гаскариле с таким уважением, с каким другая женщина говорила бы о герое.

— Ага! Теперь вы понимаете, почему я ненавижу Ренэ, — продолжала она, — почему я чувствую к нему отвращение, почему я поклялась убить его.

— Я понимаю тебя, — сказал Генрих.

— И я тоже, — добавил Ноэ.

— Накануне смерти Гаскариля, во Двор Чудес пришел человек, одетый в черное. Это был судья.

— Это был, должно быть, Реноден, — заметил Генрих.

— Да, его звали Реноден.

— Что же он сказал тебе?

— Сейчас расскажу. О, это целая история!

Говоря это, Фаринетта села на мостовую.

— Видите ли, — начала она, — во Дворе Чудес Гаскариль считался человеком, который всегда умеет выпутаться и который находится в сделке с дьяволом. Когда его захватили и посадили в тюрьму, то никто не беспокоился. Все зна-

ли, что он найдет возможность уйти оттуда. Итак, Гаскари-
ля судили и присудили к смерти. Его должны были повесить
через три дня, и я пришла во Двор Чудес несколько встре-
воженная.

«Что с тобой?» — спросил меня герцог египетский.

«Я боюсь за Гаскариля», — ответила я со слезами на
глазах.

Герцог египетский засмеялся.

«Какая глупая эта Фаринетта», — сказал цыганский
король.

«Почему это?»

«Она думает, что Гаскариля могут повесить».

Вокруг меня все засмеялись, и я последовала их приме-
ру.

Мы отлично знали, что Гаскариль выберется из Шатле
и покажет кукиш Кабошу.

«Фаринетта, хочешь танцевать с герцогом египетс-
ким?» — спросил меня цыганский король.

«Хочу», — ответила я и пошла танцевать вокруг кост-
ра, горевшего на Дворе Чудес, друзья аплодировали и го-
ворили:

«Фаринетта — красавица, и Гаскариль, когда вернется,
сделает ее своей возлюбленной».

Инвалид-цыган, бросив свои костыли, чтобы принять
участие в танцах, сказал:

«Я хотел бы, чтобы повесили Гаскариля...»

«Почему это?» — спросила я.

«Потому что тогда я бы женился на тебе», — ответил
он.

«Ты слишком некрасив для этого», — сказала я и дала
ему пощечину.

В эту минуту пришел судья, одетый в черное.

Танцы п
Судья, п
быть смел
«Зачем

король.

«Я при

На него

ский сказа

«Види

да ему нуж

мента».

Услыха

«Это т

«Да, м

«Я при

«Он в

«Нет,

«Как

«Я от

руку, отве

«Види

«От м

«Если

дет богат

Судья

риль не ро

ли. Но я,

доть себя

«Ска

сказала я

«Есл

«Ну

Танцы прекратились, и круг около огня расступился. Судья, решившийся прийти во Двор Чудес, должен был быть смелым человеком.

«Зачем ты пришел сюда?» — спросил его цыганский король.

«Я пришел от Гаскариля».

На него посмотрели с любопытством, и герцог египетский сказал мне:

«Видишь, Фаринетта, Гаскариль ловкий человек! Когда ему нужен комиссионер, он берет его из членов парламента».

Услыхав мое имя, судья обернулся и спросил:

«Это тебя зовут Фаринеттой?»

«Да, меня».

«Я пришел к тебе от Гаскариля».

«Он вышел из тюрьмы?» — спросила я.

«Нет, но скоро выйдет».

«Каким образом?»

«Я отворю ему двери», — ответил он и, взяв меня за руку, отвел в сторону.

«Видишь ли, участь Гаскариля зависит от тебя...»

«От меня!..» — воскликнула я.

«Если ты согласишься дать ему добрый совет, то он будет богат и ты тоже».

Судья рассказал мне историю Ренэ и сказал, что Гаскариль не решается, потому что боится, как бы его не обманули. Но я, веря, что Гаскариль не может умереть, дала убедить себя.

«Скажите ему, чтобы он согласился и взял деньги», — сказала я судьбе.

«Если я передам ему твои слова, он не поверит мне».

«Ну хорошо! Возьмите это...»

Я вынула из волос шпильку и дала ему.

«Передайте ему, — сказала я, — он будет знать, что это от меня, и сделает все, что вы захотите».

Фаринетта замолчала и принц увидел, как по ее щеке тихо скатилась слеза.

— Это я убила Гаскариля, — сказала она.

— Как это, дитя мое?

— Да, я, — повторила она, — потому что, когда он увидел шпильку, то поверил судье и согласился на все.

— И ты думаешь, что он не был бы повешен, если бы не взял на себя преступление Ренэ? — спросил принц.

— Нет, он спасся бы. Черт всегда являлся ему на помощь. Но Ренэ еще в лучших отношениях с чертом, чем был Гаскариль, и позволил ему умереть, чтобы не разгласить тайну Ренэ.

Это объяснение Фаринетты могло, пожалуй, вызвать много споров и опровержений, но Генрих считал бесполезным оспаривать мнение девушки, воспитанной во Дворе Чудес, и ограничился только тем, что спросил ее:

— Итак, ты ненавидишь Ренэ?

— В день смерти Гаскариля я поклялась убить его. Слушайте...

И Фаринетта продолжала рассказывать.

— Так как мы все поверили словам судьи, то я и человек двенадцать товарищей по Двору Чудес пошли посмотреть на казнь.

Мы встали около виселицы и увидели Гаскариля, который шел, опираясь о плечо Кабоша, и улыбался.

В эту минуту нас оттолкнули полицейские и заставили отойти на противоположную сторону Гревской площади.

«А Кабош недурен», — прошептал один вор.

«Бравый де
вида ни одного
довольно больш

«Я желал б
чтобы он повес
сит Гаскариля».

Мы стояли
риль вскрикнул

«Шутник,
ряется, будто кр

Палач заст
тем столкнул е

Я закрыла

«Глупая, —
ешь ведь, что п
вает веревка, к

Однако я б
когда я увидел
ками и ногами.

«Ловко сь
Можно сказат

Покачавш
подвижным.

«Теперь о
вор.

«О! Он, м
кликнула я.

Вокруг ме
ли с виселицы

Фаринетт

Но вдруг
— В ту ж

«Бравый детина», — сказал «слепой», не терявший из вида ни одного движения осужденного, хотя мы были на довольно большом расстоянии.

«Я желал бы, если когда-нибудь попадусь в его руки, чтобы он повесил меня ради шутки так же, как сейчас повесит Гаскариля», — сказал герцог египетский.

Мы стояли далеко, но все-таки я услышала, как Гаскариль вскрикнул.

«Шутник, — сказал герцог египетский, — он притворяется, будто кричит, чтобы лучше одурачить окружающих».

Палач заставил Гаскариля подняться по лестнице и затем толкнул его в пустое пространство.

Я закрыла глаза и громко вскрикнула.

«Глупая, — сказал мне герцог египетский, — ты знаешь ведь, что петля незатяжная и что Гаскариля поддерживает веревка, которая проходит у него под мышками».

Однако я боялась, и дрожь пробежала у меня по телу, когда я увидела моего бедного Гаскариля, болтающего руками и ногами.

«Ловко сыграно! — повторил герцог египетский. — Можно сказать, что он в самом деле повешен».

Покачавшись немного, Гаскариль постепенно стал неподвижным.

«Теперь он представляется мертвым», — сказал один вор.

«О! Он, может быть, действительно умер!..» — воскликнула я.

Вокруг меня все засмеялись; час спустя Гаскариля сняли с виселицы, он был мертв.

Фаринетта опять замолчала и горько зарыдала.

Но вдруг она закричала в исступлении:

— В ту же ночь я поклялась убить Ренэ... я дала клятву

над трупом Гаскариля в присутствии своих товарищей по Двору Чудес.

— Ну, бедняжка, ты плохо сдержала клятву, — сказал Генрих.

— Вы думаете?..

— Ренэ, вероятно, ранен... но ранен легко, потому что смог уйти...

— Мне кажется, что мы можем убедиться в этом, — сказал Ноэ.

— Каким образом?

— Едва ли он пошел на перевязку в Лувр.

— Конечно.

— И мы, наверное, найдем его на мосту Святого Михаила.

— Вы правы! — воскликнула Фаринетта. — Мы найдем его там, и я покончу с ним.

Фаринетта взмахнула кинжалом, и взгляд ее сделался свиреп.

Генрих взял ее за руку.

— Выслушай меня, — сказал он.

— Хорошо, я слушаю.

— Ты хочешь убить Ренэ?

— Хочу ли я!

— Мы его ненавидим так же, как и ты, но так как ты промахнулась сегодня, то мы не дадим тебе покончить с ним.

— Почему это? — с угрозой спросила Фаринетта.

— Потому что и мы тоже хотим отомстить ему.

— Вы?

— Да, мы... но только не ударом кинжала.

Глаза Фаринетты горели мщением.

— Вы нашли что-нибудь получше этого? — спросила она.

— Может быть... и если ты согласишься послушаться меня...

Фаринетта недоверчиво посмотрела на принца.

— Вы молоды и прекрасны, — с наивным восторгом сказала она наконец, — а молодой и красивый человек должен быть искренен.

— Я таков и в самом деле.

— И вы не лжете?

— Нет, клянусь тебе.

— Ну, хорошо! — сказала она, покоряясь и как бы поддаваясь внезапному очарованию. — Я верю вам... вот возьмите...

И она отдала свой кинжал принцу, прибавив:

— Я сделаю все, что вы захотите.

— Хорошо. Идем с нами.

Ноэ шепнул принцу:

— Почему вы не оставите все на волю судьбы?

— Потому что если Фаринетта убьет Ренэ, то королева-мать найдет возможность уверить, что тут замешаны мы, — ответил принц.

— Что же тогда делать?

— Я хочу прежде всего узнать, опасно ли ранен Ренэ?

Пойдем...

Фаринетта и оба молодых человека прошли Сите и скоро дошли до моста Святого Михаила.

Ночь была темная, но через запертую дверь лавки Ренэ виднелся свет лампы.

— Видишь, я не ошибся, — сказал Генрих.

— Он дома, — прибавил Ноэ, знаком приказав Фаринетте остановиться.

Все трое подошли на цыпочках, и Генрих первый заглянул в щель в ставне.

Ноэ и Фаринетта последовали его примеру.

Вот что они увидели: флорентинец Ренэ, страшно бледный, лежал на постели Годольфина. Лунатик держал его голову, а какая-то женщина, держа в одной руке кувшин, промывала рану, нанесенную кинжалом цыганки.

Фаринетта вздрогнула.

— Кто эта женщина? — спросила она.

— Это его дочь...

Дитя Двора Чудес зарычала так ужасно, что у Ноэ и принца дрожь пробежала по телу.

— О! — воскликнула она. — Теперь я убью не его...

— Кого же? — спросил Генрих.

Фаринетта дико засмеялась.

— Нет не его, — повторила она, — а его дочь!..

XXXVII

Получив удар кинжалом, Ренэ опустился на мостовую.

В течение нескольких минут, не понимая причины этого внезапного нападения со стороны незнакомки, жертвой которого он стал, Ренэ спрашивал себя, не был ли он игрушкой кошмара...

Но вскоре кровь, струившаяся из раны, потекла меж его пальцев и напомнила ему о действительности.

Тогда флорентинец испугался, что может умереть в этом пустынном месте, не имея около себя друга, точно собака.

— О! Нет, нет! — говорил он. — Если моя рана смертельна, то я должен быть отомщен!

Этот человек, любивший только одного себя и ненавидевший весь мир, этот убийца, отравитель, известный под именем флорентинец Ренэ, тихо произнес: «Паола!»

Негодяй вспомнил о дочери.

У него хватило сил подняться, расстегнуть куртку, проколотую кинжалом Фаринетты, и ощупать место, куда нанесена была рана.

Он был ранен в правый бок, но кинжал, наткнувшись на кольчугу, отклонился в сторону.

Ренэ зажал рану ладонью, чтобы остановить кровотечение, потом, собрав остаток сил, отправился домой.

Несколько раз он чуть не падал без чувств, несколько раз им овладевала слабость, которую он считал предвестником смерти...

Когда он проходил мимо Святой Капеллы, то принужден был даже опереться о выступ стены и передохнуть. Наконец он добрался до моста Святого Михаила, упал, обессиленный, у порога своей лавки и позвал глухим голосом:

— Годольфин, сюда, Годольфин!

Лунатик, только что заснувший, сначала ничего не слышал.

— Годольфин! — снова позвал Ренэ, стуча в ставню.

— Годольфин! — повторил голос внутри.

Это был голос Паолы.

Паола спала не так крепко, как ее товарищ, и хотя была дальше от дверей, чем он, но тотчас же проснулась, прислушалась и узнала голос отца.

— Отопри, Годольфин! — закричала она.

Годольфин наконец проснулся, побежал на крик и увидел Ренэ, лежавшего без сознания у порога.

— Сюда, Паола! — позвал он.

Паола прибежала, едва одетая, и вскрикнула от ужаса.

Отец ее был весь в крови, и лицо его было так бледно, что можно было подумать, что он уже умер.

Растерявшаяся молодая девушка помогла Годольфину поднять Ренэ и перенести его на кровать, которую Годольфин расставлял на ночь в лавке.

Затем она разорвала куртку и рубашку и тотчас же наложила ткань на рану, между тем как Годольфин давал Ренэ нюхать уксус.

Через десять минут флорентинец пришел в себя, взглянул и узнал свою дочь и Годольфина.

— Отец, что случилось с вами? — спросила Паола, осторожно промывая рану водой из кувшина.

— Какая-то женщина хотела убить меня, — ответил Ренэ еще слабым и дрожащим голосом.

— Женщина!

Молодые люди с удивлением переглянулись.

— Да, женщина, которую я не знаю... никогда не видал... нищая!

Годольфин и Паола снова переглянулись. Они взглядами, казалось, спрашивали друг друга:

— Почему знать? Может быть, он бредит.

Но, точно поняв значение этих взглядов, флорентинец повторил:

— Это молодая и красивая женщина, хотя в лохмотьях, она попросила у меня милостыни и, когда я назвал ей свое имя и стал доставать деньги из кошелька, она нанесла мне удар кинжалом.

— Это очень странно! — прошептала Паола.

Ренэ увидел висевшее над конторкой маленькое зеркало из полированной стали и сделал Годольфину знак, который тот тотчас же понял.

Лунатик снял зеркало и принес его Ренэ.

— Зажги две свечи, — сказал флорентинец.

Годольфин исполнил и это приказание. Тогда Ренэ велел ему поставить свечи и, держа зеркало перед собой, начал исследовать рану.

Ренэ был отчасти хирургом и с хладнокровием знатока рассматривал рану.

— Кинжал соскользнул, — сказал он наконец, — задето только мясо, я не умру от этого!

Потом он прибавил, обращаясь к Годольфину:

— Пойди в мою лабораторию, там на полке ты увидишь бутылку с темно-зеленой жидкостью.

— Я знаю, о чем вы говорите, — ответил Годольфин, бросившись к лестнице, ведущей в лабораторию.

Лунатик скоро вернулся с бутылкой.

Тогда Ренэ сказал Паоле:

— Принеси корпию, приготовь повязку, полей ее жидкостью из этой бутылки и налей в стакан несколько капель старого вина.

Паола в точности исполнила приказание отца.

Ренэ, зная, что сон почти всегда предохраняет от лихорадки, которую вызывает рана, выпил вино, поданное ему дочерью, смешанное с довольно сильным наркотическим средством.

Парфюмер повернулся на левый бок и сказал:

— Дайте мне заснуть!

Паола и Годольфин ушли, и Ренэ заснул.

Когда флорентинец проснулся, ночь уже прошла и солнечные лучи проникали в лавку.

Паола и Годольфин сидели у его изголовья. Хорошенькая головка Паолы с чисто женской кокетливостью склонилась на подушку отца.

— Как ты чувствуешь себя, дорогой отец! — ласково спросила она.

— Довольно хорошо, дитя мое.

— Ты очень страдаешь?

— Нет.

— Переменить тебе повязку?

— Да, — ответил Ренэ.

Итальянка с помощью Годольфина сняла повязку и с быстротой и ловкостью профессионального хирурга снова промыла рану.

— Хорошо, — сказал Ренэ, приказавший снова принести зеркало. — Случилось то, что я предвидел: кровотечение остановилось...

— Ты опасно ранен, дорогой отец?

— Нет, дитя мое.

— Твоя рана скоро затянется?

— Не позже как дня через три.

— И ты будешь в состоянии встать?

— О! Сейчас же...

— Берегись! — испуганно сказала Паола. — А вдруг снова начнется кровотечение?

— Дорогая Паола! — прошептал флорентинец, почувствовавший себя в эту минуту отцом.

Он приподнялся, сел на постели и сказал Годольфину:

— Помоги мне одеться, мне нужно пойти в Лувр.

— Опять! — сказала Паола.

Она произнесла это слово с нетерпением.

— Гм! Разве это не нравится тебе? — спросил Ренэ, пристально взглянув на дочь.

— Нет, — решительно ответила Паола.

— Почему?

— Потому что я хотела...

Она остановилась как бы в нерешительности.

— Ну! Говори... — настаивал Ренэ.

— Я уже давно хочу поговорить с вами, — набравшись смелости, сказала Паола.

Она взглянула на Годольфина, как бы говоря:

«Годольфин мешает мне, я хотела бы поговорить с вами с глазу на глаз».

Ренэ понял.

— Годольфин, — сказал он лунатику, — ты пойдешь сейчас...

— Хорошо, — ответил Годольфин.

— Ты пойдешь в Лувр и попросишь разрешения поговорить с королевой Екатериной.

— Что же прикажете сказать ей?

— Ты попросишь ее от моего имени передать тебе коробку с коричневым порошком, которую она получила из Венеции. Она поймет, что я подразумеваю под этим.

Годольфин взял шляпу и плащ.

Когда он уже собрался уходить, флорентинец прибавил:

— Попроси еще королеву дать тебе коробку с перчатками, которую она получила в прошлом месяце из Флоренции в подарок от своего племянника герцога Медичи.

Годольфин ушел.

Ренэ посмотрел на дочь.

— Ну, дитя мое, — сказал он, — теперь рассказывай, я слушаю.

Паола села у него в ногах и снова приняла льстивый и вкрадчивый вид.

— Отец, — сказала она, — помнишь, как две недели тому назад ты нашел меня темной ночью умирающей на площади Сен-Жермен Л'Оксерруа?

— Помню, дитя мое.

— Помнишь, что ты обещал мне тогда?

— Конечно.

— Ты поклялся мне отомстить негодяю, которого я любила и который обманул меня.

— Это правда.

— И... — сказала мстительная итальянка, — ты не сдержал своего обещания, отец?

— Я сдержу его.

— Когда же?

— Скорее, чем ты думаешь, дитя мое.

— В самом деле? — спросила она.

Глаза ее мрачно засверкали.

— Это так же верно, как то, что я здесь и что ты мое любимое дитя.

— Но... когда же?

— Скоро.

— Я бы предпочла, чтобы ты назначил число, — про-
бормотала Паола, смертельно ненавидевшая Ноэ.

— Я не могу назначить его.

— Но... хоть приблизительно?

У Ренэ мелькнула блестящая мысль.

— Слушай, — сказал он, — ты хочешь, чтобы я отомстил за тебя?

— О! Я была бы счастлива видеть, как он истекает кровью!

— Хорошо, ты будешь отомщена и скоро, но ты должна слушаться меня.

— Я буду.

— И повиноваться моим приказаниям безусловно.

— Согласна! — ответила Паола.

Ренэ сел на своей постели и сказал.

— Тебе надо уехать отсюда сегодня же ночью.

— Куда?

— Ты вернешься в Шальо, туда, где он спрятал тебя.

— О, никогда!

— Это необходимо, — твердо сказал Ренэ.

— Но... зачем?

— От этого зависит твоя месть.

— Не понимаю, — пробормотала Паола. — Объяснитесь, отец.

— Подожди! Итак, ты вернешься в Шальо...

— Ну, хорошо. А дальше что?..

— Ты напишешь Ноэ...

Паола побагровела.

— Ты напишешь или вообще как-нибудь уведомишь его, — продолжал Ренэ, — что должна увидеться с ним...

— О, отец! — воскликнула итальянка с таким явным отвращением, что Ренэ в свою очередь замолчал в нерешительности.

— Но все же, если ты хочешь, чтобы я отомстил за тебя, ты должна слушаться меня, — сказал он.

— Но видеть его, говорить с ним!.. Нет, это невозможно...

— Это необходимо!

Ренэ произнес эти слова так повелительно, что Паола замолчала.

— Это необходимо, если ты хочешь быть отомщена, — продолжал флорентинец, помолчав немного.

— Но что же я скажу ему, когда увижу? — спросила Паола.

— Ты бросишься ему на шею, попросишь у него прощения за то, что обманула его, и притворишься, что вернулась к нему...

Паола задрожала от гнева.

— Оставьте меня у себя, скажешь ты ему, — продолжал Ренэ, — но спасите меня от отца!

Молодая девушка, недоумевая, посмотрела на флорентинца.

Ренэ засмеялся.

— Ноэ будет тронут твоим раскаянием, твоей любовью, и так как ты явишься перед ним в роли обиженной женщины, он увидит необходимость снова избавить тебя от моего тиранства и уведомит об этом своего друга, принца Наваррского.

— И что же дальше? — спросила, все еще недоумевая, Паола.

— Принц и Ноэ спрячут тебя теперь уже не в Шальо.

— А где же?

— В Париже, в отеле Босежур, у королевы Наваррской.

Паола начала понимать.

— Отец, — решительно сказала она, — что вы рассчитываете сделать с моей помощью, когда я буду около королевы Наваррской?

— Это я скажу тебе после.

Ренэ приказал Паоле, пытавшейся что-то возразить, замолчать.

У дверей слышались шаги Годольфина, и лунатик скоро вошел.

Он нес в руках коробку с перчатками и вынул из кармана венецианский коричневый порошок.

Ренэ приложил палец к губам и посмотрел на дочь.

— Потом... — сказал он, — потом... Одень меня, — обратился он к Годольфину.

Годольфин ловко исполнил эту обязанность лакея, и Ренэ встал, не чувствуя особенно сильных страданий.

— Теперь, дети мои, — сказал он, — идемте со мной в лабораторию.

Опираясь на плечо дочери, флорентинец поднялся в комнату, превращенную в лабораторию парфюмера и алхимика. Там он опустился в большое кресло и приказал Годольфину:

— Возьми эту пустую склянку и брось ее на пол.

— Но она разобьется...

— Для того-то я и приказываю тебе бросить ее.

Годольфин ничего не понял, но разбил склянку на мелкие куски.

Тогда Ренэ открыл коробку с перчатками и вынул первую попавшуюся пару.

Потом он указал Годольфину на белую банку, в которой была какая-то дымящаяся бесцветная жидкость, напоминавшая гуммиарабик.

Годольфин принес ему банку и маленькую кисточку.

Ренэ обмакнул кисточку сначала в дымящуюся жидкость, а потом в осколки склянки, которые он окончательно раздавил ногой. Затем просунул кисточку в одну из перчаток и обмазал ее внутренность.

— Теперь, — сказал он Паоле, — открой коробку, которую принес Годольфин, возьми из нее щепотку порошка и брось его в эту перчатку. Вы оба должны быть моими сообщниками.

— Вашими сообщниками? — воскликнул Годольфин.

— Да, — ответил Ренэ, — истолченное стекло приклеится к перчатке и царапает кожу руки, на которую ее надедут.

— Ну, а порошок? — спросила Паола.

— Порошок — это яд, который проникнет через царапину.

Ренэ улыбнулся, а молодые люди переглянулись, недоумевая, кого хочет отравить флорентинец.

XXXVIII

В то время как флорентинец Ренэ отравлял пару перчаток в присутствии своей дочери и Годольфина, не знавших еще, кому предназначается этот ужасный подарок, на площади Сен-Жермен Л'Оксерруа, в кабачке Маликана, в двух шагах от Лувра, разыгралась совершенно другая сцена.

Наш друг Амори де Ноэ и наш герой принц Генрих, будущий король Наваррский, вернулись в отель Босежур очень поздно.

Куда делась Фаринетта? Эту тайну мы не замедлим разъяснить. Принц лег спать, когда уже утренняя заря показалась на горизонте.

Королева Екатерина, понимавшая все тонкости гостеприимства, поспешила приказать приготовить в отеле Босежур прекрасную комнату для своего гостя, принца Наваррского.

Рядом с этой комнатой была другая, предназначавшаяся для неразлучного друга Генриха Наваррского, то есть для Амори де Ноэ.

— Ноэ, друг мой, — спросил принц, ложась в постель, — ты не жалеешь хоть отчасти нашей комнатки в гостинице на улице Святого Иакова?

— Черт возьми, ничуть! — ответил Ноэ.

— В самом деле?

— Да нет же, — повторил молодой человек. — Клянусь вам, Генрих.

— Напрасно.

— Почему это?

Генрих покачал головой:

— Видишь ли, в гостинице на улице Святого Иакова стены не имеют ушей.

— Да они и здесь такие же.

— Здесь они могут быть местами полыми и иметь уши, как стены дворца Дионисия, тирана сиракузского.

— Ваше Высочество, — серьезно ответил Ноэ, — я уверен в том, что ваше воображение расстроено происшествиями сегодняшней ночи.

— Совсем нет... Какой же ты чужак! — возразил принц. — Кто как не королева Екатерина закончила постройку Лувра и проделала во всех стенах потайные окошечки.

— Это верно.

— Но если постройку Лувра она лишь заканчивала, то отель Босежур весь построен ею.

— Ах, черт возьми! — воскликнул Ноэ.

— Королева Екатерина способна предвидеть, что когда-нибудь в ее отеле остановится кто-нибудь, кого она должна опасаться.

— Хорошо, но к чему вы это говорите? — спросил Ноэ.

— К тому, что если ты хочешь поговорить со мной, то вместо того, чтобы говорить со своей постели, приди и сядь у меня в ногах.

— Идет, — ответил Ноэ и пересел на кровать Генриха Наваррского.

— Мне пришла в голову блестящая мысль, — сказал принц.

— Какая.

— В Париже кроме нас и наших земляков никто не говорит по-беарнски.

— По всей вероятности.

— А наши земляки никогда не станут шпионами королевны Екатерины.

— За это можно поручиться.

— Ну так будем говорить по-беарнски.

— Хорошо. Ну, что же вы хотели мне сказать? — спросил Ноэ на наречии их страны.

— Я хотел поговорить с тобой о Сарре, — ответил Генрих.

— Вы видели ее сегодня!

— Да, и если бы не эта сумасшедшая Фаринетта, которая помешала нам...

— Фаринетта оказала вам большую услугу, Ваше Высочество. И я в отчаянии, потому что вижу, как вы с каждым днем все сильнее привязываетесь к этой несчастной ювелирше.

— Ноэ!

— Ах, черт возьми! — пробормотал молодой человек. — Простите меня, Ваше Высочество, но я думаю о будущем.

— Уж не гадаешь и ты ли по звездам, как флорентинец Ренэ?

— Упаси меня боже!

— Или как сир Коарасс?

Ноэ засмеялся.

— Это не подвинуло бы меня далеко, — ответил он, — хотя я все думаю о будущем.

— Что же ты предвидишь впереди?

— Много дурного.

— Неужели!

— Честное слово, Ваше Высочество.

— Но что же именно?

— Вы рассердитесь на мою откровенность.

— Я? — воскликнул Генрих. — Я никогда не сержусь.

— Один раз не в счет.

— Рассказывай лучше, болтун, чем угощать меня нравоучениями.

— Я предвижу в будущем много неприятного для королевы Наваррской.

— Для моей матери?

— Нет, для молодой королевы Маргариты.

Генрих слегка нахмурил брови и ждал, чтобы Ноэ объяснил.

Ноэ продолжал серьезно:

— Несомненно, что принцесса Маргарита любит вас.

— Вероятно! — заметил польщенный принц.

— Она забудет герцога Гиза, если Ваше Высочество не найдет замену графине Грамон.

— Что же дальше? — спросил Генрих.

— Но так как подобная особа уже есть... и ее зовут Сарра...

— Ну так что же из этого?

— То, что принцесса Маргарита, знакомая с греческим и латинским языками, вспомнит римский закон, известный под названием...

Ноэ замолчал, надеясь, что его улыбка заменит слова.

— Как он назывался? — холодно спросил Генрих.

— Закон возмездия, Ваше Высочество.

— Ты становишься самонадеян, голубчик Ноэ, — ответил, улыбаясь, Генрих Наваррский. — И так как ты читаешь мне прекрасные наставления, то и я хочу задать тебе один вопрос.

— Я слушаю, Ваше Высочество.

— Какого ты мнения о Маликане?

— Это честный трактирщик.
— А еще что?..
— Что еще... черт возьми... больше ничего.
— Хорошо, а его племянница?
— Миетта — очень красивая девушка...
— А потом?
— Я люблю ее... — покраснев, ответил Ноэ.
— Отлично! Ты говорил мне на днях, что если бы у нее была хоть какая-нибудь грамота о дворянстве, то ты женился бы на ней.
— О! Да, конечно.
— Даже без приданого?
— Ба! Хижина моего уважаемого отца, сира де Ноэ, хотя и невелика, но имеет обыкновение принимать под свой кров женщин, у которых больше предков, чем денег.
— Но, увы! — воскликнул принц, тоже впадая в шутиливый тон. — Так как у Миетты нет грамоты о дворянстве...
— То я люблю ее ради ее прекрасных глаз.
— Прекрасно! Но, голубчик, ведь ты единственный сын.
— Увы, да!
— И так как род Ноэ не должен угаснуть, то ты обязан в скором времени жениться.
— Я это и сделаю.
— Но мне кажется, — заметил Генрих, — что в таком случае Миетта будет сильно походить на Сарру и графиня Ноэ будет иметь много общего с молодой королевой Наваррской.
— К черту все сравнения! — воскликнул Ноэ. — Спокойной ночи, Генрих, я иду спать.
— И прекрасно сделаешь, друг мой, особенно если вспомнишь старую гасконскую пословицу...

— Чтобы лучше видеть соломинку в глазу своего ближнего, надо вынуть бревно из собственного глаза?

Ноэ засмеялся и пошел ложиться спать.

Он уже укрывался одеялом, когда принц снова окликнул его.

— Ну, что еще вам надо? — спросил Ноэ.

— Держу пари, что ты плохо будешь спать сегодня ночью, — ответил Генрих.

— Ничуть не бывало.

— Я видел Сарру, а ты не видел Миетту, этого вполне достаточно. Следовательно, пока я буду завтра мирно храпеть, ты встанешь и пойдешь к Миетте.

— Это возможно.

— Я дам тебе поручение к Маликану.

— Но я надеюсь встать рано и увидеть Миетту наедине, — возразил Ноэ. — Маликан будет еще спать.

— Это ничего не значит. Ты передашь это кольцо Миетте.

Принц снял с пальца кольцо своего покойного отца, короля Антуана Бурбонского.

— Что вы делаете? — воскликнул удивленный Ноэ.

— Ты попросишь ее передать это ее дяде, — сказал принц. — Это маленькое соглашение между мной и Маликаном.

— Черт возьми, если я что-нибудь понимаю! — пробормотал Ноэ.

— Нечего тебе и понимать!.. Спокойной ночи!

Принц повернулся лицом к стене и закрылся одеялом.

Генрих Наваррский не ошибся, Ноэ поднялся очень рано.

Пока принц мирно спал со спокойствием человека, вдвойне любимого и льстящего себя надеждой надеть в один прекрасный день корону, Амори де Ноэ тихо вышел из отеля Босежур, покровительственно улыбаясь направо и налево и пожимая руки гасконским дворянам, добросовестно охранявшим сон королевы Наваррской.

Товарищ Генриха Бурбонского, разумеется, отправился прямо к кабачку Маликана.

Площадь Сен-Жермен была еще пустынна, и в кабачке не было ни одного посетителя. Здесь хозяйничала одна только Миетта, одетая в красную юбку, достаточно короткую, чтобы можно было увидеть красивый изгиб ее ножки, бархатный корсаж изящно обтягивал ее бюст, а платок, повязанный по-беарнски, чуть сдерживал роскошные черные волосы.

Миетта расставляла на прилавке кружки и стаканы и приводила все в порядок.

— Здравствуй, дитя мое, — сказал, входя, Ноэ, довольно фамильярно обнимая за талию хорошенькую беарнку.

Миетта покраснела, но не рассердилась.

— Здравствуйте, господин Ноэ, — ответила она.

Ободренный Ноэ поцеловал ее, Миетта немного отстранилась.

— Что прикажете подать? — спросила она, слегка надувшись.

— Ничего, — ответил Ноэ.

— Немного же.

— Где твой дядя?

— Он еще спит.

Ноэ вынул кольцо принца, которое Миетта тотчас же узнала.

— Передай это ему, — сказал он.

— Это? — удивленно спросила она.

— Конечно.

— Зачем?

— Не знаю, так приказал принц.

— Странно! — пробормотала Миетта.

Затем, легкая как серна, она поднялась по лестнице в комнату Маликана.

Ноэ присел на скамейку и в ожидании возвращения Миетты погрузился в мечты.

Миетта вернулась через несколько минут.

— Бедный дядя плохо спал сегодня, — сказала она.

— В самом деле? — заметил молодой человек.

— Он жалуется на сильную мигрень, господин Ноэ.

— Бедный!

— И поручил мне передать его извинения, что он не может спуститься и сам услуживать вам.

— Я принимаю их, — лицемерно ответил Ноэ, в сущности довольный тем, что, благодаря мигрени Маликана, устроилось свидание с глазу на глаз с его племянницей.

Миетта села рядом с Ноэ.

— Знаешь, дорогая Миетта, твой дядя прекрасный человек, — сказал он.

— О, я это прекрасно знаю...

— Я люблю его от всей души...

— Он отвечает вам тем же, — наивно ответила Миетта.

— Особенно сегодня...

— Почему же сегодня больше, чем обыкновенно?..

— Но, черт возьми!.. Потому, что сегодня... он оставил нас наедине... и...

Миетта снова покраснела.

— И потому, что благодаря этому я могу повторить тебе, что люблю тебя, моя дорогая Миетта, — заключил Ноэ.

С этими словами он снова обнял за талию молодую девушку.

Миетта подавила крик и попыталась вырваться от него.

Но Ноэ был силен и так крепко обнял девушку, что она не могла освободиться.

— Я люблю тебя! — страстно повторил он.

— Амори!.. — прошептала Миетта, у которой сильно забилось сердце.

Ноэ крепко прижал ее к себе, и девушка задрожала в его объятиях.

Но в эту самую минуту раздался голос, услыша который, они вздрогнули и чуть не закричали от ужаса.

— Не стесняйтесь, господин Ноэ, — говорил голос.

Побагровевший Ноэ, дрожа, обернулся. Маликан, у которого, по-видимому, прошла мигрень, стоял неподвижно на последней ступеньке лестницы.

— Не стесняйтесь, господин Ноэ, — насмешливо повторил Маликан.

Ноэ выпустил Миетту, которая сконфуженно спряталась в углу комнаты, а сам отступил.

Правда, Маликан был только бедный кабатчик, а Ноэ дворянин из хорошего рода, но Ноэ пытался соблазнить его племянницу, и глаза Маликана метали молнии. Он подошел к молодому человеку и сказал ему:

— Господин Ноэ, я хочу рассказать вам одну историйку. Будьте терпеливы, она коротка.

Ноэ с изумлением посмотрел на него.

— Мой отец, — начал Маликан, — был бедный горный пастух, и его так же, как и меня, звали Маликаном...

у него была дочь, моя сестра, в которую однажды влюбился сосед дворянин...

Маликан на минуту остановился, как бы взвешивая каждое слово.

— Этот дворянин любил мою сестру, и она любила его, — продолжал Маликан. — Однажды мой отец застал его у ее ног, тогда... знаете, что он сделал?

Маликан снова посмотрел на Ноэ, но тот, казалось, окаменел.

Трактирщик продолжал:

— Мой отец бросился к ружью, прицелился в дворянина и сказал: «Клянусь тебе спасением моей души, что убью тебя как собаку, если ты не женишься на моей дочери, которую ты соблазнил...»

Услышав эти слова, Ноэ вскочил, точно пробужденный от долгого сна.

— Ого! — воскликнул он. — Не намерен ли и ты взять с меня такое же обещание?

— Я имею честь предложить вам это, — спокойно возразил Маликан, расстегивая кафтан и вынимая из-за пояса пару пистолетов.

XXXIX

Ноэ был храбр, что не раз доказал.

Но пистолеты Маликана имели очень грозный вид, а взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— Дорогой господин Маликан, — сказал молодой человек, — я не собираюсь бежать, и если вы находите это необходимым, то можете запереть двери. Но прошу вас, спрячьте за пояс ваши пистолеты.

— Это зависит от обстоятельств, — возразил Маликан.

— Если вы хотите поговорить со мной, — продолжал Ноэ, к которому вернулось хладнокровие, — то мы, может быть, придем к соглашению.

— Я ничего иного и не желаю, господин Ноэ, — ответил Маликан, затворив дверь и усевшись перед столом, на несколько футов отделявшим его от молодого человека.

Положив пистолеты на стол, он сказал:

— Прекрасно, господин Ноэ, побеседуем.

Дрожавшая Миетта все еще стояла в углу комнаты.

Ноэ последовал примеру Маликана и сел напротив него.

Тогда трактирщик обратился к племяннице:

— Вот что, красавица, — сказал он, — так как нам надо поговорить с господином Ноэ о важном деле, а говорить о деле удобнее, когда промочишь горло, то принеси-ка нам бутылочку старого муската.

Миетта была довольна, что у нее нашелся предлог уйти, и не заставила себя просить вторично.

Она ушла и несколько минут спустя вернулась с запыленной бутылкой вина.

Во время ее отсутствия Ноэ и трактирщик молчали, точно соперники, наблюдающие друг за другом.

— Теперь, дитя мое, — сказал Маликан, когда молодая девушка поставила на стол бутылку и два стакана, — можешь идти наверх. То, о чем мы будем говорить, тебя не касается.

Миетта покраснела, как вишня, и у нее на душе сделалось очень грустно.

Она ушла, опустив глаза, и медленно поднялась по лестнице.

Но поднявшись до последней ступеньки, то есть уйдя из

виду дяди, она села и, как настоящая дочь Евы, стала с любопытством прислушиваться.

— Ну, будем говорить, если вам угодно, — предложил трактирщик.

— Пожалуй, — с напускным равнодушием ответил Ноэ.

Маликан положил локти на стол и, посмотрев своему собеседнику прямо в лицо, сказал:

— Итак, господин Ноэ, вы любите мою племянницу?

— От всей души, Маликан.

— И... она... любит вас?

— Весьма возможно, — самодовольно ответил Ноэ.

— А знаете ли вы, господин Ноэ, что Миетта добродетельная девушка?

— Ах! Кому ты говоришь это? — вздохнул молодой человек.

— И что она не позволит любезничать с собой, как французские придворные дамы?

— Согласен.

— Миетте нужен муж...

— Ах, Маликан, ты говоришь все о том же...

— Настоящий муж.

— Что ты подразумеваешь под этим?

— Я хочу этим сказать, что ей нужен человек, который женился бы на ней, — ответил трактирщик.

Ноэ вздрогнул.

— Ну, Маликан, поговорим серьезно, — сказал он.

— Я говорю совершенно серьезно, господин Ноэ.

— И оставим... в покое брак...

Маликан протянул руку за одним из пистолетов.

— Выслушай меня, — сказал Ноэ, — ты беарнец, так же как и я.

— Так же как и вы?
— Известен тебе мой род?
— Я двадцать раз проходил мимо вашего замка.
— Ты знаешь, что граф Ноэ, мой отец, имеет некоторую претензию на знатность?
— Этого я не знал, — ответил Маликан.
— Он не так просто, как я, смотрит на происхождение...
— В самом деле, — серьезно заметил Маликан.
— Я бы напрасно уверял его, что Миетта — чудная девушка, сокровище...
— При неракском дворе немного найдется таких красивых женщин, господин Ноэ.
— Согласен, но...
— И ручаюсь вам, что когда она будет графиней Ноэ...
Ноэ подскочил на месте.
— То вы можете быть уверены в ее скромности, — серьезно добавил трактирщик.
— О! Насчет этого я согласен с тобой, Маликан.
— Кроме того, она подарит вам кучу маленьких Ноэ геркулесовского сложения и прекрасных, как ангелы...
— Я не отрицаю и этого, но...
— Тогда вот что, — продолжал Маликан, — если хотите, свадьбу можно будет устроить в следующее воскресенье... Сегодня понедельник... Как видите, ждать осталось недолго...
— Но, голубчик Маликан...
— Я пойду к нашей королеве Жанне Наваррской и приглашу ее на свадьбу.
Ноэ хотел положить конец брачным планам Маликана.
— Подожди минуту, — сказал он, — мне остается сказать только одно слово.

— Ну, я
— К м
но отказать
— Что
— Я о
ее...
— Ага
— Тол
а меня граф
Малика
— Ах,
так взволно
— Как
— Мо
женился...
— Ну
— А т
вы... повер
— И т
— Не
— В т
— Эт
— Н
— Эт
Он был у
аном Буре
— Я
И Но
сказал:
— Л
нами Д'А
линии.

— Ну, я слушаю! — ответил Маликан.

— К моему великому сожалению, я должен решительно отказаться.

— Что... вы отказываетесь?

— Я отказываюсь жениться на Миетте, хотя люблю ее...

— Ага! А почему это? — спросил Маликан.

— Только потому, что ее зовут мадемуазель Маликан, а меня графом Ноэ. Понимаешь ты теперь?

Маликан громко расхохотался.

— Ах, господин Ноэ, — сказал он, — вы сейчас были так взволнованы, что не дослушали моего рассказа.

— Какого рассказа?

— Моей сестры... которую соблазнил... и на которой женился... один дворянин.

— Ну, так что же из этого?

— А то, что этот дворянин был не худшего рода, чем вы... поверьте мне...

— И ты ставишь мне его в пример, — усмехнулся Ноэ.

— Нет, я не то хочу сказать.

— В таком случае я слушаю.

— Этого дворянина звали маркизом Люссан.

— Неужели? — спросил Ноэ.

— Это так же верно, как я имею честь говорить с вами. Он был убит в сражении рядом с покойным королем Антуаном Бурбонским.

— Я знаю это.

И Ноэ, не понимавший еще, к чему клонит Маликан, сказал:

— Люссаны хорошего происхождения, они были кузенами Д'Альбре, предков принца Генриха по материнской линии.

— Итак, вы согласны с тем, что тот, кто женился бы на мадемуазель Люссан...

— Что? — вздрогнув, спросил Ноэ.

— Вступил бы не совсем в неравный брак, — закончил трактирщик.

— Как! — воскликнул Ноэ. — У него осталась дочь?..

— Дочь, у которой прекрасные глаза и которую вы любите.

— Миетта!

— Ну, да...

У Ноэ сильно забилося сердце.

— Возможно ли это, Боже мой! — пробормотал он.

— Это вполне верно, господин Ноэ.

— Миетта — дочь маркиза?

— Родная дочь.

— Значит, она... благородного происхождения?

— И лучшей беарнской крови.

Ноэ вскрикнул от радости.

— Тогда ты можешь убрать свои пистолеты, Маликан, — сказал он.

— Ага!

— Тебе они не нужны...

— В самом деле?

— Я женюсь, говорят тебе.

Маликан засмеялся и позвал:

— Миетта! Миетта!

Но Миетта не ответила.

— Ого! — пробормотал Маликан. — Уж не дуется ли она, чего доброго?

Он бросился к лестнице, по которой поднялась Миетта, и Ноэ, последовавший за ним, услышал вдруг крик удивления, почти ужаса.

Миетта слышала весь разговор с верхней ступеньки лестницы, и была в таком волнении, что не могла ни говорить, ни двинуться с места.

— Что с тобой? — воскликнул трактирщик, подбежав к ней. — Уж не собираешься ли ты упасть в обморок?

В эту минуту к ним подоспел Ноэ и серьезно сказал:

— Успокойтесь, графиня Ноэ.

Миетта вскрикнула и в самом деле чуть не лишилась чувств.

Ноэ обнял ее и спустился вниз вслед за Маликаном.

Т 35 Понсон дю Террайль. Молодость короля Генриха IV.
Приключения прекрасной Нанси. — СПб.: Лениздат,
«Ленинград», 2006. — 384 с.

ISBN 5-289-02376-3

Принц Генрих Наваррский приезжает в Лувр под именем графа де Коарасса, предсказателя и колдуна. С помощью своих верных друзей и камеристки Маргариты — умницы и красавицы Нанси он завоевывает дружбу короля Карла IX и любовь французской принцессы Маргариты. Королева-мать Екатерина пытается воспрепятствовать браку принца Наваррского и своей дочери. Потерпев фиаско, она обрушивает свою ненависть на мать Генриха — королеву Наваррскую Жанну д'Альбре.

ББК 47.2.1.1.1

роля Генриха IV.
Пб.: Лениздат,

именем графа де Коа-
их друзей и камеристки
ывает дружбу короля
Королева-мать Ека-
рского и своей дочери.
ть Генриха — короле-

ББК 47.2.1.1.1

Понсон дю Террайль
МОЛОДОСТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Приключения прекрасной Нанси

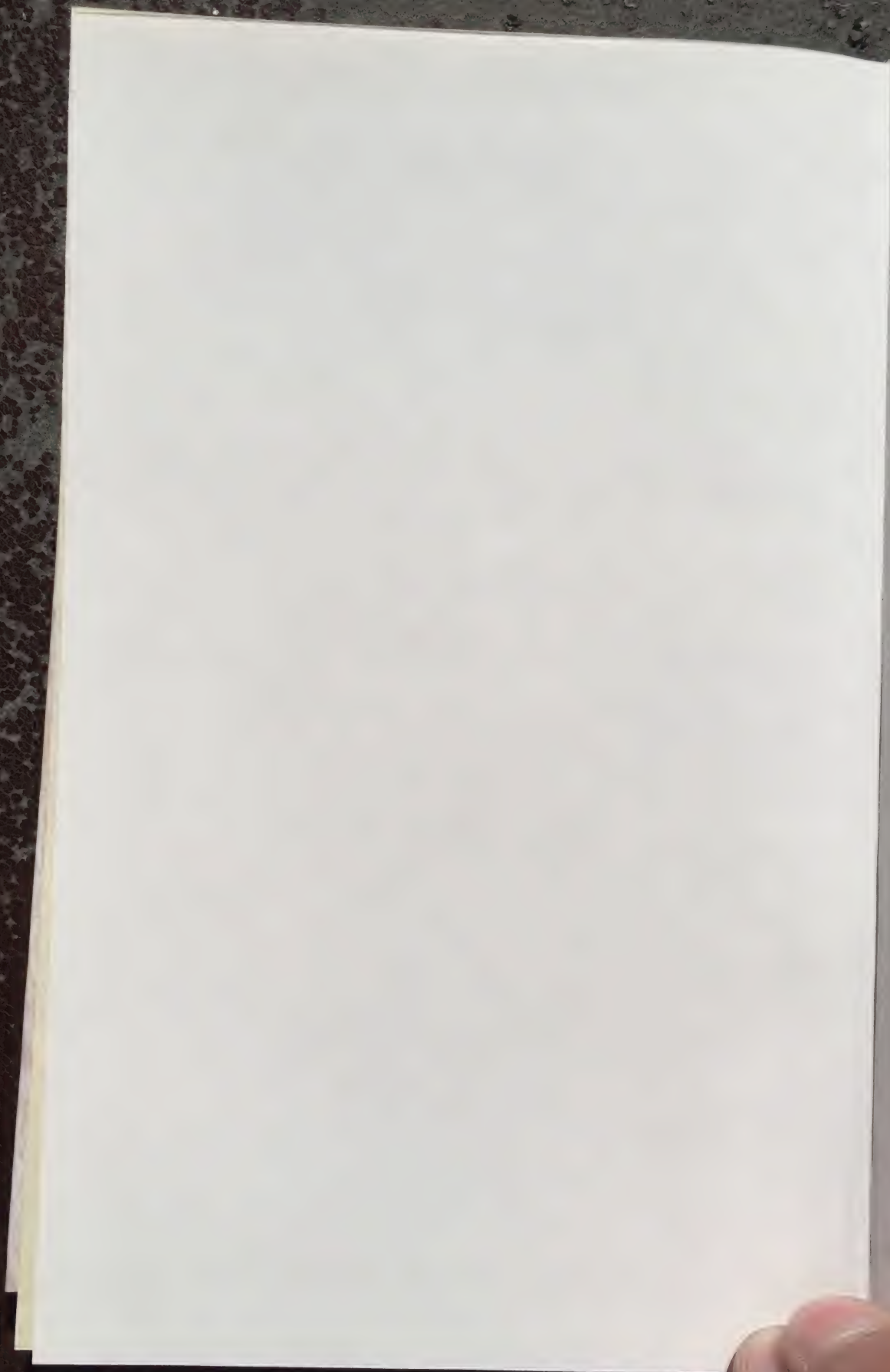
Перевод с французского

Ответственный редактор **Л. Н. Горбачева**
Корректор **Л. Н. Комарова**
Верстка **Е. Ф. Федоровой**

Лицензия ЛР 010246 от 28.05.97 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.08.2006 г.
Формат 84×108¹/32. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 10,6.
Доп. тираж 10 006 экз. Заказ № 2601.

Издательство «Лениздат»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.
E-mail: lenizdatpub@mail.wplus.net
Издательство «Ленинград»
Санкт-Петербург, Лиговский пр., 56.

Отпечатано с готовых фотоформ
в ОАО «Лениздат»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

**Прикаючения
прекрасной Нанси**

Понсон
дю Террайль

МОЛОДОСТЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Понсон дю Террайль

Приключения
прекрасной Нанси

PARIS ET MONDRIJN

AMSTERDAM ET ALIIS

**Чай черный байховый
цейлонский высший сорт «Черный лист»
«ЗИМНЯЯ СКАЗКА»**

Состав: чай черный байховый цейлонский крупнолистовой.
Высший сорт.

Шай қара байховый цейлонский жоғарғы сұрып "Қара парак"

Құрам: шай қара байховый цейлонский крупнолистовой. Жоғарғы сұрып.

Изготовлен и упакован:

09.2017

заваривать: 4-5 мин.
годен 24 мес.
масса нетто 150г.

Изготовлен и упакован: ООО "Чайная компания "Премьер". Юридический адрес: Россия, 129110, г. Москва, пр-т Мира, д. 45. Фактический адрес: Россия, 240191, Калужская обл., Жуковский р-н, с. Высокиничи, ул. Ленина, д. 27.
Жаса- және бу-: "Чайная компания "Премьер". Занды мекенжай: Ресей, 129110, әлемнің Мәскеу, пр-шісінің жылы, д. 45. Нақты мекенжай: Ресей, 240191, Калужский обл., Жуковский ауданы, Высокиничи с., Ленин көш., 27-үй.

Хранить в сухом прохладном месте при относительной влажности воздуха не более 70%. Құрғақ салқын жерде ауаның сапыстырмалы ылғалдылығы 70% артық емес.

ТУ 9191-001-0116976187-12
<http://www.hilltop.ru>

